

Анастасия Макшакова

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Г. Инспекторъ, угащяе и гращяеъ въ выпускной
(4/12) отделеиъкъ на россійск. языкъ. Тиминскій Поповъ,
ской, Гайворонской и Ста,
святые Г. Куралеу,
портъ экзамена. П. Ма

Люди,
Полки,
Не забывай

Телева
№ 31577-9

Теориню

инскон, с
Удоя. ур. Воя,

*Когда мы не помним тех, кто нам
предшествовал, мы, в сущности,
и себя не помним.*

Аркадий Райкин

Анастасия Макшакова

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Иллюстрации и оформление
Ксении Макшаковой

УДК 94(47+57)<19>(093.3)
ББК 63.3(2)6ю14
М 17

Содержание

Макшакова, Анастасия

М 17 Семейный альбом / Анастасия Макшакова : 2021. – 172 с.

ISBN 978-5-6044643-1-1

В любом семейном архиве найдутся фотографии и письма предыдущих поколений, а также множество историй, на основе которых можно было бы снять фильм или написать книгу. Любовь, героизм, предательство, таинственное исчезновение, хладнокровное убийство, романтическая переписка, встреча родственников спустя 90 лет, революция, война и блокада... И всё это не роман, не выдумка, а жизнь самых обыкновенных людей. Автор делится раритетными фото XIX—XX веков и рассказывает истории своих предков, начиная с эпохи Петра Первого. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 94(47+57)<19>(093.3)
ББК 63.3(2)6ю14

**В оформлении обложки использованы фотографии
и письма из семейного архива.**

**Медалью материнства I степени была награждена
Соколова (Гиляревская) Нина Ивановна в 1947 г.**

Вступление	6	Глава 10. Архимандрит из Парижа	72
		Глава 11. Город на холмах	76
		Глава 12. Скарлетт	79
		Глава 13. Party for everybody	84
		Глава 14. Тучи над дедушкой	86
		Глава 15. Без срока давности	89
Часть первая. ДО РЕВОЛЮЦИИ			
Глава 1. Ровесник Петра	8		
Глава 2. Братец Фигура	9		
Глава 3. Флегонт и его сыновья	12		
Глава 4. Пропавший жених	15		
Глава 5. Судьба Маши Доспеховой	17		
Глава 6. Чухонское масло	24		
Глава 7. Погост-призрак	27		
Глава 8. Индийское кино	28		
Глава 9. Бабушкин дедушка	30		
Глава 10. Ольга и Обломов	32		
Глава 11. Рождество	36		
Глава 12. Дядя Андрюша	39		
Глава 13. Ёлка	42		
Глава 14. Поэма о будущем	44		
Часть вторая. ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ			
Глава 1. Начинаем жить без тебя	48	Глава 1. Ленинградским детям	94
Глава 2. Выбор	51	Глава 2. Девочка Люся	95
Глава 3. Отец Александр	54	Глава 3. Июль – сентябрь 1941	97
Глава 4. Skierniewice	56	Глава 4. Октябрь 1941 – январь 1942	99
Глава 5. Sokołów	58	Глава 5. Февраль – май 1942	101
Глава 6. Джентльмен	62	Глава 6. Май 1942 – май 1945	105
Глава 7. Переезд	65	Глава 7. Май 1945 – вся жизнь	108
Глава 8. Не игрушки	67		
Глава 9. Письмо сыну	69		
		Часть третья. ХРОНИКИ БЛОКАДЫ	
		Часть четвертая. ЖИЗНЬ В СССР	
		Глава 1. Верю!	114
		Глава 2. Дебет – кредит	118
		Глава 3. Розовые брёвна	121
		Глава 4. История одной старушки	124
		Глава 5. Мешочек золота	132
		Глава 6. Гадалка	136
		Глава 7. Нина Сентярёва	141
		Глава 8. История в фотографиях	146
		Заключение	169
		Источники	170

Вступление

Написание этой книги меня вдохновил всемирно известный фотоальбом румынского фотографа Михаэлы Норок «Атлас красоты. Женщины мира в 500 портретах». Среди сотен прекрасных лиц меня особенно тронуло фото очаровательной пожилой дамы из Гватемалы. Её звали Лина. Она позировала фотографу в своем продуктовом магазинчике, где проработала 62 года. Вокруг неё – на прилавке, на полках и в плетёных корзинах – были красиво разложены бананы, кукуруза, лепёшки. Лина была одета с большим вкусом и выглядела моложе своего возраста. Женщина настойчиво просила Михаэлу прислать ей фото: «За долгие годы я собрала много своих фотографий. Я повешу их все на стену, чтобы люди не забыли меня, когда меня не станет». «Даже тот, кто жил скромно и незаметно, хочет, чтобы его помнили», – подписала снимок фотограф.

Эту мысль можно вынести как эпиграф к нашей книге воспоминаний. Среди моих предков было немало интересных людей, но большинство жили именно так – скромно и незаметно. Вряд ли о них знает и помнит кто-нибудь, кроме

нас. Мы уже много лет собираем фотографии и письма, поддерживаем связь с родственниками. Не могу сказать, что мы серьёзно занимаемся фамильным деревом, сидим в архивах, изучаем документы. Скорее, просто хотим больше знать о своей семье. Ведь это так захватывающе – видеть себя в контексте истории. Понимать, что многие черты – внешние и внутренние – у тебя от предков. Узнавая историю своей семьи, мы лучше познаём самих себя.

Это не исследование и не научная монография. Я старалась приводить точные факты, но не перегружать читателя подробностями. Здесь много личных историй, семейных тайн и загадок.

Уверена, что в каждой семье найдётся множество воспоминаний, документов, фото и писем, по которым можно написать книгу и даже снять фильм. Главное, проявить немного любопытства и настойчивости. А семейная история – это традиции, памятные места, города и люди, которые так или иначе связаны между собой. Это увлекательное путешествие не только в прошлое, но в настоящее и даже немного в будущее. Итак, начнём?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

До Революции

Ровесник Петра

Самого древнего известного мне предка со стороны отца звали Матвей. Он родился в 1680 году в селе Хотимль Ковровского уезда (Ивановская область) и был ровесником Петра Великого. Точнее, Петр I был старше своего подданного на восемь лет. Мой несколько раз прадедушка не совершил ничего такого, что вошло бы в анналы истории. Зато он воспитал сына Василия Матвеевича, который стал первым священником в роду.

Интересно, что основным ремеслом в селе была иконопись. Компания «Софрино» ещё не была создана, и иконы писали жители

Холуйской слободы, в состав которой входило и село Хотимль. Новые иконы покупали коробейники – странствующие торговцы. По-старинному они назывались «офенями». Офени платили жителям Хотимли два рубля серебром за сотню икон, что считалось выгодной для обеих сторон оптовой ценой. Потом иконы грузили на телеги и развозили по ярмаркам всей России.

Иконопись – занятие красивое и благородное. Возможно, поэтому потомки Матвея стали священниками и служили в церкви на протяжении последующих 250 лет. Священническая

линия прекратилась в 1970 году со смертью моего прадедушки, протоиерея Александра Соколова. Он не был прямым потомком Матвея из села Хотимль, зато был женат на его (несколько раз) правнучке Нине Гиляревской. О них речь позже.

Сын Матвея, Василий, родился в 1709 году. В 1725 году, когда Васе было 14 лет, в его родном селе суздальский митрополит освятил храм Николая Чудотворца. Каменный храм был построен

по инициативе местных купцов взамен устаревшей деревянной церкви. Внутреннюю роспись делали местные «богомазы», чтобы неграмотные поселяне могли по фрескам изучать сюжеты Ветхого и Нового Заветов – такая своеобразная «Библия в картинках».

Через несколько лет Василий женился, стал священником и прослужил в этом же храме до своей кончины в 1785 году.

Братец Фигура

У священника Василия Матвеевича был сын Иван, у которого, в свою очередь, сын Иван Иванович (родился в 1774), псаломщик в том же храме, где служили его дед и отец. Примечательно, что псаломщик Иван Иванович уже носит благозвучную фамилию – Гиляревский, которой у его отца ещё не было.

Действительно, фамилии у духовенства появились только в середине XVIII века. До этого, священников называли «батюшка» или «отец» с добавлением имени. Фамилии образовывались от названий церковных праздников (Преображенский, Рождественский) или приходов (Никольский). Они давались семинаристам во время выпуска. Особо усердные ученики награждались красивыми фамилиями с положительным смыслом (Добролюбов, Бриллиантов), а хулиганы в наказание получали «нехорошие» фамилии (Саулов, Фараонов) в честь отрицательных библейских персонажей.

«Гиляревский» и его вариант «Гиляровский» – звонкая фамилия с положительным

Семейный фотограф Анюта Виноградова (в замужестве Гербановская).

Снято в воскресенье 24 апреля 1894 г.

На этом снимке ей 21 год.

смыслом. Она образована от латинского слова «hilaris» – «весёлый». Это значит, что наш предок Иван Иванович был прилежным учеником, не лишенным чувства юмора и склонный к веселью. С полной уверенностью могу сказать, что эти качества перешли к его потомкам.

У жизнерадостного Ивана Ивановича и его супруги Елизаветы было шесть детей. Самый младший из них – Иван – родился в 1824 году, окончил семинарию и служил дьяконом села

Левино Вязниковского уезда. Дошло до нас и милое семейное прозвище отца Иоанна – «братец Фигура». Возможно, потому, что он любил шутить и фигурно выражаться. Имя супруги не сохранилось, зато известны имена четырёх детей – Петр, Федосья, Флегонт, Михаил. Второй сын – Флегонт – мой родной прапрапрадед.

Интересно, что под старость овдовевший отец Иоанн жил сначала у самого многодетного

В центре – прапрапрадед Флегонт Иванович, справа – прапрапрабабушка Мария Андреевна (урожд. Суворова), слева – младший сын Андрей. Сидят: старший сын Вячеслав, младшая дочь Варвара и жена отца Вячеслава, Саша (урожд. Казанская). Юный фотограф – Аня Виноградова. 1890-е гг.

Протоиерей Александр Виноградов в гробу. 31 мая 1908 г.

Фото Анны хорошего качества не нашлось, зато нам прислали впечатляющих размеров снимок знаменитого владимирского фотографа В.В. Иодко.

сына – Флегонта. Но, поскольку детей у того было много, все постоянно шумели и играли, да и жили они бедновато, решил перебраться к старшему сыну – Петру. По сравнению с Флегонтом, Петр Иванович был богатым и бездетным.

Флегонт Иванович – один из самых «старинных» моих предков, которого можно увидеть на фотографии. На этом фото, несколько поблёкшем от времени, суровый отец Флегонт восседает рядом со своей добродушной супругой. Слева внизу – его сын Вячеслав, молодой и симпатичный. В шляпе, с длинными волосами и бородкой он похож на какого-то итальянского певца. Справа внизу – юная жена

отца Вячеслава, Саша. Между ними – младшая дочь Варя Гиляревская. Но особенно мне нравится младший сын отца Флегонта – Андрей. У него открытое, честное, волевое лицо, прямой взгляд. О нём я ещё расскажу.

Мой прапрапрадедущка только на вид такой хмурый и патриархальный. На самом деле, он был остряк и весельчак, как и все Гиляревские. Не стоит забывать, что фотография в те времена была делом серьёзным. Это сейчас все публикуют свои селфи в бане, в туалете, в ресторане. Люди в XIX веке фотографировались крайне редко, иногда раз в жизни, и подходили к этому торжественному мероприятию с полной ответственностью.

Мы даже знаем, кто сделал этот снимок. Старший сын отца Флегонта, Дмитрий, был женат на Надежде Виноградовой. Её родная сестра Аня серьёзно увлекалась фотографированием. У неё был свой фотоаппарат – громоздкий деревянный ящик на подставке. Чтобы сделать снимок, Аня накрывалась черной материей, а фотографируемые в этот момент сосредоточенно смотрели в объектив.

Анна проявляла снимки в своей фотолаборатории. Процесс был сложным и требовал специального оборудования. Качество, возможно, было не всегда высоким – достаточно сравнить Анины снимки с профессиональными фотопортретами той эпохи. Зато её фото были

настоящими, неформальными, более живыми и без ретуши.

Интересно, что самым удачным снимком Анны считается посмертный портрет её знаменитого отца – протоиерея Александра Виноградова, настоятеля Успенского собора во Владимире. Отец Александр запечатлен лежащим в гробу с крестом в руках. Вокруг гроба – берёзки. Нетрудно догадаться, что гроб был поставлен в соборе в день Святой Троицы. Именно так написано на обороте. Погребение произошло на следующий день. Наверное, фотографу тяжело дался этот снимок, но она была уверена, что потомки оценят её старания. В этом Анна Александровна была совершенно права.

ГЛАВА 3

ФЛЕГОНТ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Флегонт Иванович Гиляревский (1848—1912) женился на Марии Андреевне Суворовой и в возрасте 24 лет начал служить священником села Нармочь Меленковского уезда (Владимирская область). У них с матушкой было семь детей – пять сыновей и две дочери – Ольга и Варвара.

О сыновьях Флегонта в Интернете ходят легенды. Запущены они с лёгкой руки публициста Якова Кротова, а затем перепечатаны на нескольких сайтах. История такова: пятеро сыновей отца Флегонта Гиляревского расстреляны большевиками в период с 1917 по 1937 годы. Я обращалась с просьбой исправить эту, мягко говоря, неточность, но мои слова проигнорировали.

На самом деле, сведений о расстреле моего прапрадедушки и его братьев нет – это всё домыслы. Нашей семье известно следующее.

Старший сын **Дмитрий Флегонтович** (1872—1917) работал преподавателем в школе и семинарии, потом стал настоятелем храма Бориса и Глеба во Владимире. Женился на Надежде Виноградовой, дочери настоятеля Успенского собора. У них было трое детей – два сына (Борис и Глеб) и дочь Мария. Отец Дмитрий страдал лёгочным заболеванием, от которого и скончался в 1917 году.

Иоанн Флегонтович (1874—1920) – мой прапрадедушка. Служил священником на загадочном погосте Листвено, речь о котором пойдет далее. Отец Иоанн женился на Марии,

Все братья Гиляревские окончили Владимирскую духовную семинарию.

К началу XX в. она была второй по количеству учащихся в России – более 800 воспитанников и 60 человек педагогического персонала. Я не знаю точно, кто на этом фото, но оно много лет хранилось в нашей семье. Надеюсь, кто-нибудь найдет здесь своего родственника.

дочери священника Ераста Козьмича Доспехова. У Иоанна и Марии было трое детей – моя прабабушка Нина и её младшие братья Боря (умер в младенчестве) и Вася. Мария скончалась в 1915 году. Отец Иоанн умер в 1920 от «водяной болезни». Под этим, скорее всего, подразумевалась болезнь сердца. Нина в тот же год вышла замуж за Александра Соколова, который взял к себе и её братишку Васютку. Но о расстреле отца Иоанна никто никогда не упоминал.

Вячеслав Флегонтович (1876—1939) служил в селе Ярышеве Суздальского уезда. Там

женился на 16-летней Саше Казанской, отец которой внезапно умер и оставил её мать с двумя детьми на руках. В 1937 году протоиерей Вячеслав Гиляревский, тогда уже благочинный города Гусь-Хрустальный, был арестован и отправлен в лагерь на пять лет. Умер в тюремной больнице Севвостлага под новым 1940 год.

Об **Александре Флегонтовиче** (1886 г. р.) известно меньше всего, потому что он не оставил потомства. Он служил священником в селе Муравкино Суздальского уезда и тоже был репрессирован. Сохранился донос на отца

Мой прапрадед, Иоанн Флегонтович.

На этом фото, сделанном во время учёбы в семинарии, он юный и милый. О нём рассказывается в главах первой части «Судьба Маши Доспеховой», «Ольга и Обломов», а также в главе «Начинаем жить без тебя» второй части.

Дмитрий Флегонтович.

О нём – в главах «Ольга и Обломов», «Рождество»

Варвара Флегонтовна.

Была замужем за священником Александром Тихомировым. Его постоянно преследовали органы НКВД. В 1937 году после очередного допроса он повесился на дереве недалеко от села, где служил священником.

Ольга Флегонтовна.

Была замужем за священником Евгением Соколовым. О его судьбе ничего неизвестно. Возможно, он также был репрессирован в 1937 году. Подробнее об Ольге я пишу в первой части («Чухонское масло») и в главе «Начинаем жить без тебя» второй части.

Александра, где властям особенно опасным показалось следующее его высказывание: *«Теперь в церковь ходят мало народа потому, что мы не сумели духовно воспитать молодежь, но я уверяю вас, что недалеко то время, когда снова и старые, и молодые вернутся в церковь».*

Вот так, благодаря доносчику, до меня дошли золотые слова моего двоюродного прапрадеда.

И, наконец, **Андрей Флегонтович** (1888 г. р.) с честью прошёл через множество испытаний, арестов, тюрем. Его каждый раз выпускали по настоянию прихожан, и он продолжал служить и читать проповеди. Отказывался сотрудничать с НКВД, доносить на прихожан, ссылаясь на тайну исповеди. В 1937 году его арестовали

окончательно. Основанием для ареста стали его слова: «Православные, завтра будут читаться Царские Часы, приглашайте верующих в церковь, своих сынов и дочерей». Это было воспринято как призыв к восстановлению монархии. Отца Андрея приговорили к десяти годам и отправили в исправительно-трудовой лагерь, где он скончался. Дата смерти не сообщается. Реабилитирован в 1989 году одновременно с братьями Александром и Вячеславом.

Для меня все пятеро сыновей отца Флегонта – настоящие герои, современные исповедники за веру. Остаться священником в те годы уже было мужественным поступком. Однако они прошли через все испытания и оставили о себе добрую память потомкам.

ГЛАВА 4

Пропавший жених

Нас всегда интриговали две фотографии Марии Ерастовны Гиляревской, в девичестве Доспеховой. На обеих она позирует со своим женихом, будущим священником. Оба молодые, привлекательны, элегантны. Мария выглядит очень счастливой, а её жених-красавец чем-то похож на Антона Павловича Чехова. Интеллигентный, темноволосый молодой человек. Пенсне в изящной оправе. И она – стройная, светлая. Гармоничная пара.

Супруг Марии, Иоанн Флегонтович Гиляревский, был человек полный, не отличавшийся особым изяществом. Более того, по словам их дочери Нины, моей прабабушки, он умер от так называемой «водянки». Странно, что ни на одной фотографии он не выглядит брюнетом. Скорее, шатеном. И черты лица совсем другие.

Мы рассматривали, сравнивали, ломали голову. Всё окончательно стало ясно, когда

Тот самый загадочный жених. Предположительно 1895–1897 гг.

На первой фотографии, возможно, помолвка. На второй – он в рясе, но без креста. Значит, ещё не рукоположен, и молодые люди, скорее всего, пока не женаты.

нашлось фото Вани Гиляревского в юности, ещё в годы учёбы в семинарии (стр. 14). Красавцем-брюнетом в духе Чехова он никогда не был. Из всех братьев он больше всего походил на своего папу, Флегонта Ивановича. На свадебных фото он тоже довольно корпулентный, хоть и совсем молодой, а Мария Ерастовна всё такая же стильная, но уже печальная (стр. 20).

Всё встало на свои места. Это два разных человека! Кто же тогда этот загадочный красавец, чьи фото хранились в нашей семье более 120 лет? Почему прабабушка Нина уверенно показывала на них внукам и говорила: «Это папа в молодости». Следом за ней её дети говорили: «Это дедушка». На вопрос: «Почему

он изменился до неузнаваемости?» следовал ответ: «Из-за водяной болезни».

Потребовалось чуть-чуть внимательности, чтобы разобраться. Только имени и происхождения этого молодого человека мы уже никогда не узнаем. Также, как и историю его любви с Марией Ерастовной Доспеховой. Возможно, они расстались. Но тогда, мне кажется, она вряд ли стала всю жизнь хранить эти фото в альбоме. Вероятнее всего, жених скончался перед свадьбой, и Марии пришлось выйти замуж за другого. Мы всё равно считаем, что этот неизвестный человек имеет отношение к нашей семье и продолжаем хранить его фотографии.

ГЛАВА 5

Судьба Маши Доспеховой

Мария Ерастовна Доспехова – наша любимая прапрабабушка. В детстве это милая, симпатичная девочка. Она позирует со своими родителями, братьями и сестрой. Также сохранилось фото дома Ераста Козьмича Доспехова, Машиного папы. Дом прекрасен – добротный, просторный. Есть в этом дореволюционном фото спокойствие и умиротворенность, которых потом больше никогда не было. Для меня этот дом – символ утраченной цивилизации (стр. 27).

Далее следуют две фотографии с загадочным красавцем-женихом, о котором я уже писала. Потом – свадебные с Иоанном Гиляревским. Мария Ерастовна – обладательница

изящной фигуры и чувства стиля, которые она передала через поколения своим потомкам.

У пары родилась дочь Нина, потом сын Боря. Младенец смертельно заболел, и родители специально пригласили фотографа, Егора Евстигнеевича Хромова, чтобы запечатлеть всю семью в последний раз вместе. Мальчик умер через несколько минут, и Егор Евстигнеевич снял его на смертном одре. В детстве я боялась этих фотографий до мурашек – не верила, что младенец может умереть. Но теперь я смотрю на них с грустью.

Малыш лежит в гробике в кружевных пелёнках. Он совсем не похож на мёртвого. Кажется, что он спит. Потом его отпевают, затем

на белоснежных полотенцах опускают в могилку. Толпа людей собралась вокруг крошечного гробика. Отец Иоанн служит. У него заплаканные, опухшие глаза. Рядом стоит мать. Её можно узнать по выражению лица. На переднем плане – Нина. С недетской серьёзностью смотрит в объектив. После смерти Бори на свет появился сын Вася.

Мы не знаем, в каком году и чем Мария заболела. На фото 1914 года, где Васютка совсем маленький, а Нина в форме гимназистки, она уже выглядит довольно болезненной (см. стр. 49). Мы знаем только, что болезнь её длилась довольно долгое время, и смерть не была неожиданностью для мужа. В своём письме родственнице он пишет о том, как воспринял кончину супруги.

Была ли счастлива Мария Ерастовна? Надеюсь. Жизнь её оборвалась в 1915 году, когда ей было всего 40. Пишу «всего 40», потому что в понятии современного человека это возраст расцвета и новых свершений, а в конце XIX века ожидаемая продолжительность жизни в России составляла 30 лет. Подумать только – тридцать! Выходит, что моя прапрабабушка прожила не так уж мало.

Её супруг, отец Иоанн, умер в 1920 году в возрасте 46 лет. На погосте Листвено остались одни 20-летняя Нина и 10-летний Вася.

Мои прапрадедушка и прапрабабушка. Родители Маши – священник Ераст Козьмич Доспехов с супругой Надеждой. 1860-е гг. Лица матушки почти не видно, зато бросаются в глаза её изящная фигура, красивые руки и нарядное платье.

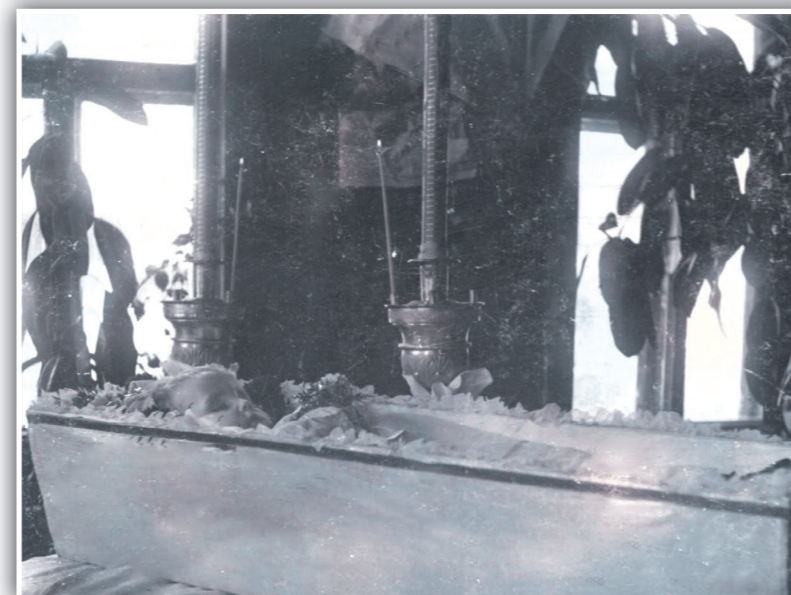
Семья священника Ераста Козьмича Доспехова. Маша стоит между отцом и братом. 1885 г.

Маша Доспехова, 1892 г.

Молодожёны Мария Ерастовна
и Иоанн Флегонтович Гиляревские,
1899 г.

Смерть и похороны
Бори Гиляревского, 1908 г.

На маленькую Нину смерть Бори произвела тяжелое впечатление. В 1930 году у Нины родился сын, которого она назвала в честь братика. Он умер восемь месяцев спустя, в 1931, от воспаления легких.

ГЛАВА 6

Чухонское масло

Как-то раз я обнаружила в старых бумагах записку с рецептами выпечки. Сначала обратила внимание на «яти» и фунты, а потом на всякие забавные ингредиенты, вроде чухонского масла. Перед каждым рецептом были проставлены даты: «1917 год, 1 апреля», «1918 г., 22 апреля». Также в рецепте кулича

1917 года, который надо было изготавливать часов тридцать, была приписка «Пасха очень закручивает, не забудьте, пожалуйста». Несмотря на многочасовой напряженный труд, «тесто-1917» вышло ужасное.

У меня две версии того, кто записывал эти рецепты. Это может быть прабабушка Нина

Ивановна, которой в те годы было 17—18 лет. После смерти мамы она вела хозяйство, заботилась о братишке. Правда, постоянно этим заниматься не могла, так как училась во владимирской гимназии. Помогать брату Иоанну Флегонтовичу решила его сестра Ольга. Она приезжала на погост Листвено и вела дом. Поэтому автором этих любопытных рецептов может быть и Ольга Флегонтовна.

Довольно необычно читать записи, сделанные твоими родственницами более ста лет назад. Интересно, к кому так настойчиво обращалась хозяйка «не забудьте, пожалуйста»? Может быть, к нам, её потомкам? Мы, конечно, о них не забыли, но применить на практике эти кулинарные советы не представляется никакой возможности.

Потратить тридцать часов на изготовление кулича? Серьёзно? Мы самостоятельно печём пасхальные куличи, но уходит на это часов пять, не больше. И получается отлично. К тому же, в магазинах больше не продаётся чухонское масло. Это прибалтийское масло, которое изготавливалось из сквашенных сливок и имело приятный кисловатый вкус. Чухонцы – дореволюционное название финнов и эстонцев, населявших окрестности Санкт-Петербурга.

Удивительно, как за сто лет изменилась кулинария, отношение к еде и приготовлению пищи. Прабабушка Нина всю жизнь бережно, с трепетом хранила книгу Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам». Этот бестселлер конца XIX – начала XX века достался в подарок её маме, Марии Ерастовне, и перешел по наследству дочери, затем внучке, а потом и нам.

Только никакого трепета перед книгой мы не испытывали. В основном, мы читали её, чтобы от души посмеяться над «полезными

Нине Гиляревской два года.
Фотография сделана на Пасху 27 апреля 1902 г.

советами», которые в современном мире смотрятся дико: «Когда бьют скот, то кровь их подливать под фруктовые деревья».

«При каждой кухне не мешает иметь постоянно одного или двух поросят, которых можно кормить помоями, остатками кореньев, хлеба и проч., но только остерегаться, чтобы не попало им кусков мяса и внутренностей от дичи».

«Если случится купить лишний лимон, то чтобы он не высох, надо сохранять его в сырой, холодной воде, чаще её переменяя. Таким образом сохраняются они и в массе».

Дореволюционная пасхальная открытка
из семейного архива.

А как вам такой лайфхак: «*Подавая, кость можно украсить кокардой из бумаги, как указано на рисунке в Отделе XXXVII. Привожу здесь несколько рисунков как образцы сервировки блюд, так как красивая их сервировка придает большую цену кушаньям, возбуждая к ним аппетит*».

По правде говоря, рецепты Молоховец аппетита не возбуждали. Они вызывали смех, а также оторопь, недоумение и даже возмущение. Среди 4500 рецептов не нашлось ни одного, который захотелось бы приготовить, хотя мы всю жизнь

увлекались кулинарией. Многие продукты, вроде бы, доступны, но отпугивает их сочетание. Даже постный стол и блюда для «господ вегетарианцев» такие, что сейчас и на банкетах не попробуешь. А ежедневное меню вообще на грани фантастики: суп из черепахи, жареные рябчики, перепёлки, куропатки, дрозды в соусе из французского трюфеля, стерлядь в шампанском и прочие гастрономические изощрения.

Прислуга должна была питаться не так, как господа, и это всячески подчеркивалось. Например, на завтрак «людям» (так называли слуг) предлагалось давать молоко с квашеной капустой. Удачное сочетание, нечего сказать! Или господа могли от щедрот оказать благотворительность нищим: подать им похлебку из сваренной несколько раз кости. Получалось меньше полкопейки за тарелку – выгодно же! И совесть чиста.

Говорилось о прислуге в таком холодно-высокомерном тоне, что становилось ужасно обидно за простой народ:

Голова воловья употребляется на студень, для беднейшего класса людей и для прислуги.

Когда ощипывают с птиц перья, то откладывать их в одно место; в длинные зимние вечера приказать их перебрать; они годятся на подушки для слугителей или для бедных; перья и пух от гусей и уток собирать отдельно.

Каждые 10—15 минут сливать в горшочек растопленный жир, пока весь не растопится и не останутся одни шкварки, которые отдать прислуге к какой-нибудь каше.

Скажите на милость – приказать перебрать, для беднейшего класса, к какой-нибудь каше!

Буржуйские замашки Молоховец коровили не только нас. Её современники, Чехов и Тэффи, тоже высмеивали аристократически-надменный тон и изысканные рецепты.

Например, Тэффи пародирует мой любимый совет об украшении кости кокардой из бумаги:

Какой бы скверный окорок у вас ни был, хоть собачья нога, но раз вы намерены им разговляться, а в особенности разговлять своих гостей, вы обязаны украсить его стриженной бумагой. Какую взять бумагу и как ее настричь, это уж вам должна подсказать ваша совесть.

Антон Павлович в «Календаре Будильника» от 1882 года предлагает такое экзотическое меню:

- 1) *Щи с щеглами.*
- 2) *Дубоносы фри.*
- 3) *Чижи под соусом.*
- 4) *Грудной чай с мёдом.*
- 5) *Мороженое из снегурей.*

(Сей обед в книге 2-жи Ольги Молоховец называется «обедом певчих»)

Смешно, нелепо, выпренне? Оказывается, Елена Молоховец была дамой чрезвычайно продвинутой для своего времени: она думала о чистоте и гигиене, о нравственности и удобстве прислуги, об экономии и рациональном ведении хозяйства. Она предлагала сделать спальное место для кухарки в виде откидной полки, которая крепилась к стене. Кухарка должна была спать на матрасе, набитом морскими водорослями. Стены и потолок кухни надо было покрасить светлой масляной краской. Помещение должно быть просторным и хорошо вентилируемым. Предусматривалось множество систем для хранения, как в ИКЕА. Чистота и порядок в кухне – залог здоровья и благополучия семьи.

Позже, в рассказе Чехова «Невеста» от 1902—1903 года я обнаружила описание типичного кухонного быта тех лет:

Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы...

Так что книга Молоховец была передовой для своего времени и выдержала 29 изданий ещё при жизни автора. Она до сих пор переиздаётся в разных форматах, начиная с репринта объемом в тысячу с лишним страниц и заканчивая тоненькими книжечками типа «Из кулинарных советов графини Молоховец».

Помимо драгоценной книги рецептов, у бабули Нины оставались предметы утвари точь-в-точь, как на рисунках в разделе «Принадлежности кухни и кухонная посуда вообще». Наверное, они тоже перешли ей в наследство от матери. Медные тазы и лопатки, ступка с пестиком, волосяные сита разных размеров довольно долго сохранялись и даже использовались, пока, к началу XXI века, не пришли в полную негодность.

Книгу сдали в антиквариат, предметы утвари выбросили или продали на Авито, а Молоховец навсегда осталась там – в веке девятнадцатом. В загадочном, медлительном, навсегда исчезнувшем мире, где не слышали о ГМО, полуфабрикатах и фаст-фуде. Для меня это была реальная связь с тем временем, когда мои прапрабабушки запросто могли потратить тридцать часов на кулич, а он ещё и не выходил таким, каким надо.

ГЛАВА 7

Погост-призрак

Лиственский погост, что недалеко от города Гусь-Хрустального, – жуткое, зловещее место. В народе о нём рассказывают всякое. Например, что по ночам там бродят привидения, похожие по очертаниям на монахов. Днём эти же привидения являются детям, которые отваживаются прийти на погост. Ещё говорят, что из-под земли раздаётся колокольный звон, а между могильных крестов мелькают огни.

Что в тайном подземном ходе, который ведёт к реке, зарыт драгоценный клад. Или – что самое ужасное – здесь совершаются сатанинские обряды и кровавые жертвоприношения, и ходить по этим местам небезопасно.

Откуда такая дурная слава? Прежде всего, из-за событий 1600-х годов. Изначально, здесь был мужской монастырь, основанный Иоанном Грозным. Царь пожертвовал монастырю

Дом Ераста Козьмича Доспехова на погосте Листвено, 1890-е гг.

драгоценную утварь и земли. Во время Великой Смуты сюда пришли поляки и их пособники. Узнав, что монахи спрятали царские дары, они долго их пытали, а потом сожгли живьём. Кого-то из братии утопили в реке. Местные жители с честью похоронили мучеников и поставили им памятники.

Однако, спустя 250 лет, в середине XIX века, эти надгробные камни были использованы при строительстве нового храма. Единственная чудом уцелевшая могила датируется 1596 годом. Здесь, ещё до начала смутного времени, похоронен старец Закхей.

У одного дальнего родственника остались не самые приятные впечатления от этого места. Они добавляют мрачных красок общей картине: «В 1921 году мы жили в самой что ни на есть «дыре», как погост Листвено, где было всего шесть домов, включая водяную мельницу с домом мельника да домик старой просвирни (заштатной). Ей было много за сто лет, а сколько – она

и сама не знала, но регулярно каждый вечер ложилась спать в гроб, служащий ей постелью, накрывалась саваном, предварительно «обрядив» себя под покойницу, складывая руки на груди и в таком виде замирала до первых петухов».

Лиственский Воскресенский храм заброшен, от него остались одни стены. Он и сам скоро превратится в призрак. Последним, кто служил там, был мой прадедущка, отец Александр Соколов, супруг Нины Гиляревской. В 1937 году храм пришлось оставить, и службы там больше никогда не возобновлялись. До этого на погосте жили четыре поколения моих предков – семья Ераста Козьмича Доспехова, потом – его дочери Марии, его внуки Нины. Там родилась и провела раннее детство моя бабушка Вера.

Печально, что в XXI веке погост Листвено стал центром притяжения для кладоискателей, тёмных личностей и любителей приключений. Никто уже не помнит, что когда-то здесь рождались, венчались, жили и служили мои предки.

ГЛАВА 8

Индийское кино

В 2008 году во Владимире праздновали 850-летие Успенского собора, выдающегося памятника архитектуры XII века. Особо отмечались заслуги протоиерея Александра Виноградова, который обнаружил уникальные фрески Андрея Рублёва, отреставрировал собор и создал капитальный труд по его истории. Протоиерей Виноградов – единственный настоятель, похороненный у стены собора. Личность неординарная во всех отношениях.

Журналист владимирской газеты «Хронометр» Галина Несветеева написала статью «Подарок потомкам от правнучки Виноградова», в которой сокрушалась, что администрация города не пригласила на официальные мероприятия правнучку знаменитого протоиерея – Ирину Николаевну Павлову. Та всю жизнь посвятила изучению истории своей семьи. На празднование старушка пришла сама и радовалась, глядя на сияющие купола Успенского собора.

Я наткнулась на эту статью в Интернете, пока искала информацию по редкой фамилии «Гиляревский». Сначала я не связала правнучку Виноградова с нашей семьей, но вскоре всё стало ясно. У протоиерея Александра Виноградова было 14 детей. Младшая, Надежда, вышла замуж за Дмитрия Флегонтовича Гиляревского, родного брата нашего прапрадеда. Получается, Ирина Николаевна была нашей троюродной бабушкой.

Недолго думая, я написала письмо журналистке во Владимир, а та позвонила Ирине Николаевне. Старушка ужасно обрадовалась: нашлись правнучки Нины «лиственской», с которой её родители потеряли связь в 1920-е годы прошлого века.

Мы пообщались с Ириной Николаевной по телефону, а потом купили билеты и приехали во Владимир. Ирина Николаевна настойчиво приглашала нас остановиться в её доме, семейном гнезде Гиляревских. Правда, бытовые условия там оставляли желать лучшего. Поэтому мы решили снять номер в гостинице совсем рядом с её домом, чтобы почаще навещать к ней в гости, сохраняя при этом независимость. За пару недель до нашего приезда Ирина Николаевна сломала руку, и двоюродный брат перевёз её к себе в квартиру на окраине города. Мы жалели, что вместо исторического домика в центре города посетим лишь панельную высотку на окраине. Но, как выяснилось, жалеть было не о чем – нам устроили такой радушный приём, что мы обо всём забыли.

Вот так, спустя почти 90 лет, встретились потомки двух ветвей рода Гиляревских. Всё было, почти как в индийском фильме, не хватало только традиционных песен и танцев.

Протоиерей Александр Иванович Виноградов.

Бабушкин дедушка

Хотя, почему же? Танцев и песен как раз было достаточно. Больше, чем Ирина Николаевна, обретению новых внучек радовался её двоюродный брат, Борис Борисович Гиляревский. Он тоже был внуком Дмитрия Флегонтовича и нашим троюродным дедушкой. Активный, подвижный, озорной – вот таким мы увидели нашего нового родственника. При знакомстве он чуть в пляс не пошёл.

И говорил, как пел – соловьём заливался. В противоположность ему, сестра Ирина выглядела сдержанной и степенной. Супруга Бориса Борисовича, Валентина Ивановна, произвела на нас прекрасное впечатление – разумная, элегантная, выглядит лет на 20 моложе своего возраста.

Мы тогда почти ничего о них не знали, как и они о нас, но подружились моментально.

Борис Борисович и Валентина Ивановна Гиляревские в год окончания института. 1957 г.

После обеда Борис Борисович разложил перед нами кучу схем, тетрадей, листов, писем и книг. Это были материалы, оставшиеся после его покойного отца – Бориса Дмитриевича Гиляревского, который много лет занимался исследованием истории своего рода.

В течение четырех часов Борис Борисович зачитывал нам переписку отца, доказывал родство Гиляревских с Трубецкими, Сперанским и ещё каким-то «отцом сопромата». Упомянул Чехова, Гиляровского и Солженицына. На нас обрушился водопад фамилий, фактов, событий и дат. Мы пошевелиться не могли – так были потрясены количеством свалившихся на нас родственников, живых и почивших. Что самое удивительное, для Бориса Борисовича и его сестры Ирины Николаевны все эти люди были живы, словно не существовало никакой разницы во времени. Сто, двести лет – какое это имеет значение? Все были родными, знакомыми, настоящими. В эту огромную семью безоговорочно приняли и нас со всеми нашими предками.

Параллельно мы пролистали невероятное количество альбомов со старинными фотографиями. Показывая нам предков, Борис Борисович выражался таким высоким слогом, что мы окончательно запутались. Например, он говорил: «Это сын сына моего прадедушки» или «А это старшая внучка моей прабабушки». Наконец, Валентина Ивановна не выдержала: «Боря, так прямо и скажи, что это твои мама и папа!»

Получился комический эффект, как в английской народной сказке «Бабушкин дедушка»: *«В прошлое воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими*

Рина Павлова (Ирина Николаевна) в студенческие годы. 1950-е гг.

верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они точно, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отведали вчера в нашей церкви. Они ответили, что точно не знают, лучше мне спросить у бабушкиного дедушки».

Так мы узнали, что большая часть наших родных – люди начитанные, культурные, образованные. Многие занимались преподавательской деятельностью, писали книги, печатались в газетах. Ирина Николаевна и Борис Борисович обладали энциклопедическими знаниями по истории рода. Просто удивительно, как у них в памяти могло умещаться такое количество сведений. К ним, как реки в море, стекались все затерявшиеся

родственники. Их находили через Интернет, звонили на телевидение, в редакции газет, получали адрес и телефон через третьи руки. К ним приезжали из других городов, часами сидели в гостях. Они всех принимали, никому не отказывали.

После нашего знакомства Ирина Николаевна издала небольшую книгу воспоминаний, а Борис Борисович выпустил пять толстенных томов, посвященных фамильному древу Гиляревских.

ГЛАВА 10

Ольга и Обломов

Думаю, теперь ясно, откуда у меня столько подробных сведений о Гиляревских – от знаменитых владимирских краеведов, моих родственников. Они отыскивали сотни документов, сохранили множество фотографий, расшифровали десятки писем – официальных и личных.

Например, в одной из книг Бориса Борисовича приведена переписка его бабушки Надежды с друзьями и родственниками – история её любви к Дмитрию Гиляревскому. Она чрезвычайно романтична и стоит того, чтобы ей посвятили отдельную главу.

Надежда была младшей дочерью протоиерея Александра Виноградова, настоятеля кафедрального Успенского собора. Она была одарённым музыкантом, умной, живой, весёлой и обладала, ко всему прочему, богатой фантазией. В 20 лет Надя влюбилась в харизматичного Д.Ф. – Дмитрия Флегонтовича Гиляревского, семинариста. Все её письма 1898 года к подругам и брату заполнены чувством влюблённости к Д.Ф. Где и как они встретились, сколько гуляли по городу, что он сказал, как посмотрел. Однако Надя постоянно терзалась

сомнениями, любит ли её Дмитрий. Видимо, молодой человек не привык выставлять свои чувства напоказ.

Например, в июне 1898 подруга Аня Крылевская пишет Наде: *«Надя, зачем ты пишешь, что будто бы в моём письме нет той уверенности относительно Д.Ф. Неправда, Надя, теперь ещё больше могу уверить тебя, что он был не равнодушен к тебе. Я уверена, что быть тебе за ним. Жаль, очень-очень жаль, что ты не будешь у меня на свадьбе. Шаферами у нас будут по трое. У меня два двоюродных брата и Толя, а у него – Дмитрий Васильевич, Николай Александрович Попов и... Дмитрий Флегонтович Гиляревский.*

Надя, приезжай!»

Та же верная подруга Аня пишет месяц спустя:

«Дорогая Надюра!

Заждалась я твоего письма, думала – забыла меня Надя, очарованная волшебным видом Крыма, а может и ещё кое-чем или кем. Надя, где же откровенность? Ты скрывать? Но я догадалась, ты любишь Д.Ф. или, может быть, после, но всё-таки будешь любить его.

Напрасно ты пишешь, что это только мои личные наблюдения. Если хочешь знать, то и А.Н. несколько раз то же самое говорил мне. Ведь это так очевидно, разве только слепой не различит. Ты говоришь, что нужны факты. Наденька, не глупи, вот факт, о котором я тебе уже писала.

Разве пошел бы Д.Ф., если бы он не чувствовал ничего, два раза в Ильинскую, чтобы хоть мимо окон пройти, если не суждено видеть тебя ещё раз, в 2 часа ночи один. Надя, вот и факт, он многое говорит. Если бы только видела его в те минуты, когда я что-нибудь сообщала ему о тебе, ты перестала бы так говорить. Полно, Надя, оставь все сомнения, что он любит тебя, это истинная правда, которая не подлежит никакому сомнению. Его сейчас нет во Владимире. Он уехал вскоре после моего письма, которое я тебе послала, и, уезжая, просил написать тебе большой, большой поклон. Не забывай меня и главное Д.Ф.!»

В это же время Дмитрий осмеливается написать Наде в Крым, где она отдыхает у родственников:

«Многоуважаемая Надежда Александровна!

Моё паломничество в Ч. по независящим от меня обстоятельствам («обстоятельства всегда сильнее нас» – сказал кто-то когда-то), откладывается до конца июля месяца, а к тому времени, Вы, как я слышал, будете уже во Владимире. Значит, поехать в Крым у меня не остается никаких надежд. Извещая Вас о сем горестном для меня событии, усиленно прошу прощения хотя бы за то, что так бесцеремонно напомнил о себе. Я не теряю Надежды получить от Вас при личном свидании полное прощение. Честь имею прибыть Вашим неизменным почитателем.

Д.Г.»

После такого письма у Нади должны были рассеяться все сомнения относительно неравнодушия к ней Д.Ф.. В сентябре они встретились во Владимире, гуляли вдвоём несколько часов («Ах, как приятно было это гуляние!»), а «милый Митечка» поведал Наде некоторые секреты из своей жизни.

Но здесь, как это обычно бывает в романах, вмешались родители. Протоиерей Александр Виноградов и его супруга Павла были против брака Нади с Дмитрием. Самым веским аргументом они считали его болезнь лёгких. «Он же болен, долго не проживёт!» – твердили они. «Хоть на неделю, а буду за ним замужем», – возражала Надя.

Дальше – больше. Мама Нади сговорила с одной знакомой «усватать» её за некоего господина Мумрикова. Этот Мумриков был перспективным молодым человеком. Вскоре он должен был по службе переехать в Санкт-Петербург. Надя пришла в ужас от этой затеи. Она совсем не хотела становиться госпожой Мумриковой. А Мумриков ничуть не смущался – прикатил в гости, ужасно довольный, строил глазки и вёл себя с Надей развязно, как со своей невестой.

Дмитрий, как только узнал, что на горизонте появился соперник, стал весь «как на иголках», не мог спать по ночам и даже принимал какую-то успокоительную микстуру. В результате, Надя при встрече всё рассказала «милому Митечке». Преодолевая застенчивость и путаясь в словах, он с третьей попытки предложил стать его невестой.

В тот же день Дмитрий решительно появился дома у Виноградовых и сговорился с родителями Нади, которые не выразили особого недовольства. Наоборот, отец Александр сказал: «Ну что ж, пусть будет Гиляревская, попроще-то

лучше». Надя от радости чуть не заплясала. Однако родные сёстры сердились на неё, что не за Мумрикова пошла и в столицу не уехала. Но отношение сестёр не омрачило её счастья. Дмитрий утверждал, что Надя непременно будет любимицей его матери.

Всё так и было. Надя и Митя прожили вместе 18 лет. У них родились трое детей. Жизнь омрачала тяжёлая болезнь Дмитрия – гнойный плеврит. В 1914 году он поехал в Крым к родственникам поправлять здоровье, но началась война, и ему пришлось срочно возвращаться. Сохранилась его переписка с женой того времени. Их чувства друг к другу не угасли, а, наоборот, разгорелись сильнее. Надя называет мужа «Митюшечка, милый», «милушка», «Митрошечка» и между прочим замечает: «Сейчас я зачитываюсь Обломовым И. Гончарова. Очень много нашла сходства в его любви к Ольге и в моей к тебе. Всё же досадно за Ольгу – чай-бы сама похозяйничала, раз он не может».

Под словами «сама похозяйничала» Надя имела в виду, что она, в отличие от героини Обломова, в критический момент буквально вынудила Дмитрия сделать ей предложение – «сама к нему напросилась».

Дмитрий отвечает: «Уж больно я соскучился по тебе, приезжай сюда... Да, похожа, пожалуй, твоя любовь ко мне на любовь Ольги к Обломову. А надо было отдать эту Ольгину любовь Штольцу. Прости меня, моя дорогая «Ольга», постарайся найти себе своего «Штольца».

Твой Гиляревский – «Обломов»

Нетрудно догадаться, что под Штольцем подразумевается честолюбивый и практичный господин Мумриков, которому Надя в своё время дала от ворот поворот.

Дмитрий скончался спустя три года, в 1917, в возрасте 45 лет. Его родной брат, Иоанн

Надежда Виноградова, 1899 г.

Флегонтович (мой прапрадед) написал Наде доброе, сочувствующее и в чём-то пророческое письмо, где делится своим печальным опытом потери жены:

Дорогая Надежда Александровна!

Я сам только что перенёс тот жребий судьбы (не удар, а жребий), какой выпал и на Вашу долю. Перенес – и могу сказать, по личному опыту, что потеря такого рода не столь уж тяжела и страшна, как ожидал и предполагал я.

Мы думаем, малодушествуем, заглядываем вперёд – в неизвестное, ожидающее и пугающее нас будущее, а там, сверху, невидимо, зрит и надзирает над нами «Око Всевидящее, Всеблагое, благоустрояющее...» Оно, если мы сами не ушли

из-под Него раньше, а этого про Вас сказать нельзя, поведет Вас путем Своим, и, конечно, путем благим, так как «Око» то – это есть источник только блага. Верьте и мужайтесь.

Всё будет хорошо. За время болезни Дмитрия, а это время было очень продолжительным, Вам пришлось постепенно готовиться к грядущему удару – с такой постепенной подготовкой удар воспринимается легче. Это я опять говорю по личному опыту. Дал бы только Бог Вам здоровья, а сил работать, бодрости и энергии в трудах Вам не занимать – стать! Этим Вы счастливее меня.

Отец Иоанн был прав: в самые тяжёлые годы после революции Надежда Александровна одна подняла

троих детей. Она давала уроки музыки в детских домах и школах. Работала в нескольких местах одновременно. Все её трое детей сыграли свадьбы в 1924. Надежда Александровна воспитала и внуков – они с любовью вспоминают её доброту, сердечность, жизнерадостность, подвижность. Она приобрела и обустроила дом для всей семьи, поддерживала и принимала многочисленных родственников. Путешествовала, постоянно придумывала развлечения и игры, писала стихи. Умерла в феврале 1941, пережив своего «Обломова» на 24 года.

Молодожены Надежда Александровна и Дмитрий Флегонтович Гиляревские, 1899 г.

Рождество

Я уже упоминала, что младший сын Флегонта, Андрей – мой любимый Гиляревский. Самое удивительное, что он стал одним из героев рождественской повести своего племянника Глеба.

Среди Гиляревских много начинающих и продолжающих писателей – такая у нас семейная склонность. Глеб, младший сын Дмитрия Флегонтовича и Надежды, в юности мечтал стать писателем и даже сочинил несколько пьес, рассказов, повестей и стихотворений.

«Рождественские воспоминания» – наиболее ценное из дошедших до нас произведений. Глеб писал их в 1919 году, когда ему было четырнадцать. Спустя сто лет они были опубликованы его племянником Борисом Борисовичем.

Глеб Гиляревский не стал профессиональным писателем, но для его потомков это не имеет значения. Главное, что благодаря ему, мы можем узнать, как весело и уютно отмечали Рождество в их доме. Мы можем увидеть, как живых, его родителей и родственников. Повествование относится к 1911 году, когда Глебу было шесть лет.

Рождество в семье Гиляревских было особенно радостным праздником. В первый день пили чай со всякими вкусностями, принимали «славельщиков» – их писклявые голоса потом до вечера звенели в голове. День проходил незаметно: дети любовались ёлочкой, играли новыми игрушками. Игрушки ночью приносил Дедушка Мороз и оставлял под ёлкой. Глебику он подарил коробку со стадом, а также мужчиной и женщиной. Старшему братцу Боре Дедушка Мороз принёс складной домик.

Религиозная бабушка Павла, супруга протоиерея Александра Виноградова и мама Нади. У родителей Нади было 14 детей, из которых только девять дожили до взрослого возраста.

Дмитрий и Надежда Гиляревские.

Надежда и Дмитрий с детьми Борей и Маней, 1904 г.

Домик как нельзя кстати. В домике стали жить мужчина и женщина, стадо же гуляло поодаль под ёлкой. Сестра Маня играла со своей подружкой Наташей подаренными игрушками...

Вот уже стало смеркаться. Ожидая папу, мама села за рояль, мы примостились около неё под ёлкой. Темно, но не зажигали огней, нам было хорошо и уютно слушать рождественские гимны под музыку и пение мамы в этой праздничной темноте.

Как только появлялся папа, все собирались и ехали к бабушке – славить. «Идти к бабушке? – с восторгом думал Глебик. – Новое изменение, новая Рождественская радость!»

К бабушке ехали на санках. Глеб уютно сидел под войлоком на коленях у матери и смотрел, как по тротуарам снуёт праздничная толпа. У бабушки в гостиной уже сидели гости. Дети встали у ёлочки и запели «Рождество Твое, Христе Боже наш». Бабушка молилась. Она была очень религиозна.

Когда пели «Нас бо ради родися» бабушка что-то перестала молиться и зашаркала туфлями по направлению к комоду. Мы, дети, крестимся и косо поглядываем на движения бабушки. Бабушка отвертывается от комода. «Ну, теперь позвольте поздравить вас с праздником», – целует каждого, суя в руки тихонько тяжёлые серебряные монеты. «Напрасно Вы это», – говорит, заметивши, мама. «Ты мне не перечь, – горячится бабушка, – где это видано, чтобы за славенье не давали».

После угощения и игр у бабушки, возвращались домой пешком. Глебика клонило ко сну, так он устал от впечатлений. Он уже мечтал о тёплой постельке, когда вдруг увидел в окнах дома свет. Родители и дети вошли в комнаты, и им навстречу вышел симпатичный молодой человек среднего роста, одетый в семинарскую тужурку. «Дядя Андрюша!» – радостно закричали дети, подбегая к любимому дяде и обнимая его. «Сон как рукой у меня сняло», – вспоминает Глеб.

ГЛАВА 12

Дядя Андрюша

Дядя Андрюша, или Андрей Флегонтович, был родным братом Дмитрия. Когда Дмитрий женился на Надежде Виноградовой, Андрюша был ещё мальчиком. Во время учебы во Владимирской семинарии, он жил у Мити и Нади. Дети к нему страшно привязались. Теперь же Андрей состоял преподавателем в Нижегородской духовной семинарии, и на Святки приехал погостить к старшему брату.

Мы долго вертелись около дяди Андрюши, висая у него на руках и прося поднять к потолку, пока нас чуть ли не насильно угнали спать. Я разделся, упал на кровать и тут же уснул богатырским сном.

Всё следующее утро Глеб сидел на коленях у обожаемого дяди, болтая о предстоящих Ёлках. Дядя внимательно слушал племянника, не смеялся над его глупостями, разрешал покататься на ноге и вообще всячески баловал.

Боря, Маня и Глебик Гиляревские, 1907 г.

Потом Глебик отправился к обедне вместе с мамой, старшей сестрой Маней и маминой племянницей Диной.

Пошли в церковь «к Борису и Глебу», где настоятелем был папа. Старший брат Боря алтарничал. Мама и Дина всю службу горячо молились. Глеб тоже поддался их религиозному энтузиазму, встал на колени и клал земные поклоны. Но быстро утомился и сел на пол. Мама сделала ему замечание. Дина мило улыбалась. Когда пели «Запричастную», и старушки стали прикладываться к иконам, Глебик занервничал. С беспокойством поглядывал он на ближайшую икону – Серафима Саровского. С места сойти не решался, стесняясь окружающих, но лика отца Серафима боялся ещё больше. «Нет, нужно приложиться, – наконец решил Глебик, – а то он чего доброго ещё в ад посадит». Стремглав бросился к иконе, приложился к нижней картинке и молниеносно вернулся на своё место. Окружающие старушки ласково поглядывали на него, а мама, сестра Маня и Дина смеялись.

Дина – мамина родная племянница. Родина её – чудесный, сказочный, благоуханный Крым, в котором мне привелось судьбой побывать. Крепко люблю я Дину, мою милую двоюродную сестрёнку. Сердечная, отзывчивая, добрая, вместе с тем красавица, Дина кажется мне прямо земным ангелом. Все мы её сердечно любим. Мама называет её самой лучшей своей племянницей. И она нас тоже очень любит. Любя маму, называет её тетей Надечкой, папу – дядя Митяй, меня Боськой и т. д.

После обедни все пошли домой, где их уже ждал кипящий самовар и убранный по-рождественски стол: белоснежная скатерть, телятина, баранина, ветчина, колбаса и сыр, которых в обычные дни не было. По меткому выражению Глебика: «Папа был не особо богатый, чтобы есть хоть ветчину каждый день».

Дина (Надежда Ундольская).

За чаем вёлся оживлённый разговор. Дети без умолку болтали, заставляя краснеть Дину и дядю Андрюшу. От внимательных детских взглядов не ускользнуло, что дядя ухаживает за Диной.

Потом дядя Андрюша позвал Дину и детей на прогулку, и все вместе долго гуляли по морозу, катались на извозчиках и веселились до упаду.

На следующий день дядя Андрюша повёл всех в театр, но Глебика, как самого маленького, родители не отпустили. Он стал горько плакать. Чтобы утешить племянника, добрый дядя сходил в лавку и принёс «Зверинец». Любимый, желанный, долгожданный «Зверинец», о котором

Глебик мог только мечтать. Это была такая же игра, как «Стадо», только в ящике были лев, тигр, пантера, белый медведь и прочие дикие звери.

Глебик моментально забыл про театр и весь вечер играл под ёлкой. Когда все вернулись из театра, Дина подарила братику записную книжку с надписью «Моему милому Боське от его сестры Дины», которую он хранил много лет в воспоминание о ней. Засыпая в своей кровати, мальчик счастливо думал: «Милый дядя Андрюша, милая Дина, как вы любите меня, как вы озаботились о моём огорчении. Люблю вас, как своих родных, близких».

ГЛАВА 13

Ёлка

К Ёлке готовились несколько дней, начиная с Рождества. Репетировали энергично, причём, взрослые принимали во всём деятельное участие. Сначала совещались, какая будет программа, потом посылали за Гербановскими – детьми маминой сестры Анны. Дети собирались все вместе, получали роли и реквизит. Учили с жаром, старались изо всех сил. Глебику досталась роль Козла из басни Крылова «Квартет» и смешной разговор «Глухая» в дуэте с двоюродной сестрой Ксеной.

«Глухую» учили в тёмной комнате – была у Гиляревских такая маленькая комнатка без окон в центре дома.

— Здорово, кума! – солидно начинал Глеб.

— На базаре была, – шамкала невпопад Ксена, изображая древнюю старуху.

— Аль ты глуха?

— Купила петуха!

И всё в таком же духе.

Другие дети разучивали басни Крылова «Два мужика» и «Демьянова уха». Все вместе репетировали «Квартет». Взрослые готовились к «Рождественской мистерии» и «Жене ямщика», где Дина исполняла роль Ангела.

Каждый вечер были Ёлки то в одной семье, то в другой. Каждое утро Глеб просыпался в предвкушении: «На другой день, проснувшись, мы всей семьей сели пить чай. Я был в хорошем расположении духа и весело болтал. Да, впрочем, когда же я был не в духе в это счастливое время? И горевать-то, кажется, некогда!»

Для Рождественских праздников детям специально шили нарядную одежду. Глебик щеголял в синем костюмчике с накрахмаленным белым воротничком и бантом.

Наконец, состоялась Ёлка и у Гиляревских. Было множество гостей. Ёлка сверкала свечами и украшениями. Дети парами подходили к ёлке, кружились в хороводе, пели песни, играли. На музыку мамы (Надежды Александровны) пели особенный гимн, которым открывалось каждое торжество:

*Веселей и дружней пойте деточки,
Склонит ёлка свои веточки,
Выбирайте себе, что понравится,
Ах, спасибо тебе, красавица!*

Еще пели песенку про ёлочку и белочку:
*Ёлочка в лесочке давнёхонько была,
Белочка на ёлочке смирёхонько жила,
Ёлочку срубили, в город привезли,
Белочке-подружке новый дом нашли.
И теперь весь вечер будем петь, играть,
Белочку-подружку просим не скучать.*

В шесть часов начался вокально-музыкальный вечер. Особенным успехом у зрителей пользовалась Дина-Ангел. В «Рождественской мистерии» она была необыкновенно хороша. Ей очень шёл белый балахон, роскошные черные волосы ниспадали до плеч, на голове сверкала золотая корона, а за спиной колыхались блестящие крылья. Во время пения вокруг Ангела горели бенгальские огни, что создавало фантастический эффект. Зрители аплодировали до изнеможения.

После представления в зал ввалился Дедушка Мороз. Одет он был почему-то в полушубок, в котором обычно ходил церковный сторож Гаврила. Дедушку усадили в кресло, потому что он замаялся с дороги, и расспрашивали о житье-бытье. Неожиданно Дед Мороз, позабыв об усталости, кинулся в пляс. Правда, скоро он запыхался и упал на пол, как подкошенный. Дети с хохотом бросились его поднимать

Дореволюционная открытка из семейного архива.

и усаживать на место. Падение Деда Мороза и его последующее поднимание были обязательным атрибутом каждой Ёлки и доставляли всем огромное удовольствие.

Отдышавшись, Дедушка начал вызывать детей, начиная с самых маленьких и «глупеньких». Нерадивым читал нотацию, послушных хвалил и каждому обязательно выдавал подарок. Не забыл и взрослых. Все получили по подарку, а Дину Дедушка Мороз под общий смех заставил себя поцеловать.

Потом было угощение, новые игры. После Ёлки все, усталые и счастливые, разъезжались по домам. На Крещение Гиляревские проводили дядю Андрюшу в Нижний Новгород, а Дину в Москву.

Эту очаровательную открытку гимназическая подруга подарила моей прабабушке Нине Гиляревской. На обороте чернилами написано: «Нина, люби, помни, не забывай!» Это фото всегда казалось мне весточкой из дореволюционной России.

ГЛАВА 14

Поэма о будущем

Глеб Дмитриевич Гиляревский погиб в боях под Сталинградом в 1942 в возрасте 37 лет. В 2017 году, в 75-ю годовщину Сталинградской битвы, его племянник Борис Борисович нашёл его юношеские произведения, а чуть позже издал их в книге «Старые письма».

Борис Дмитриевич, старший брат Глеба, прожил 91 год. После войны начал серьёзно

заниматься историей своего рода. Его роль в изучении древа Гиляревских неоценима.

Мария (Маня), старшая сестра Бориса и Глеба, прожила 76 лет. Была счастлива в браке, воспитала дочь Рину. Это та самая Ирина Николаевна, с которой мы подружились. Она приложила огромные усилия, чтобы собрать сведения о своих предках, в поисках

материалов переписывалась с десятками людей и объездила всю страну.

Дядя Андрюша, Андрей Флегонтович, не женился на Дине. В 1920 году **Дина (Надежда Ундольская)** с мужем и сыном эмигрировала в Югославию, в СССР больше не вернулась. В Югославии повторно вышла замуж за генерала Александрова.

Супругу отца Андрея звали Наталья Скворцова, и у них родилось пятеро детей. Одна из них, Мария Андреевна (Маруся) была близкой подругой Ирины Николаевны. Маруся была очень похожа на отца – «выше среднего роста девушка, тёмная шатенка с серыми глазами, с волевым выражением лица, подтянутая, с решительными движениями».

Решительность была основной чертой характера отца Андрея. О его судьбе я уже писала. В отличие от старших братьев, он не собирался становиться священником – его больше привлекала карьера преподавателя в Нижегородской духовной академии. Однако в 1921 году, когда расстрелы и аресты духовенства шли полным ходом, он круто изменил свой путь. В том же году был рукоположен в сан священника в городе Молога Ярославской губернии. Спустя несколько месяцев произошёл его первый арест.

Сохранилось ещё одно воспоминание о нём. Оно тем более ценно, что лишено какой-либо сентиментальности. Оставил его Константин Василевский, сын священника из города Молога. Это рассказ об антирелигиозном диспуте 1921 года: «В городе был деревянный театр, почему-то всеми называемый манежем и вот в нём, а один раз даже в кладбищенской церкви, собирали диспуты; я был на одном из них. Тема диспута – жил ли Христос. В начале лектор прочитал лекцию на антирелигиозную тему, а

потом дали выступить городскому священнику – настоятелю собора о. Андрею Гиляревскому. Это был очень умный поп с высшим академическим образованием. Он в своем выступлении сказал, что Христос несомненно был, говорил, что можно спорить по вопросу о том простой проповедник был Христос или богочеловек, но факт исторической личности Христа несомненен. Он зачитал несколько выписок из историков того времени, которые подтверждали личность Христа. На это партийно-комсомольские активисты ничего не могли возразить, и получалось, что поп Андрей выиграл битву за личность Христа».

Да, отец Андрей выиграл битву за личность Христа. Он погиб в сталинском лагере, а теперь сияет в сонме новомучеников и исповедников XX века.

Принято считать, что революция искалечила жизни многих людей. Но, когда я размышляю над судьбами моих предков, мне так не кажется. Она всё расставила по своим местам, ещё ярче высветив те благородные черты, о которых иначе никто бы не узнал.

В ноябре 1917 года юный Глеб Гиляревский сочинил «Поэму о будущем», где ясно высказал своё отношение к революции, Ленину и социализму. Впечатление от поэмы ещё сильнее, когда знаешь, что её написал 12-летний подросток.

*По улицам тихим столицы
Как звезды блеснут в небесах
Уж Ленин «товарищ» несётся,
Бежит на могучих ногах.*

*Несётся из Руси мятежной,
Где славу оставил и трон,
Оставил и свой миллион
И Красную Гвардию он.*

Но что, усачи, гренадеры?
Плохая надежда на них.
Иные в ханжей надувались,
Дурная молва шла про них.

Опять он по улице ходит,
Опять гренадеров кричит.
Ему отвечает корова,
Сердито из стойла мычит.

И, топнув о землю ногою,
Сердито зовёт он «Вперёд»
По тихому берегу ходит,
Германцев на помощь зовёт.

«Товарищи! – громко он кличет, –
Долой всех купцов и царизм.
Долой и попов, фабрикантов.
Да здравствует Социализм.

Товарищи, будем с германцем,
Как раньше брататься опять.
Задавим налогом буржуев,
Скорей отдавайте мне власть».

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И каплют горькие слёзы
На залитый кровью песок.

Глеб Гиляревский, 1924 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

После Революции

Начинаем жить без тебя

Священник Иоанн Флегонтович Гиляревский был человеком добродушным, но практичным. Он очень переживал за своих детей – дочь Нину и сына Васютку. После смерти жены в 1915 году о. Иоанн едва справлялся со всеми обязанностями – отца двоих детей, настоятеля храма, директора приходской школы. Нина была хорошей помощницей, но ей надо было учиться – она поступила во владимирскую женскую гимназию и жила в Листвено только летом. В сентябре 1917 Нина снова уехала во Владимир, и отец писал ей вдогонку: *«Начинаем жить без тебя. Как живём – скажем, что „ладно“, но это не значит, что вполне хорошо».*

Отец Иоанн крутился по хозяйству, с огорчением понимая, что ничего не успевает: семилетнего Васютку надо было мыть, готовить ему завтрак, отправлять в школу. Приходилось следить за кухней, иначе «эта дурища» (так он нелестно отзывался о своей ленивой кухарке) ничего не готовила в печке, если её не контролировали. И бедный Васютка «сидел на сухоядении» – молча жевал соленые грибы и прочую нездоровую пищу.

На выручку брату поспешила сестра Ольга: 3 октября вместе со своими детьми она приехала в Листвено. Отец Иоанн приободрился. За Нину он был относительно спокоен, хотя не переставал регулярно писать Надежде Александровне (вдове брата Дмитрия), у которой Нина тогда жила: *«Теперь pro domo sua¹. Я очень рад Ольге.*

У меня теперь опять в доме завертелось семейное колесо, а то было похоже что-то на келью монаха. Всячески оживляют дом своим щебетанием, и, слушая их, я тоже молодею, оживляюсь, расту духом».

Ольгу он называл «министром домашних дел» и восхищался тем, как безапелляционно покоряются её авторитету все ребята. Даже Васютка слушался строгую тётю Олю. Все с уважением относились к матушке, видя в ней не подругу, как это было с Ниной, а настоящую хозяйку. Она везде всё успевала и умудрялась вкусно готовить, несмотря на скудный набор продуктов.

Перебои с продовольствием в стране начались уже давно, но после Февральской революции 1917 года из-за коллапса на железных дорогах всё стало совсем плохо. Владимирский губернатор был арестован в результате солдатского мятежа ещё в самом начале марта. Власть перешла в руки Временного правительства.

Муки не доставало, масла и яиц не было, картошку собрали кое-какую, на семена и на корм «поросыку», корову купить ещё не успели. Обо всём этом отец Иоанн подробно пишет Надежде Александровне в письме от 11 октября 1917 года. Земство, имеющие свои посты в деревнях, не выдавало продовольствие, а карточки на Ольгу и ребят оформить не успели. За проживание Нины во Владимире отец расплачивался продуктами, но Надежда Александровна не хотела их принимать. Иоанн

¹ Точнее «pro domo sua» – в защиту своего дома (лат.).

Священник Иоанн Флегонтович Гиляревский с супругой Марией Ерастовной и детьми Ниной и Васей, 1914 г. В 1915 году Мария умерла.

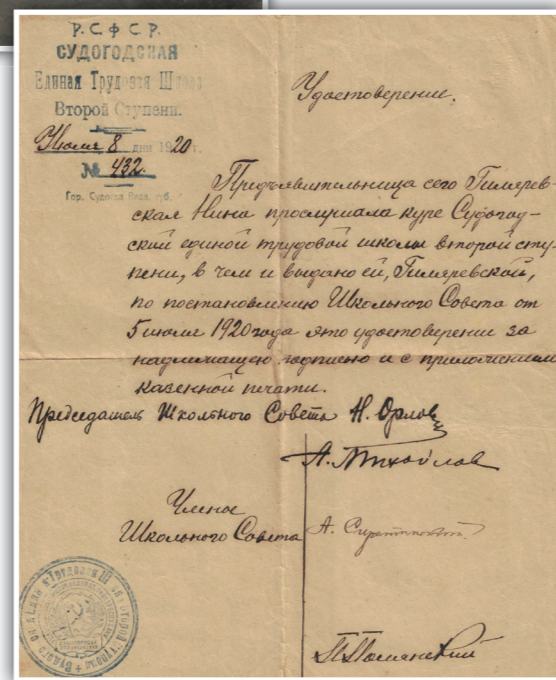

Нина Гиляревская в единой трудовой школе, которую ей пришлось заканчивать, когда гимназию закрыли (стоит четвертая справа), 1920 г.

Флегонтович настойчиво предлагал заплатить: «Что есть, то и дано! Теперь ничего, ведь, не поделаешь. Всё страшно дорого, да и достать негде. Кладите цену, какую знаете, соображаясь с обстоятельствами и временем».

У отца Иоанна голова шла кругом: сколько Нина внесла денег в гимназию за обучение и за стол? Где ей лучше столоваться – у тётки Нади или в гимназии? Как оплатить долг за муку, которая стоит теперь огромных денег – 40 рублей за пуд? Его доставали заботы с молотьбой, с уборкой льна, «жнятьём», заготовкой капусты. Переживал даже из-за котёнка, которого Нина с другом Колей потеряли по дороге во Владимир: котик вылез из коробки, и больше его никто не видел.хлопоты, беспокойство, суэта житейская.

До Великой Октябрьской социалистической революции оставалось две недели.

Аттестат, выданный Нине по окончании школы 8 июня 1920 года. Нина Ивановна никогда об этом не упоминала. Говорила всем, что окончила гимназию.

20 января 1918 года был принят декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Если до этого расправы над священнослужителями носили стихийный характер, то теперь они стали узаконены. Ещё в декабре 1917 в Петрограде расстреляли известного священника Иоанна Кочурова, в прошлом миссионера в США. Однако даже в конце 1917 никто не подозревал, насколько трагичной ситуация станет через месяц.

Церковь мешала строить «светлое будущее» и необходимо было уничтожить всё и всех, кто имел к ней какое-либо отношение. Истребить любыми средствами. Стереть с лица земли. В прессе началась мощная антицерковная кампания. Гонения распространились мгновенно, как лесной пожар, и приобрели массовый характер. Были расстреляны крестные ходы в Шацке и Туле. Сорок священников были закопаны живьём на Смоленском кладбище в Петрограде. 25 января был зверски убит Киевский митрополит Владимир.

По всей стране закрывались и разрушались храмы, семинарии, приходские школы. Обычными стали расправы без суда и следствия над любым человеком, так или иначе принадлежащим к Церкви. И всё это на фоне Гражданской войны и усиливающегося хаоса.

Патриарх Тихон обратился к гонителям веры с воззванием: «Ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём не повинных и даже на одре болезни лежащих людей... Опомнитесь, безумцы, прекратите

ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной».

Но для воинствующих атеистов слова Патриарха были пустым звуком. Они не верили в загробную жизнь, геенну огненную и вечное проклятие, потешались над словами «анафема», «грех» и «сатана».

Летом 1918 года стало известно о расстреле царской семьи. Патриарх Тихон был одним из немногих, кто решился публично осудить это злодеяние и отслужить панихиду по убиенному императору и его семье. Своими смелыми поступками и речами он вызвал ещё больший гнев против себя и церкви.

Положение ухудшалось. В 1919 году началась кампания по вскрытию и изъятию мощей святых. Процедуры вскрытия сопровождались фото- и видеосъемкой, которые потом активно использовались для яростной антирелигиозной пропаганды. Как-то раз член комиссии плюнул на мощи святителя Саввы Сторожевского. Верующие возмутились и подали жалобу на недопустимое поведение. За это их обвинили в клевете и приговорили к расстрелу, который потом был заменен на пожизненное заключение в лагерь.

К 1920 году служителей культа лишили почти всех гражданских прав. Против них фабриковались сотни уголовных дел, а смертные

Тихон (Белавин), Патриарх Московский и всея России с 1917 по 1925. Причислен к лику святых в 1981 году.

приговоры моментально приводились в исполнение.

1921 год стал катастрофой для страны – начался всенародный голод. Он сопровождался эпидемиями тифа и малярии. Вымирали

целые деревни, люди ели трупы, мертвецов никто не погребал. Особенно кощунственно выглядит тот факт, что советское правительство в это время продавало хлеб за границу. Более того, оно переложило заботу о голодающих на общественные организации, в том числе церковь.

Стараниями православной церкви были собраны миллионы рублей

Саша Соколов, 1918 г. На фото стоит печать «особого отдела». В своей автобиографии отец Александр писал, что в 1920–21 был в рядах Красной Армии в качестве политработника. Сразу после возвращения из армии он был рукоположен в сан священника.

Александр и Нина Соколовы с сыном Горой, 1922 г.

и получена продовольственная помощь из многих стран мира. Но советское правительство присвоило денежные средства себе и нанесло по авторитету церкви ещё один удар. В 1922 году был издан декрет об изъятии церковных ценностей, чтобы оклеветать церковь в глазах тех, кто ещё сомневался – нужна ли им религия.

В прессе всё было представлено так, что «церковники» отказываются помогать голодающим, а у самих в храмах сокрыты несметные богатства. Церковная утварь сделана из чистого золота, а иконы в серебряных окладах с инкрустацией из драгоценных камней.

В. И. Ленин писал членам Политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах

валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...»

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»

Не смели и думать, Владимир Ильич? Некоторых эти угрозы не остановили. Один из них – мой прадед, Александр Васильевич Соколов. В октябре 1921 года он был рукоположен в сан священника.

Отец Александр

Александр Соколов – красивый, умный молодой человек. Не восторженный религиозный фанатик, какими иногда любят изображать верующих людей. Напротив, это спокойный, рассудительный и уравновешенный мужчина. Склад ума, скорее, математический, чем гуманитарный.

О. Александр – сидит второй слева между отцом и дядей, диаконом Михаилом (крайний слева, в рясе). Отец, Василий Николаевич – в центре. Крайняя справа – Нина с сыном Георгием. Третья слева, слегка повернувшись к супругу – мама, Евлампия Александровна. Стоят: в центре младший брат Валериан, слева – Сергей, сын о. Михаила, справа – брат Стефан. У ног отца Василия сидит младшая дочка Лида в шляпке. 1922 г.

Отец Александр – стоит в центре, слева от него брат Стефан, справа – двоюродный брат Сергей. Крайний слева стоит младший брат Валериан. За столом сидят: второй слева – брат Василий с детьми и женой. Повернувшись в профиль – мама Евлампия Александровна. Крайняя справа, с ребенком на руках – Нина. Крайняя слева – Лида Соколова, самая младшая из всех детей. 1922 г.

Владимирскую семинарию он закончить не успел, проучился там три года. Её упразднили в 1918, и он завершил образование в единой трудовой школе. Потом работал учителем в сельских школах. Какой предмет он преподавал, мы не знаем, но внукам он всегда помогал с математикой и мог решать задачки любой сложности.

В 1920 году Александр женился на Нине Гиляревской, оставшейся без отца. Нина после

окончания гимназии тоже работала в школе – преподавала русский и литературу. Она всю жизнь говорила, как любит родной язык и книги. По тем временам, Александр и Нина считались людьми образованными.

Прадедушка Александр – ключевая фигура среди наших предков. Именно с него начался интерес к семейной истории. У нас сохранилось много его фотографий. В молодости у него

ясное, одухотворенное лицо. Потом, после тюрьмы, он стал печальным и усталым, как будто нёс тяжелое бремя. Да, мой прадедушка сидел в тюрьме за то, что был священником, и я этим горжусь.

Почти пятьдесят лет, с 1921 по 1969, служил он в церкви, и это были самые тяжелые для духовенства годы. Но ни на один день не свернул он с пути, не пытался поменять профессию, как это делали многие выпускники семинарии в то время. Намного проще стать уважаемым врачом или учителем, чем презируемым и гонимым служителем культа.

Каково это, в 21 год начать служить на бедном погосте, потом переезжать с многочисленной семьей из села в село, из города в город? Менять приходы, искать жильё, быть под постоянным надзором властей. Постоянно

страдать от ущемления в гражданских правах, выплачивать огромные налоги. Знать, что твоих родственников и друзей арестовывают, расстреливают и ссылают в лагеря и самому ожидать каждый день такой же участи.

При этом, оставаться добрым, скромным, терпеливым человеком, священником, к которому можно прийти в гости, обратиться за советом. Собрать библиотеку, сажать деревья, восстанавливать храмы, спасать иконы от уничтожения. Прежде всего, оставить о себе светлую память правнукам, которые, взглянув на твои фото, захотят узнать больше о тебе, а заодно и обо всех своих предках. Если бы не прадедушка Александр Васильевич и его ежедневный многолетний подвиг, не появилась бы эта книга.

ГЛАВА 4

Skierniewice

Александр родился в 1900 году в Польше в городе Скерневицы недалеко от Варшавы. Польша тогда была частью Российской империи. По-польски название города пишется «Skierniewice», и нужно как следует поупражняться, чтобы произнести его правильно. В Скерневицах до сих пор сохранился небольшой двухэтажный дворец архиепископов гнезненских, где останавливалась царская семья. Вокруг разбит ландшафтный парк с постройками – флигелями и виллой «Александрия».

С этим местом связана необычная история. Наверняка, все видели потрясающие цветные

снимки начала XX века Сергея Михайловича Прокудина-Горского, основоположника цветной фотографии в России. Он фотографировал памятники архитектуры, города, деревни, сёла Российской империи и их жителей в народных костюмах. Фото необыкновенно чёткие, качественные, краски яркие, естественные. Никогда не поверишь, что этим снимкам более ста лет. В 1922 году Прокудин-Горский эмигрировал во Францию, где сотрудничал с братьями Люмьер, изобретателями кинематографа.

Знаменитый фотограф несколько раз упоминал, что снимал царскую семью. Никто

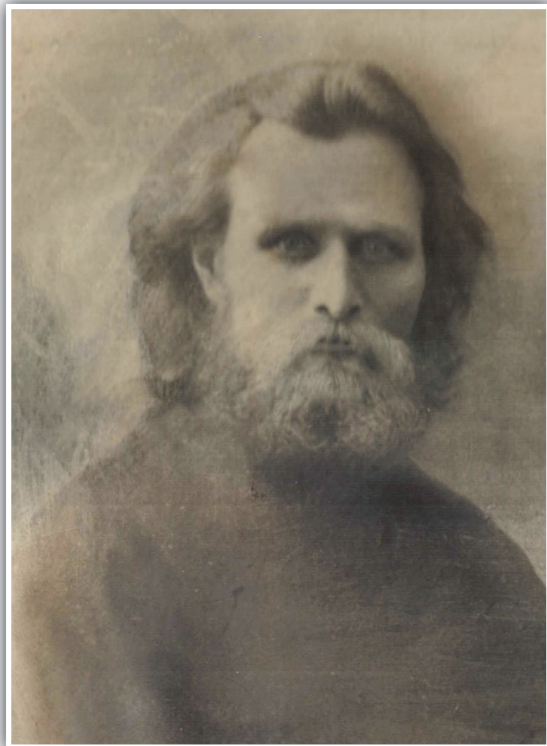

Ихъ Величества съ Августѣйшими Особами и Лицами Свиты на охотѣ въ Скерневицахъ.
Дозв. цена. Спб. 26 апр. 1902 г. въ

никогда не видел эти фотографии. Постепенно стали считать, что это легенда, придуманная парижскими потомками Прокудина-Горского.

В 2018 году правнуки Николая Максимовича Селиванова (главного помощника Прокудина-Горского) вспомнили, что он рассказывал, как «ставил свет» во время съёмок царской семьи. После этого сам факт съёмок не вызывал сомнений, но никаких документальных подтверждений ему не было.

Неожиданно, в марте 2020 года Наталья Мозохина, старший научный сотрудник Русского музея, нашла в архивах письмо Прокудина-Горского, в котором он сообщал о своих планах снимать царскую семью в Скерневицах. Съёмки могли происходить в октябре 1910 года. Для поклонников творчества великого фотографа это стало настоящей сенсацией. Прокудин-Горский снимал царскую семью в Скерневицах! Скерневицы... а где это?

Священник Василий Николаевич Соколов. Служил в одном из храмов в Скерневицах Варшавской губернии.

О любимом имени Николая Александровича почти никто не слышал. Один раз о нём вскользь упоминала в мемуарах Анна Вырובה, фрейлина Императрицы Александры Федоровны: *«Осенью 1912 года Царская Семья уехала на охоту в Скерневицы (имение Их Величеств в Польше). В то время в лесах, окружающих Скерневицы, еще водились зубры, впоследствии, во время войны, уничтоженные немцами, вырубившими леса. До войны Скерневицы были одним из любимейших местопребываний Государя».*

Неизвестно, найдётся ли когда-нибудь та самая уникальная фотосессия Прокудина-Горского. Зато отыскалась раритетная открытка 1902 года с подписью «Их Величества с Августейшими Особами и Лицами Свиты на охоте в Скерневицах». Это фото с Интернет-аукциона. Оригинал был выкуплен и хранится теперь в музее С. М. Прокудина-Горского в Москве. В центре – император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. Вокруг них – те самые августейшие особы и свита. Все в охотничьих костюмах и шляпках, очень модные.

ГЛАВА 5

Sokołów

В Скерневицах тогда было два православных храма – Рождества Христова и Алексия, митрополита Московского.

Рождественский храм был заложен в самом конце XIX века. Построил его Тобольский пехотный полк в память о кончине Александра III. Храм был огромных размеров – вмещал до тысячи человек.

Возведение небольшого храма св. Алексия по эскизу Николая Рериха курировала сама Императрица. Происходило это в 1909–1912 годах. Средства и всю церковную утварь жертвовала царская семья.

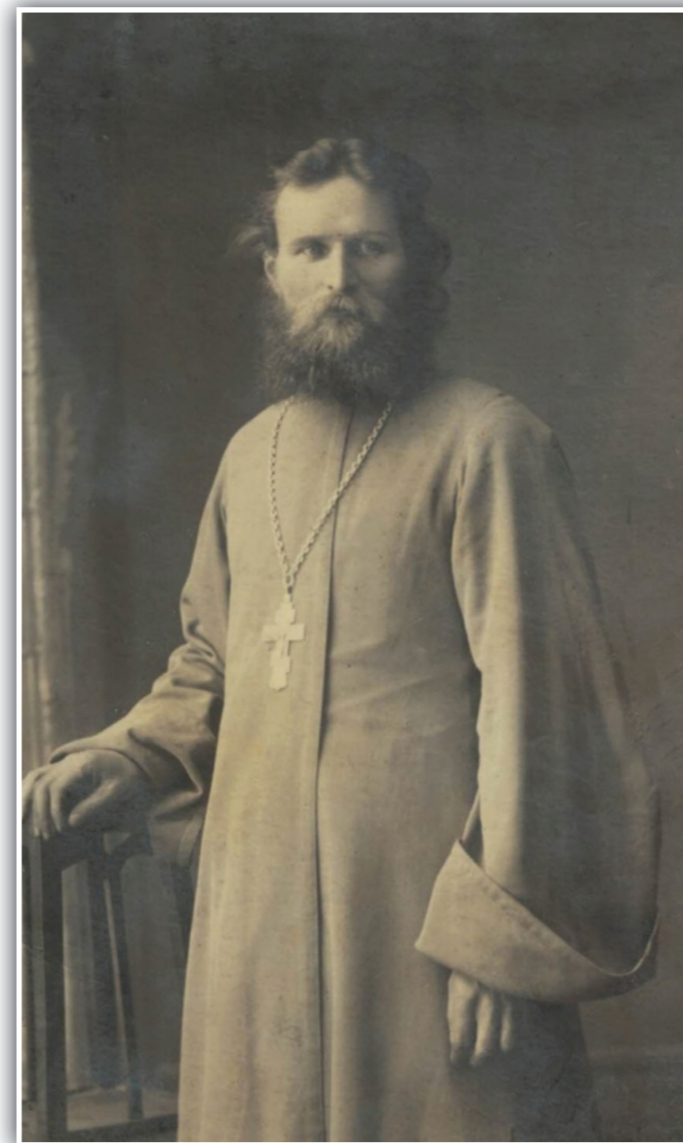
В одном из этих храмов и служил мой прапрадед, священник Василий Николаевич Соколов. Интересно, присутствовал ли на его

службах Государь-император или кто-нибудь из царской семьи?

Распространенная фамилия «Соколов» имеет несколько вариантов происхождения. Одно из них – польское. В 177 километрах от Скерневиц есть город Соколув-Подляски,

который раньше назывался просто «Соколов» (по-польски пишется «Sokołów»).

Супругу о. Василия звали Евлампия Александровна, а детей в семье было семь. Александр, его сёстры Вера и Софья были похожи на мать – карие глаза, тёмные волосы, высокие

Священник Василий Николаевич Соколов.

Его супруга, мать семерых детей, Евлампия Александровна.

Младший брат Валериан погиб молодым.

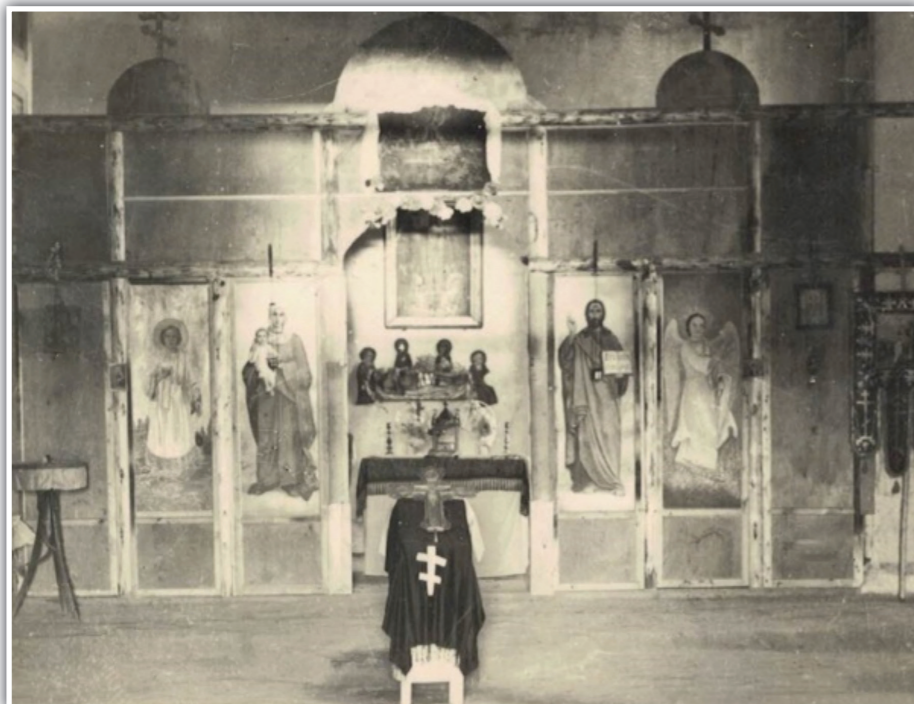
скулы. Братья Василий, Стефан и Валериан, а также самая младшая сестрёнка Лида пошли в отца. Они были блондины со светлыми глазами. У отца Василия ясный, пронзительный взгляд. Кажется, что он смотрит сквозь время и пространство прямо на нас, его потомков.

Александр и Василий стали священниками. Василий прошёл войну и потом служил в храме в Зеленограде Московской области. Стефан был убит на войне. Валериан погиб молодым. Он – единственный из братьев, кто не успел жениться и завести детей. Однако, он всё-таки оставил после себя необычную, но прекрасную память: одна из его двоюродных правнучек удивительно на него похожа.

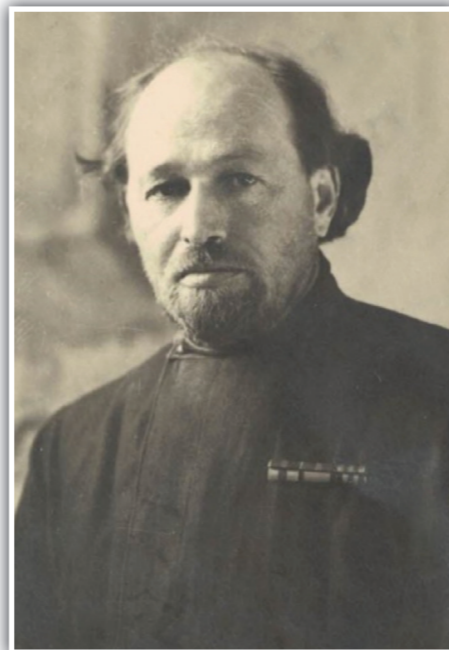
Также вся семья постоянно общалась с родным братом отца – дьяконом Михаилом. У Михаила роскошная шевелюра и такие же пронзительно-голубые глаза, как у брата Василия. Сына о. Михаила звали Сергей. Это был положительный, добрый, скромный человек. В честь него назвали моего папу.

Брат Василий с женой Ниной, 1922 г.

Небогатый интерьер храма Рождества Богородицы в 1948 г.

Отец Василий, 1948 г.
Был участником войны, а потом служил в храме Рождества Богородицы в селе Крюково Московской области (Зеленоград).

ГЛАВА 6

Джентльмен

22 октября 1921 года епископ Муромский Серафим (Руженцев) рукоположил диакона Александра Соколова во иерея. Через несколько дней владыка Серафим сделал то, что планировал уже давно – перешёл в обновленческий раскол. Он сразу же получил повышение по карьерной лестнице – стал обновленческим архиепископом, потом митрополитом и перебрался из провинциального Владимира в Москву, а затем в Ленинград.

Обновленцы – это яркое, но краткое явление в истории православной церкви начала XX века. Они добавили немало проблем ко всем неисчислимым бедствиям церкви на фоне полной разрухи, голода и войны.

Ещё в 1905 году так называемое «прогрессивное духовенство» пыталось пропагандировать революционные идеи. Радикально настроенные священники даже выпускали журнал «Красный звонарь», который был вскоре закрыт

за ярко выраженное революционное содержание.

После 1917 года обновленцы оказались на гребне волны. Отношение советской власти к ним было положительное, потому что прогрессивные священнослужители яростно проповедовали «христианский социализм». В народе обновленцев звали ещё «живоцерковники», а в просторечии – «живцы», так как другим их наименованием была «Живая церковь».

Больше всего «живцы» мечтали о почестях, свободе и продвижении по службе. Основными их чертами были приспособленчество, трусость и тщеславие. Например, по церковным канонам священник не может развестись или жениться повторно, а женатый священник не может стать епископом. А один из лидеров движения, протоиерей Александр Введенский, женился второй раз, будучи уже «митрополитом». Он даже бороду не носил, только усики, как у Чарли Чаплина – такой был прогрессивный.

В 1922 году, когда патриарх Тихон был заключен под стражу, наступил звёздный час обновленцев. При поддержке советской власти они захватили почти все храмы и установили своё руководство по всей стране. В своей лояльности к властям они дошли даже до того, что кресты на могилах заменяли красными звёздочками, а в храмах развешивали лозунги типа «Разными путями, но мы идём к одной цели – к устройению Царствия Божия – социализма на земле». Во время обновленческих служб возносились «многая лета благовернейшему Совнаркому».

Епископ Серафим, который рукополагал моего прадедушку, отличался от остальной части прогрессивного духовенства. Он не питал ненависти к патриарху Тихону и церковным канонам. Он просто хотел покоя, комфорта

и безопасности. Владыка Серафим (ещё до того, как овдовел и принял монашество) много лет служил в придворной церкви в Стрельне, и это наложило неизгладимый отпечаток на его характер, манеры и мировоззрение.

Изящные, аристократические манеры и величавая осанка важного барина, утонченная вежливость, но с оттенком снисходительности – таков был протоиерей Руженцев (будущий обновленческий митрополит).

Помимо внешнего изящества, владыка Серафим обладал и внутренней красотой. Это был морально чистоплотный и безукоризненно порядочный человек. Себя он любил называть джентльменом. В отношениях со своими «коллегами»-обновленцами всегда соблюдал такт и вежливость, но относился к ним с брезгливым отвращением, считая «комиссарами». Он никогда не позволял себе выпадов против «тихоновцев» – так обновленцы называли православное духовенство, верное своему патриарху. Коллеги платили ему тем же. Карьера в Живой церкви у него не сложилась. В 1934 году он был освобожден от должности обновленческого митрополита Ленинградского и отправлен на покой без пенсии за отказ рукополагать женатых епископов и поливать грязью православную церковь. Владыка-джентльмен скончался в одиночестве через полгода.

Отец Александр Соколов не сомневался, в какой церкви он должен служить. О своём спокойствии он не думал. Ни в какие расколы не уклонялся, поэтому жизнь его никогда не была комфортной и изящной. Сохранилась маленькая книжечка дореволюционного издания, по которой он поминал своих живых (на тот момент) и умерших родственников и друзей. Самым первым записано имя патриарха Тихона.

Переезд

Заседание обновленческого «Синода». «Митрополит» Серафим (Руженцев) сидит третий справа. Сидит третий слева – знаменитый «митрополит» Александр (Введенский). 1926 г. Имен других лидеров обновленческого движения перечислять не буду – этой займет много места. Эту фотографию легко найти в публичном доступе, например, в Википедии, в статье про обновленческий раскол.

Справедливости ради стоит отметить, что в 1923 году патриарх Тихон вышел из заключения и практически ликвидировал обновленческую ересь. Она сама собой дотлела в 1943–1944, когда отношение властей к православной церкви стало меняться в лучшую сторону.

Отец Александр всегда знал, что ему предстоит нелегкий путь, 1937 г. На этом фото ему 37 лет.

С 1921 по 1937 годы отец Александр служил на погосте Листвено. Семья его постоянно увеличивалась. Детей называли созвучно: Георгий, Геннадий, Валентин, Алевтина, Вера. Младшая дочь Вера – моя бабушка, и внешне она похожа на своего отца. Старшие сыновья, Георгий и Геннадий, росли послушными и здоровыми. Они с детства помогали родителям во всём, в том числе занимались с младшими – Валентином, Алевтиной и Верой.

Моя бабушка Вера почти не помнила погост Листвено. Когда ей было пять лет, семья переехала в город с красивым названием

Гусь-Хрустальный, где её отец был назначен благочинным всех церквей. Бабушка этим фактом страшно гордилась, также как и цветным хрусталём, привезённым на память из этого города. Она не понимала, что стояло за этим назначением.

До отца Александра Соколова благочинным Гусь-Хрустального был протоиерей Вячеслав Гиляревский – родной дядя его жены. 26 марта 1937 года он был арестован и приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Спустя почти два месяца, 20 мая 1937, на его должность назначили отца Александра.

Исправительные работы в г. Ковров Владимирской области. Александр (справа) прислал это фото жене с надписью: «На память Нине», 1931 г.

К тому моменту мой прадед уже успел один или два раза побывать в тюрьме и на исправительных работах. Впоследствии он об этом почти не рассказывал, только отвечал утвердительно – да, сидел. Что там с ним было – никто так и не узнал. Жаловаться или сетовать на жизнь он не любил.

После тюрьмы он сильно сдал, постарел лет на двадцать и стал совсем немногословным. Начал сильно кашлять и курить крепкие папиросы «Беломорканал». От этой пагубной привычки не отказался до конца жизни. Многим прихожанам не нравилось, что священник курит. Они возмущались. Отец Александр не спорил и не оправдывался. Тихо отвечал: «А не курить – нельзя».

Вера так никогда и не поняла: её отцу грозило то же, что и родственникам Гиляревским. В стране бушевал сталинский террор, в 1932 году была объявлена «безбожная пятилетка», аресты и расстрелы тянулись непре-

рывно. Она никогда в жизни не читала отчёт главы НКВД Н. Ежова и даже не знала этого страшного слова – «ежовщина»: *«В результате наших оперативных мероприятий почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной мере ослабило и дезорганизовало церковь. Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что также должно способствовать разложению церкви и сектантов».*

Вместо этого Вера гордилась родителями, отцом и старшими братьями. Она рассказывала всем, каким прекрасным священником был папа, какой он был внимательный и заботливый. Какой чудесной нянькой был старший брат Гора (Георгий) – носил её на руках, играл и развлекал. Как все окружающие уважали батюшку и матушку. И как это замечательно – быть дочерью такого необыкновенного человека и происходить из такой семьи. А как папа сидел в тюрьме, а мама с детьми умирали от голода – не помнила.

Вполне возможно, что семью спас переезд. Неожиданно, без всякой видимой логики, отца Александра из Гусь-Хрустального Ивановской области перевели настоятелем в один из храмов Калининской (теперь – Тверской) области.

Когда отец вернулся из тюрьмы, жить стало легче. Крайняя слева – Вера, 1934 г.

Не игрушки

Война застигла семью под городом Конаково Тверской области. В июле 1940 отец Александр стал настоятелем Ильинской церкви в селе Селихово в пяти километрах от города. Старинный храм пророка Илии – один из немногих со счастливой судьбой. Он никогда не закрывался, даже в самые мрачные для православной церкви времена.

Перед войной отец ездил в Москву, покупал для детей ёлочные игрушки. Тогда ещё ходила шутка: «Гитлер делает пушки, а Сталин – игрушки». Народ с радостью воспринял «свежую» советскую традицию – празднование Нового года вместо запрещённого Рождества.

В войну не верили. Никто и не подозревал, что будут означать для них смешные гитлеровские «пушки» спустя год-полтора. Люди не осознавали, что за личность такая – Гитлер. А про концлагеря вообще никто не слыхал.

Игрушки, которые мой прадедушка тогда приобрел, были уникальные, ручной работы, редкой красоты и изящества. Выполнены они из ваты и папье-маше, покрыты блёстками, тщательно раскрашены яркими красками. Лица персонажей выглядели, как живые. Лисичка на санках, девочка на качелях, мальчик с коньками, котёнок в одеяле, лётчица Марина Раскова – мы всех знали наперечёт и считали своими игрушечными друзьями. Их краски почти не поблёкли со временем, только лица у некоторых персонажей немного потрескались.

Вообще, прадедушка обладал удивительной способностью выбирать предметы

исключительно высокого качества. Всё, что он покупал, было добротным и функциональным – кофемолка, мебель, предметы интерьера... Они потом использовались долгие годы, а некоторые его вещи служат нам до сих пор. Иногда я встречаю похожие предметы в музеях разных городов и всегда вспоминаю прадедушку.

Когда началась война, оба старших сына – Георгий и Геннадий – получили призыв в армию. Георгий поступил в пограничные войска, а Геннадий в танкисты.

Отца Александра отправили работать на оборону – строить военный аэродром под Конаково. Четыре месяца люди работали под открытым небом, копали, таскали песок и щебень. Как только аэродром был закончен, прилетели фашистские самолёты и полностью его разбомбили.

Несмотря на тяжелые испытания, отец Александр не терял присутствия духа и ободрял свою паству. Сохранились его проникновенные проповеди того времени и воспоминания прихожан: *«Когда немцы стояли под Москвой, отец Александр проводил богослужения с особенным молитвенным воодушевлением, и однажды, когда положение было тяжелым, молились даже всю ночь. И вдруг на следующий день приходит известие, что гитлеровцы отступили!»*

В январе 1942 года у Александра и Нины родился младший сын Виталий. Девочки, 13-летняя Аля и 10-летняя Вера, радовались братику. Жизнь, несмотря на лишения военного времени, не казалась им тяжелой.

В доме всегда жили на постое военные. Отношение к семье священника было хорошим. Матушка едва успевала на всех стирать и готовить. От старших братьев регулярно приходили

письма с фронта, и родители жили надеждой на скорую встречу. Правда, семья уже понесла потери: в боях погибли младший брат Нины, Василий, и брат отца Александра, Стефан.

Отец Александр с матушкой Ниной и детьми Алей, Валентином, Верой (справа), 1939 г.

Письмо сыну

В начале октября 1943 года отец Александр наконец-то собрался писать письмо старшему сыну Георгию. У меня в руках это письмо – прозрачный от времени листок бумаги. На листочке с одной стороны стоит печать «Просмотрено военной цензурой 21871», далее идёт адрес и получатель: «Полевая почта 31577Д, Соколову Георгию Александровичу», затем – адрес отправителя «п/о Селихово Конаковский район Калининской области, Соколов Александр Васильевич».

Письмо привожу дословно. Зачем добавлять что-то от себя?

«Селихово, 2 октября 1943 г.

Добрый день, сын Гора! Поздравляем тебя с днём твоего рождения. Желаем тебе в твоей жизни всего наилучшего, главное, здоровья и скорого возвращения домой, ведь третий год идёт, как мы расстались и не видались ни одного раза за весь этот период времени. Твои письма мы получаем, спасибо, что не забываешь, пишешь. Извини, что я тебе долго не писал, всё как-то некогда, да и порой написал бы, да домашние опережают, ну так и замолчишь. Новостей нет, живем пока что ничего, ходим в лес, вчера ходили

Георгий, 1941 г.

Четвертый класс Селиховской школы, 1943 г.

за грибами, сегодня ушли за ягодами, за брусничкой. Я сегодня сижу дома, что-то захворал, голова и горло с кашлем, хватанул с фонтана водицы. Домашние все живы и здоровы, Аля с вчерашнего дня ходит в школу рядом в 4 класс, а Вера и Валя с 1-го еще месяц гулять будут. Соня² сегодня прислала письмо, а Гена вот

уже второй месяц ничего не пишет, так что мы боеем за его молчание. Как получишь письмо, пиши ответ. Ну а пока до свидания, целуем, твои папа и мама с детками. Соня пишет, что получила от тебя письмо и послала ответ».

Внизу небесно-голубыми чернилами округлым детским почерком старательно выведено:

² Тётя Соня – родная сестра отца Александра. Сестёр было три – Валендинская Вера, Умнова Софья и Калинина Лидия.

«Письма ваши возвращаю которые вы пишете вашему сыну Соколову так как т. Соколов Г.А. погиб при выполнении служебных обязанностей. Командир части Ф. Лебедев».

Георгий Соколов погиб 2 сентября 1943 года в селе Биробиджан Еврейской автономной области ровно за месяц до своего 21-го дня рождения. В конце 1943 года родители получили вторую похоронку – на сына Геннадия. Он был убит 5 декабря на севере Беларуси в Витебской области. Ему было 18 лет.

Родители должны были получать за убитых сыновей компенсацию, но их лишили по социальному статусу. Однажды, в приступе отчаяния Нина Ивановна порвала обе похоронки, и нам осталось на память только это письмо.

В 1944 в армию забрали третьего сына, Валентина. Он служил на Дальнем Востоке, когда началась война с Японией. Мальчишкам-новобранцам раздали бутафорские винтовки, и они каждую минуту ждали атаки японцев. К счастью, японцы так и не узнали, что противник фактически безоружен, иначе никто из тех мальчишек не остался бы в живых.

Школа в Селихово, фото сделано в 1960-х

Архимандрит из Парижа

В конце войны отец Александр некоторое время служил в храме города Бежецка – его туда перевели по просьбе местных верующих. Кстати, именно в это время в Бежецке жили мои предки с другой стороны – бабушка и дедушка моей мамы, а также её (будущий) отец Борис, которому тогда было всего 17 лет. Может быть, им выпал шанс познакомиться с отцом Александром. Жаль, только в церковь они не ходили – считали себя атеистами.

В конце войны и после неё храмов открывалось много, а священников осталось мало. После Бежецка отец Александр сменил ещё несколько приходов, но самой примечательной стала Знаменская церковь в Осташкове на озере Селигер, куда его назначили перед новым, 1947 годом.

Церковь только открыли после 20-летнего перерыва, и её первым настоятелем стал архимандрит Стефан (Светозаров). Он попросил для себя второго священника и дьякона «для расширения церковной деятельности». В помощники настоятелю и прислали о. Александра. Так прадедушка познакомился с необыкновенным человеком.

Архимандрит Стефан прибыл в Осташков – ни больше и ни меньше – из Парижа. Он считал своим долгом служить в России, и после окончания войны переехал из Франции в СССР. Почему именно в 1946 году, после 25-летней эмиграции? Именно в тот год президиум Верховного совета СССР издал указ о восстановлении в гражданстве СССР подданных Российской

империи, проживающих на территории Франции. В результате, около 11 тысяч эмигрантов стали советскими гражданами, а около 4 тысяч репатриировалось. На эту тему в 1999 году был снят фильм «Восток – Запад» с Олегом Меньшиковым и Сандрин Боннэр в главных ролях.

Одним из таких репатриантов и был отец Стефан, личность незаурядная. Родом из дворянской семьи, блестяще образованный, участник Первой мировой войны. До отъезда в СССР занимал должность настоятеля Трёхсвятительского подворья в Париже и благочинного приходов Московской Патриархии во Франции.

Человеком он был бесстрашным. В 1941 году во время немецкой оккупации Франции он выгнал из храма прихожанина – тот осмелился прийти на службу в немецкой военной форме. Отец Стефан прямо во время литургии вышел на амвон и, строго глядя на предателя, произнёс: «Вам здесь нечего делать! Уходите немедленно!» Все в ужасе замерли – догадывались, чем это может закончиться. Но «иуда» ушёл, опустив голову, и больше в храме не появлялся.

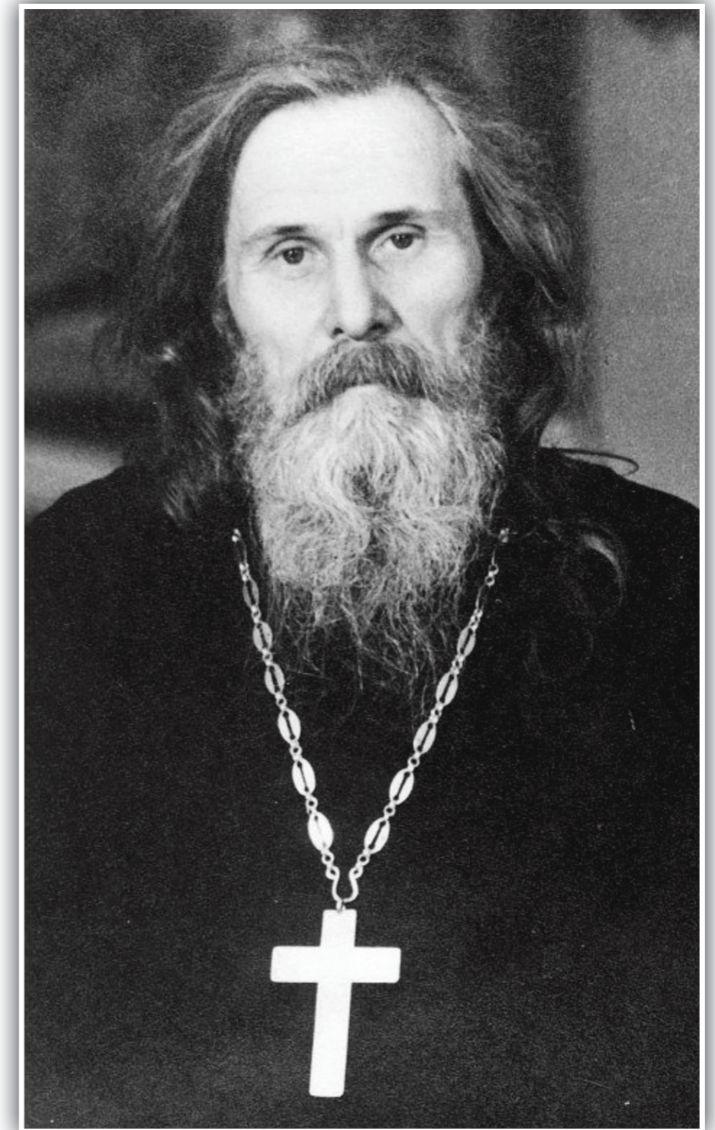
Неизвестно, каково ему было после Парижа очутиться в послевоенном Осташкове. Но отец Стефан не унывал – сразу навёл порядок в храме и приступил к службам. Его даже похвалил в своём отчете уполномоченный по делам религий: *«Под руководством Светозарова церковь гор. Осташкова заметно укрепилась, увеличилось количество посещающих её, прекратились недоразумения в церковном совете».*

Архимандрит Стефан приехал в Осташков по приглашению архиепископа Калининского Арсения (Крылова), также человека умного и передового. У владыки было три высших образования – духовное, экономическое (кандидат наук) и юридическое. Он мыслил не шаблонно и всеми силами пытался защитить церковь от агрессии властей. Как опытный юрист он часто умудрялся обходить запреты. Приглашал певчих из Москвы, призывал в храмы молодежь, брал в алтарь мальчиков. Тогда это было строго-настроено запрещено. Он принимал всех у себя на квартире и сам запросто ходил в гости к прихожанам, общался, утешал, помогал, как мог. Вполне естественно, что в такую светлую голову пришла идея пригласить в свою епархию эмигранта из Франции.

Но самое интересное было впереди. Рядом с Осташковым находится знаменитая Нило-Столобенская Пустынь. Она расположена на острове на озере Селигер. До революции это был самый посещаемый и многочисленный монастырь в стране, а после войны от него остались руины.

Нил Столобенский – святой человек, который жил и трудился на острове в конце XV века. В период интенсивной борьбы с религией Знаменский храм в Осташкове был превращен в антирелигиозный музей, там же хранились мощи Нила Столобенского. После войны музей с экспонатами съехал, и прихожане во главе с отцом Стефаном приступили к уборке храма. Тогда-то и были обнаружены мощи святого Нила Столобенского – работники музея забыли их среди мусора в каком-то углу.

Значение этой находки для православных людей невозможно оценить. Отец Стефан заказал для мощей святого Нила резную раку «под

Архимандрит Стефан (Светозаров).
Фото предоставлено Эмили ван Таак, секретарем сайта Свято-Троицкого храма в г. Ванв (Франция)

старину». Моя бабушка Вера хорошо запомнила открытие мощей и праздник по этому поводу. Помнила она и доброго, скромного, общительного владыку Арсения – он останавливался у них в доме вместе со своими келейниками,

Архиепископ Арсений (Крылов) с духовенством и прихожанами. Протоиерей Александр Соколов в камилавке, рядом со священником, который держит Евангелие. Осташков, 1947 г.

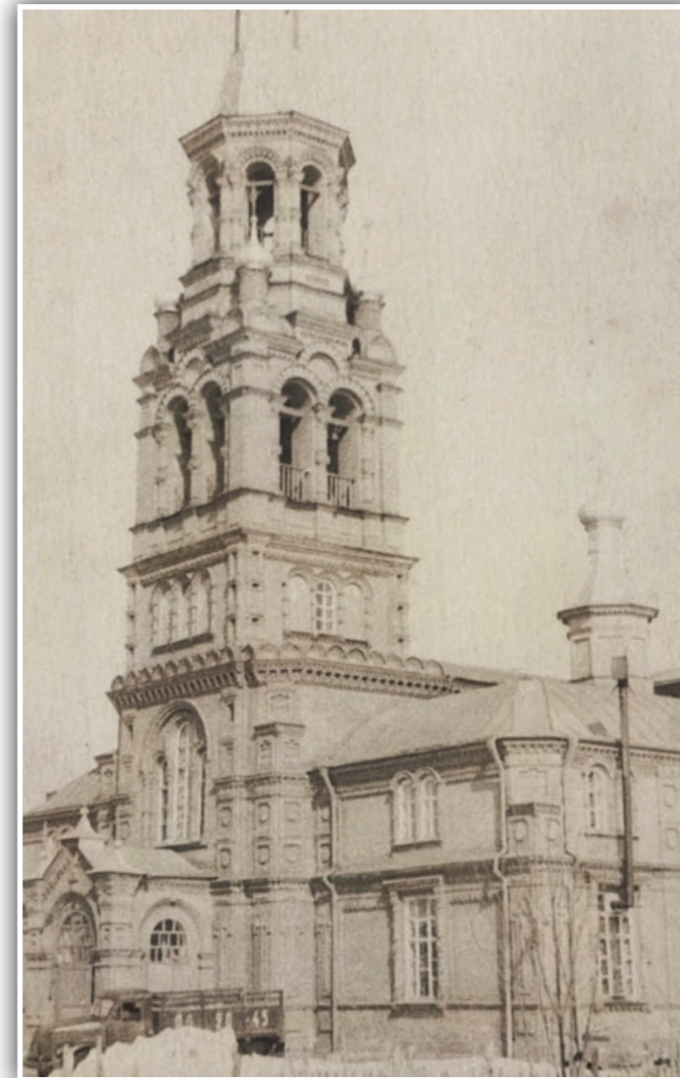
молодыми мальчишками. В присутствии 15-летней Веры и 18-летней Али молодые люди краснели и смущались, особенно во время совместных трапез. Взрослые, включая владыку, веселились и подтрунивали над молодёжью.

Отец Стефан (Светозаров) прослужил в Осташкове недолго – через год его перевели в Тверь (тогда – Калинин) в единственный действующий храм – Белую Троицу. В 1953 году его арестовали за «контрреволюционную

деятельность». Вместе с ним были арестованы еще один монах и семь пожилых женщин, которые помогали в храме. Допросы длились по 5–10 часов, отца Стефана допрашивали 40 раз. Его приговорили к 25 годам заключения. Только спустя четыре года, в 1957, дело пересмотрели и всех участников реабилитировали «за отсутствием состава преступления». Отец Стефан уехал в Литву, где стал наместником Виленского монастыря. Умер в монастыре в 1969 году.

Архиепископ Арсений (Крылов) за свои широкие взгляды подвергся травле местных властей. Его обвинили в том, что он взимает плату за каждую службу. Владыка сопротивлялся, выступая против нелепых обвинений, но разве можно было перебороть систему? В 1950 году его перевели в Уфу, а оттуда

в Кострому. Он не сдавался – продолжал приглашать в свои епархии эмигрантов из Франции и Болгарии, устраивал массовые моления под открытым небом и привлекал молодёжь. Через шесть лет такой активной деятельности его всё-таки уволили и отправили на покой в Москву, где он умер в 1962 году.

Вознесенский (Знаменский) храм в Осташкове, 1947 г.

Игумен Сергей (Петров) подарил это трогательное фото на память отцу Александру на Пасху 1951 года.

Отца Сергея называли «последним иноком Нило-Столобенской Пустыни».

Город на холмах

Отец Александр тоже недолго служил в Осташкове. В сентябре 1948 года владыка Арсений перевёл его в Торжок по состоянию здоровья. Улица Урицкого, где семья Соколовых снимала дом, шла параллельно озеру Селигер. В доме было сыро, холодно, неуютно. Все постоянно кашляли, болели ангинами, а младшей дочери, Вере, даже поставили страшный диагноз – порок сердца. Правда, потом выяснилось, что никакого «порока» нет – его выдумал местный

врач. Они с отцом Александром подружились и часто беседовали. Разговоры на духовные темы было безопаснее вести в кабинете врача, чем в храме, вот отец и водил дочку на приём к доктору. После отъезда из Осташкова «порок сердца» у Веры как рукой сняло.

Сначала отец Александр приехал в Торжок один. Поселился на частной квартире и стал служить в храме Михаила Архангела вторым священником. Храм вновь открыли на празд-

Михайловский (Благовещенский) храм, 1950 г.

Архиепископ Калининский Варсонофий (Гриневич) подарил отцу Александру своё фото с дарственной надписью. Владыка Варсонофий был из тех священнослужителей, которые ничего не боялись. С 1927 по 1932 годы он отбывал заключение в СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), после чего его здоровье оказалось окончательно подорванным. За четыре года пребывания на Калининской кафедре сделал очень многое сам и «поддерживал всякое начинание, направленное на расширение и активизацию церковной деятельности». Умер в 1958 году.

ник Благовещения 6 апреля 1946 года. Поэтому он получил второе название – Благовещенский. К тому времени, он не действовал уже десять лет. В нём даже полов не осталось – всё истлело, всё пришло в негодность. Ни одной иконы не сохранилось.

Правда, можно считать, что храму повезло. Сначала он был превращён в пекарню, а потом, во время войны, в продовольственный склад. Это всё-таки лучше, чем тюрьма строгого режима и профилакторий для алкоголиков. Именно для таких нужд использовался знаменитый Борисоглебский монастырь, находившийся через дорогу.

Через несколько недель мой прадедушка купил дом и перевёз туда всю

Лития на кладбище Никола Пустынь, 1960 г.

Крестный ход вокруг Михайловского храма, 1960 г.

семью. Расположение выбирал основательно, как, впрочем, делал всё в жизни. Смотрел, чтобы недалеко были храм, рынок, магазины, пожарная часть, баня и даже кладбище. Одним словом, выбрал стратегически правильное место. Вокруг дома был большой участок земли, где вскоре разбили сад, огород и цветник. Также устроили сарай для живности и пасеку. Отец Александр ухаживал за всем один.

Торжок расположен на нескольких холмах. Прямо по нему ходить невозможно – всё время приходится подниматься наверх и спускаться вниз. Михайловский храм находится на самом крутом холме. В течение 20 лет почти каждый день, к шести часам утра, отец

Александр неторопливо шёл в свой храм через парк. Он совершал литургию как можно раньше, чтобы потом успеть сделать все дела. По дороге его встречала местная шпана, пьяницы и нищие. Ненавязчиво кланчили мелкие деньги, а заодно что-нибудь спрашивали «про жизнь» – общались с духовным лицом.

В 1951 году отец Александр был назначен настоятелем Михайловского храма и одновременно благочинным округа. Вместе с церковным старостой ездил по деревням, просил жителей пожертвовать иконы и церковную утварь. Спасал иконы из закрытых храмов. Пользуясь служебным положением, открывал заброшенные церкви, выносил старинные

образы, утварь, книги. Складывали их в Михайловском храме, хотя места там было мало. Эти иконы потом оченьгодились: в начале 1990-х в городе стали открываться церкви, и старинные иконы раздали новым приходам.

В течение нескольких лет отец Александр был единственным священником на город с населением более 30 тысяч. Он трудился с раннего утра до позднего вечера. Служил, навещал прихожан, приглашал к себе. Выбивал у городской администрации деньги на ремонт. Знакомился с представителями

других конфессий и сектантами. Читал проповеди.

Отбивался от глупостей, с которыми к нему приставал уполномоченный по делам религий. Писал вялые отчеты: на исповеди ничего интересного не слышал, в храм ходят одни старушки, против советской власти не выступают. Уполномоченный был недоволен – не нравился ему чем-то служителю культа Соколов. Не нравился – и всё тут. Закрытый, немногословный, сдержанный. К такому не подкопаешься. Отцу Александру грозила новая опасность.

ГЛАВА 12

Скарлетт

Тем временем, выросли дети. Вышла замуж дочь Алевтина, родила двоих сыновей. Женится сын Валентин, родил двух дочерей.

Но самые радужные планы Нина Ивановна строила в отношении младшей дочери – Веры. Она была такая хорошенькая! Сообразительная, стройная, быстрая, ловкая, умелая. Особенно выгодно Вера смотрелась на фоне старшей сестры Али, которая красотой и умом не блистала. В детстве она потеряла слух из-за болезни и закончила всего четыре класса. Потом слух вернулся, но учиться было поздно. Аля пошла работать на завод, встретила будущего мужа, такого же простого и незатейливого, как она сама. Правда, характер у Али был добрый и жизнерадостный, но, по мнению матушки Нины, эти качества не были главными.

Нина Ивановна мечтала, что Вера после школы поедет в Москву, поступит в Библиотеч-

ный институт, встретит красавца (может быть, даже москвича), они поженятся и заживут, как в сказке.

Одевали младшую дочь, как куколку. Когда Вере исполнилось девятнадцать, родители повели её в магазины покупать новые сапожки и пальто. Продавец в обувном отделе громко восторгался: «Какая ножка!» И модное пальто сидело на Вериной стройной фигуре, как на модели. Потом её отвели в фотоателье и сняли на память. Полный триумф для амбициозной девятнадцатилетней барышни.

Моя бабушка Вера была самой настоящей Скарлетт О'Хара Торжокского уезда, даже внешне. Вокруг неё всегда кипели страсти, как будто она героиня романа. Конечно, не такого масштабного произведения, как «Унесенные ветром», но хотя бы небольшой провинциальной повести. Независимая. Гордая.

Вере 19 лет, 1951 г.
То самое новое пальто
и сапожки

В клевере, 1952 г.

Вера, 1954 г.

**Вера (слева) с сестрой Алей (в центре)
и дочерьми отца Павла Данилина, Ниной и Зоей.**

Темпераментная. Яркая. Модная. В 80 лет она дала бы фору 20-летней – такие у неё были скорости. У неё даже была любимая поговорка, похожая на знаменитое высказывание героини Маргарет Митчелл «Я подумаю об этом завтра». И манеры, как у голливудской дивы, хотя проживала Вера Александровна отнюдь не в Голливуде.

В Библиотечный институт Вера не поступила. Пришлось довольствоваться торжокским политехникумом, где она выучилась на бухгалтера. Сразу после окончания укатила по

распределению в город Сарапул в Удмуртии. Там у неё случился бурный роман с местным ловеласом и хулиганом Петром Макшаковым. Он за Верой ухлёстывал, но жениться не спешил, даже когда узнал, что беременна.

Отец Александр с прихожанкой Марией Ивановной.
Каждый год 31 декабря она пекла вкуснейший торт «Наполеон» специально для любимого батюшки и его семьи. Мы подхватили эту славную традицию.

Петя Макшаков со старшей сестрой Любой, 1956 г.

На восьмом месяце Вера рассорилась с Петей, села на поезд и поехала к родителям. Прямо в поезде у неё начались схватки. Соседи по купе, пожилая пара, бросились по всему составу искать врача. Роды прошли благополучно. Новоиспечённую мамашу с сыном на ближайшей станции сняли с поезда и положили в роддом. Как говорила незабвенная Скарлетт О'Хара: «Смерть, налоги, роды! Ни то, ни другое, ни третье никогда не бывает вовремя».

Самое интересное, что маме с папой Вера не рассказала ни о своём романе с Петей, ни о беременности. Нетрудно вообразить реакцию родителей, когда им пришла телеграмма, что

дочь лежит в роддоме в Московской области! Отец собрался и поехал. По своему обыкновению, он был молчалив. Вера от него не услышала ни слова упрёка.

Немногословной была и реакция матушки. Когда они с младенцем в одеяле заявили домой, Нина Ивановна потеряла дар речи. Она стояла на пороге, открывая и закрывая рот, как рыба, вытасченная из воды. А Вера стояла и смотрела на неё. Хорошо, что рядом оказалась верная прихожанка Мария Ивановна, которая сумела разрядить обстановку. Она, ничуть не смущаясь, радостно воскликнула: «Матушка, ну что же ты стоишь – принимай внука!»

Город Сарапул в Удмуртии, 1950-е гг. На верхнем фото – Дом Советов, вроде современной мэрии. На нижнем – ресторан «Кама».

Party for everybody

Назвали внука Серёжей в честь Сергея Соколова, двоюродного брата дедушки. Серёжа был классный мальчишка: белобрысый, весёлый, общительный. Всех смешил, вечно что-то выдумывал. Способный, всё схватывал на лету, писал стихи, рисовал, учился на «отлично». Его любили ребята и учителя. Бабушка и дедушка в нём души не чаяли, с удовольствием занимались его воспитанием. Отец Александр записал внука как своего младшего сына. Серёжа называл дедушку «папа старенький».

Отец проявился в его жизни трижды. Впервые приехал, когда младенцу было полгода.

Оправдывался, бормотал что-то невразумительное, но гордая Вера отвергла его притязания.

Затем снова возник на горизонте, когда Серёже было восемь лет. Расписался с Верой и наградил сына фамилией Макшаков. Серёжа радовался и говорил: «У меня теперь два папы – папа молодой и папа старенький». А учительница в школе объявила: «Ребята, с этого дня наш Серёжа не Соколов, а Макшаков».

Продержался молодой папа недолго – начал куролесить. Тесть пристроил новоявленного зятя в ремонтную бригаду. Знакомые видели его в объятиях то малярши, то

Вера с Серёжей, 1958 г.

штукатурщицы и спешили поделиться наблюдениями с отцом Александром. Верина скандальная личная жизнь вызывала неподдельный интерес у жителей провинциального Торжка. Разумеется, самым пикантным было то, что она дочь священника. Да, сплетникам было чем поживиться! Даже спустя лет 50, когда мы говорили, что мы внучки Веры Александровны, престарелые кумушки начинали хихикать и перемигиваться.

Верини родители не стали долго терпеть такое безобразие. В один прекрасный день дедушка выставил непутёвого зятя из дома и снова взял на себя обязанности единственного папы.

В 1989 году из Сарапула пришло письмо, в котором сообщалось, что Макшаков Петр Михеевич скончался от рака в возрасте 60 лет, и его единственного сына просят приехать, чтобы вступить в наследство. Уже совсем взрослый Серёжа, отец двоих детей, получил от покойного папаши внушительную сумму.

Макшаков (с ударением на последний слог) – типичная удмуртская фамилия. Это в наших краях она кажется редкой, а в Удмуртии Макшаковых сколько угодно. Почему-то она вызывает необыкновенный восторг у шотландцев. Видимо, напоминает им их фамилии с традиционной приставкой «мак»: Макдональд, Макдауэлл, Макбет, Маккартни, Маклай.

Удмурты живут в основном в Удмуртской республике. Это финно-угорский народ (вроде финнов, венгров, эстонцев, карел), принадлежащий к смешанной уральской расе, монголоидно-европеоидной. У них свой язык, культура, национальный костюм, фольклор и кухня. Пожалуй, самые знаменитые удмуртки – музыкальная группа «Бурановские бабушки». В 2012 году «Бабушки» заняли второе место

Бурановская прабабушка, 1969 г.

Зинаида, мать Пети, очень любила внука Серёжу, но видела его лишь раз в жизни

на Евровидении с песней «Party for everybody» (Вечеринка для всех). Это первая и пока единственная песня на удмуртском языке, исполненная на этом конкурсе.

Возможно, Петр Михеевич не состоялся как отец, зато он передал своему потомству разнообразный генетический код. Проще говоря, мы – представители смешанной расы. Это проявляется как внешне, так и в чертах характера: непреодолимым интересе к другим языкам и культурам, отсутствию расизма, объёмном видении мира. Иногда гены – единственное, что могут подарить тебе предки.

Тучи над дедушкой

Не считая инцидента с папой, Серёжино детство проходило весело и беззаботно. Дома хозяйствовала бабушка Нина. Характер у неё был крутой. Кабаниха в пьесе А.Н. Островского «Гроза» – это её портрет. Дети и внуки боялись её смертельно. Муж предпочитал с ней не спорить. На поясе у неё висела огромная связка ключей от комнат, кладовок, шкафов и шкафчиков. Когда бабушка ходила по дому, ключи грозно позвякивали. Самым опасным развлечением ребят было подкрасться к бабушке, похрапывающей после обеда на перине, и попробовать стянуть один из ключей. Иногда получалось, но чаще раздавался тигринный рык, и проказников как ветром сдувало.

Зато Нина Ивановна была настоящей хозяйкой «по Молоховец». Дом вела великолепно. Готовила отменно. Проводила целые дни между печкой и столом. Пирог с разнообразными начинками, холодец, грибной суп, пшённая каша – самые простые блюда у неё были сказочно вкусными. Варил лучшие в мире варенья. На десерт любила делать яйца с топлёным молоком – полный восторг. Каждый год отцу Александру из Псковской области привозили вяленого снетка (такие маленькие рыбки), и Нина Ивановна варила роскошную уху.

Пасха и кулич у неё получались всегда шикарно. А в пост фирменным блюдом считались картофельные котлеты с грибной подливой, а также кисели, мочёные яблоки и капуста, которую заквашивали в деревянных бочках

целыми кочанами. Приготовление бочек для капусты – занятие не для слабонервных.

Бочки для квашенной капусты готовятся так: в деревянную бочку заливается вода на треть, добавляются ветки можжевельника. В печи накаливают большие гранитные камни. Их бросают в бочку, происходит взрыв. Всё кипит, бурлит, трещит. Пар валит клубами. Затем бочка укутывается ватными одеялами. Тщательно пропаривается. Готово! Можно заполнять бочки капустой, яблоками и т. п.

Главным по садово-полевым работам был дедушка. Он же ходил по всем магазинам. Приучал внуков к труду, учил их пилить, колоть дрова, столярничать. Всё время что-то придумывал и улучшал. Они с бабушкой обо- жали читать, а книги в то время купить было трудно. Они выписывали собрания сочинений, привозили книги из Москвы. Нина Ивановна больше всего любила романы П.И. Мельникова-Печерского «На горах» и «В лесах» про жизнь старообрядцев.

Дедушка интересовался всякой техникой. Соколовы первые в городе приобрели телевизор – невиданное по тем временам новшество.

Вся семья выезжала в лес по грибы-ягоды. Лучшим грибником считался дедушка. Пока все носились по лесу, он, не отходя от машины, набирал корзину великолепных грибов. И всё спокойно, без суеты. Внуки ни разу не услышали от него праздного или бессмысленного слова, тем более ругательства или осуждения – только умные мысли и только по делу.

Отец Александр с внуком Серёжей на Красной площади в Москве, 1965 г.

Дед любил математику и умудрялся алгебраические задачки каким-то своим способом решать с помощью арифметики. И ответы были всегда правильными! А потом весь класс вместе с учительницей ломал голову, как же у него так вышло.

Отец Александр часто ходил в гости к прихожанам. Общался, играл в шахматы. Гостей постоянно приглашали к себе. Дом был щедрый, открытый. Самыми верными помощниками были три Марии Ивановны.

Как благочинный отец Александр обязан был посещать представителей других конфессий и так называемых сектантов. Однажды он ушёл на встречу с баптистами. Серёжа был

в ужасе. Накануне они всем классом ходили смотреть фильм «Тучи над Борском» – «шедевр» антирелигиозной пропаганды. Сюжет такой: наивная школьница Оля после конфликта с директором и любимой учительницей с горя уходит в секту баптистов-пятидесятников. Сначала они её жалеют, но потом впадают в религиозный экстаз, бьются в конвульсиях и решают распять девочку на кресте за грехи. Взбудораженная общественность с трудом вырывает Олю из лап обезумевших мракобесов.

Находясь под впечатлением от фильма, Серёжа был уверен, что с дедом случится что-то подобное. Когда тот вернулся, он с содроганием

спросил: «Что они с тобой делали?» «Чаем угощали», – спокойно ответил дед.

К слову, «Тучи над Борском» – фильм неплохой. Пропаганда там примитивная, сюжет нелепый, зато актёры талантливые. Его стоит посмотреть ради Инны Гулая, Инны Чуриковой, Владимира Ивашова и совсем юного Никиты Михалкова. Я смотрела с интересом, чтобы погрузиться в эпоху.

Но над отцом Александром действительно сгустились тучи. И надвигались они не со стороны безобидных баптистов, а от прихожан его храма. В начале 1969 года отец Александр заболел и слёг. Год пролежал дома с непонятным диагнозом. Говорили, сердце.

В ночь с 31 января на 1 февраля 1970 года дедушка умер во сне.

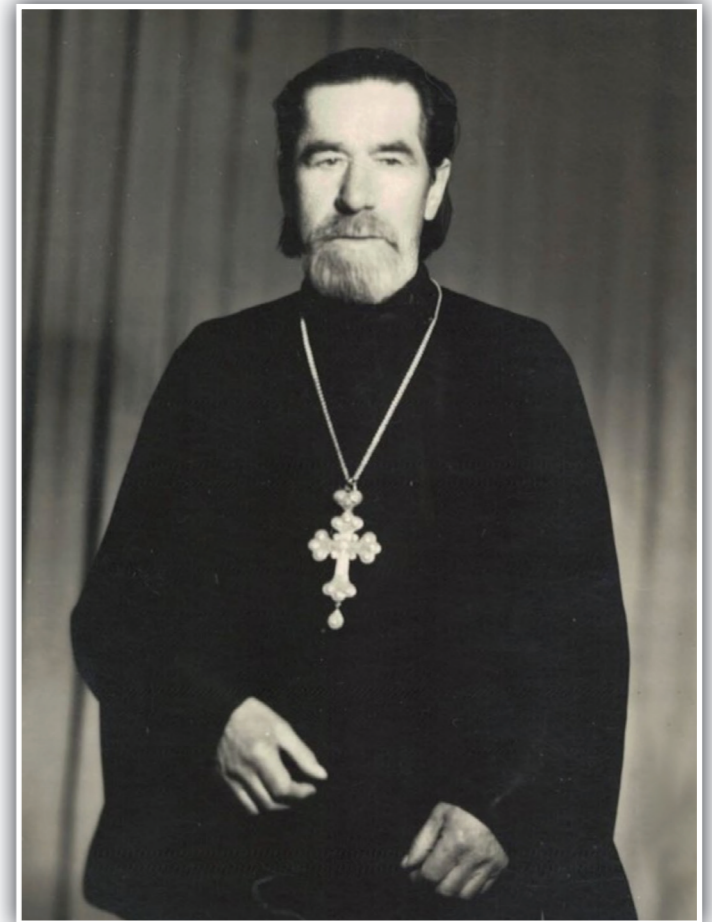
Отец Александр во время поездки в Листвено, Гусь-Хрустальный и Владимир, 1965 г.

Без срока давности

В 1958 году первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв начал небывалую по размаху, изощрённости и жестокости кампанию по борьбе с религией в СССР. К концу кампании Никита Сергеевич уверенно обещал советским гражданам «показать по телевизору последнего попа». По сравнению с мерами, которые принимались против верующих в хрущёвские времена, слегка поблёкли даже большевистский террор и сталинские репрессии. Что может быть хуже, чем расстрел? Невыносимое давление на епископат и священников, гигантские налоги, изъятие детей у верующих родителей, уголовное преследование, доведение до смерти. Историк Владимир Степанов так характеризует тот период: *«Тотальность гонений должна была создать для верующих атмосферу отвержения, культурной изоляции, в которой они чувствовали бы себя гражданами второго сорта, изгоями общества, недостойными вместе со всем народом войти в светлое будущее».*

Одним из таких «изгоев общества» и «гражданином второго сорта» стал отец Александр. Он был удобной мишенью, тем более, что хитрить и изворачиваться не умел. На него была развернута травля. И длилась эта «кампания местного масштаба» не год и не два, а более десяти лет!

Мне не хочется писать о плохом, но для полноты картины придёт. Иначе может создаться иллюзия, что у моего прадедушки всё в жизни было хорошо – семья, любовь, уважение. Вот как раз последнего и не было. Вернее,

Отец Александр, 1960 г.

уважение было со стороны лишь небольшой части прихожан, а остальные объединились в «партию», группировку по борьбе со священником. Не последнюю роль здесь сыграли местные власти и уполномоченный по делам религий. Настоятеля надо было «убрать»,

«добить», «известить», а для этого все средства хороши. В приход внедрились несколько человек, которые вели себя безобразно. Священнику не давали служить, устраивали дебоши во время литургии, орали на него дурными голосами, вцеплялись в бороду и таскали изо всех сил, рвали одежду, трясли за грудки и совершали другие мерзкие вещи. Сначала он терпел, потом пытался куда-то обратиться, писал заявления. Всё безрезультатно. Родственники единодушно считали, что деда «довели до гробовой доски». Обида была жгучая и с годами не проходила.

Мы провели своё собственное расследование этого мрачного дела. Опросили всех, кого могли найти. Даже встретились с его последней прихожанкой – Ангелиной Антоновной Синяевой. В 2011 году ей было 90 лет, и жила она на горе напротив храма Михаила Архангела в старом, сыром деревянном доме. Об этой встрече я расскажу подробнее, а воспоминания остальных свидетелей я уже включила в эту книгу.

Нина Ивановна с внуками,
1973 г.

Получилось, почти как в известном сериале «Без срока давности». Там следователи тоже вытаскивают на свет дела многолетней давности, находят свидетелей, опрашивают их, а потом задерживают преступника, который живёт себе – не тужит, уверенный, что на него уже никогда не выйдут.

Ангелина Антоновна ходила в храм последние лет 50 своей жизни. Все звали её просто Геля, настолько она была активная. Когда мы пришли к ней в гости и сели за чай, первым делом спросили её про возраст. «Угадайте!» – кокетливо предложила Геля. «Восемьдесят?» – неуверенно предположили мы. Геля весело рассмеялась: «Накидывай ещё десяток!» Женщина – всегда женщина, даже если ей девяносто.

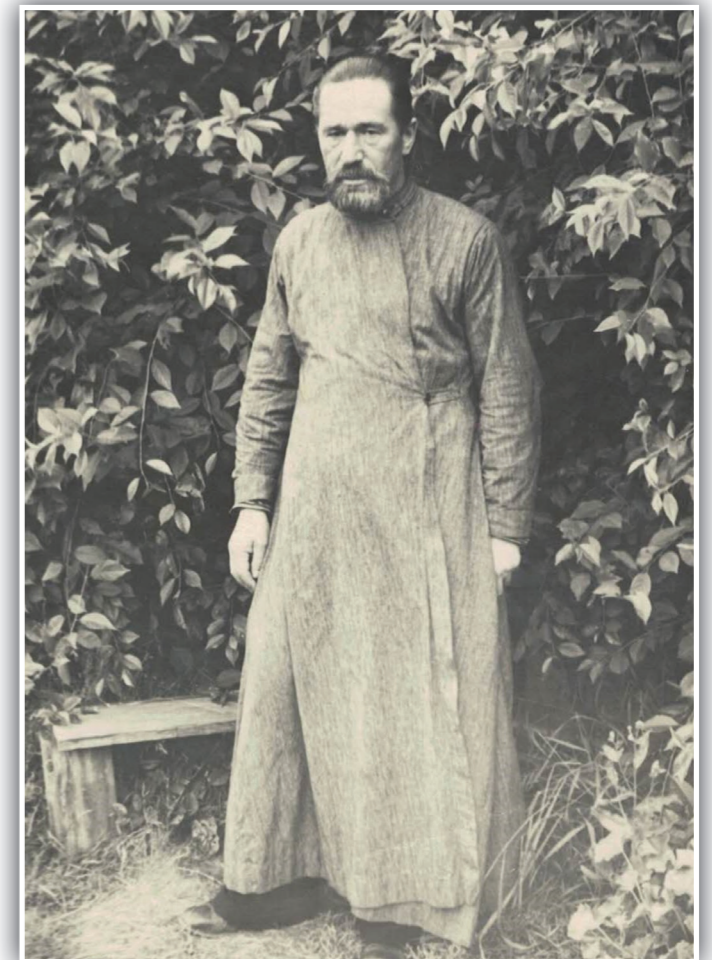
Вот что рассказала нам Ангелина Антоновна: «Отец Александр был смиренный. Особых дарований у него не было, поэтому некоторые его недолюбливали. Смиренный. Всё переносил молча. Никогда ни на что не жаловался. Никогда ни на кого не ругался. Жил в чёрном теле. Всё де-

лал для своей матушки. Был у неё под пятой. Сильно кашлял. Кашель не давал ему служить. Начинает читать – и тут кашель. Курил. Его за это некоторые не любили. Но некоторые его особенно любили и ценили. Псаломщица Надежда Николаевна. Маша, бабушка (непрямая) отца Александра Хлебникова...

В храме были партии, ужасные склоки. Так всё надоедало, что мы с другими уезжали в село Марьино в церковь. Там нам нравилось. Священник там исповедовал по часу-полтора. Очень трогательно, до слёз. Правда, потом перестал так делать, нервничал и говорил: «Быстрей». А отец Александр всегда исповедовал одинаково. Спокойно, молча. Только говорил мне постоянно «Других осуждаем, а сами...». Только я не помню, как эта фраза заканчивалась. А сами... Что – сами? Нет, не могу вспомнить!

1 февраля были в Марьино на службе. Пришла телефонограмма, что священник в Торжке умер. Мы сразу поняли, кто это, и заплакали. Сразу поехали к нему домой. Плакали всю дорогу до города и всю дорогу до дома. И, когда вошли в дом, тоже плакали. Облачал его отец Вениамин. Хоронили шесть священников и один дьякон. В церкви было очень много народу. Но всё-таки главное – был он смиренным. Это самое основное его качество».

Здесь Геля посмотрела куда-то мимо нас и сказала задумчиво: «Вот так ты меня сегодня посетил, отец Александр». Она была очень нам рада и долго не хотела отпускать. В 2014 Ангелина Антоновна поступила в Оршин Вознесенский монастырь под Тверью и приняла монашеский постриг с именем Ефрема в честь святого Ефрема Новоторжского. На момент написания этой главы ей было почти 100 лет, и она продолжала, несмотря на возраст и слабое здоровье, посещать службы.

У отца Александра в жизни было много скорбей

Смирение – высшая христианская добродетель. Это не трусость и не слабость, а внутренний стержень. Смиренный человек – сильный человек. Таким был отец Александр. Геля могла назвать имена только тех, которые его любили. Где сейчас те, кто набрасывался на него с кулаками? Никто не помнит их имён, лиц, биографий. Никто не напишет о них книгу воспоминаний. Может быть, это и есть наказание – полное забвение. Ведь их преступление против священника и человека не имеет срока давности.

Похороны отца Александра на Иоанно-Богословском кладбище, 4 февраля 1970 г. Руководил погребением молодой священник, отец Алексей Злобин, настоятель храма Михаила Архангела в селе Красное Торжокского района. На фото он в самом центре, у изголовья гроба. Отец Алексей был дружен с отцом Александром, часто приходил в гости и брал почитать книги. Отец Александр считал его способным священником и говорил, что «отец Алексей далеко пойдет». Так и произошло. С 1990 по 1993 год отец Алексей был народным депутатом России, членом Совета Республики Верховного Совета РСФСР. С 1974 года –

На похоронах отца Александра было море народу – это видно на фотографиях. 13-летний Серёжа не мог пробраться к гробу, его всего затолкали, а бабушка Нина постоянно теряла сознание.

Нина Ивановна после смерти мужа стала более мягкой, доброй, снисходительной. Скончалась накануне праздника Успения в августе 1980 в присутствии священника, отца Бориса. Он читал канон, который произносится над умирающим, и заметил, что она перестала дышать на последней, девятой песне. Отец Борис долго был под впечатлением и всем рассказывал: «Какая хорошая смерть!»

настоятель Церкви Рождества Богородицы в селе Городня-на-Волге (Тверская область). В 2005 году к нему на Рождество приезжал Владимир Путин и даже исповедовался под прицелами камер. Отец Алексей также является основателем и преподавателем кафедры теологии ТвГУ. Он очень известный и уважаемый человек не только в Тверской области, но и во всей России. Я несколько раз обращалась к нему с просьбой поделиться воспоминаниями о моем прадеде, с которым он когда-то дружил. К сожалению, мои письма остались без ответа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Хроники Блокады

Ленинградским детям

*Промчатся над вами
Года за годами,
И станете вы старичками.*

*Теперь белобрысые вы,
Молодые,
А будете лысые вы
И седые.*

*И даже у маленькой Татки
Когда-нибудь будут внучатки,
И Татка наденет большие очки
И будет вязать своим внукам перчатки.*

*И даже двухлетнему Пете
Будет когда-нибудь семьдесят лет,
И все дети, все дети на свете
Будут называть его: дед.*

*И до пояса будет тогда
Седая его борода.
Так вот, когда станете вы старичками
С такими большими очками,
И чтоб размять свои старые кости,
Пойдете куда-нибудь в гости, –*

*(Ну, скажем, возьмете внучонка Николку
И поведете на ёлку),
Или тогда же, – в две тысячи двадцать
четвертом году; –
– На лавочку сядете в Летнем саду.
Или не в Летнем саду, а в каком-нибудь
маленьком скверике
В Новой Зеландии или в Америке,
– Всюду, куда б ни заехали вы, всюду,
везде, одинаково,
Жители Праги, Гааги, Парижа, Чикаго
и Кракова –
На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:
«Он был в Ленинграде... во время
осады...
В те годы... вы знаете... в годы
... блокады»*

И снимут пред вами шляпы.

Корней Чуковский
«Литературная газета»
25 ноября 1944

Девочка Люся

13 января 1933 года в селе Глазок Тамбовской области в молодой семье Василия и Агриппины родилась девочка Люся. 13 января – Старый Новый год, но жителям села было не до праздников. Им было нечего есть, грозила голодная смерть. В 1932–33 годах в СССР свирепствовал ужасающий голод, получивший название «Голодомор». В основном, пострадали Украина, Северный Кавказ и Казахстан, но территория, охваченная бедствием, была значительно обширней – почти 40 миллионов человек на 1,5 миллионах квадратных километров пострадали или погибли от голода.

Самое страшное, что голод был создан искусственно советским правительством под руководством Сталина и его приспешников. Он возник в результате продразвёрстки, раскулачивания и коллективизации. И снова, как в 1920-е годы, люди ели трупы, убивали своих детей на мясо и от безысходности кончали жизнь самоубийством. О зверствах советских властей в борьбе с крестьянами подробно сообщал в личном письме Сталину писатель Михаил Шолохов, но получил какую-то вежливую и туманную отписку. Любому, кто хочет знать подробнее об этом периоде истории, стоит прочитать шолоховское письмо, от которого кровь стынет в жилах.

Василий Иванович, Люсин папа, нашел работу сталевара в Ленинграде и переехал туда. Он был на хорошем счету у начальства, много трудился и прекрасно зарабатывал. Вскоре семья поселилась в отдельной квартире на Невском проспекте.

Василий был человеком серьёзным, неразговорчивым, замкнутым, но честным, порядочным. Они с Агриппиной были гармоничной парой и жили хорошо, дружно. Возможно, потому что были полными противоположностями.

Агриппина была красавица: стройная блондинка с ярко-голубыми глазами. На фотографиях её глаза кажутся прозрачными. И характер у неё был лёгкий, весёлый, смешливый. Она ничем не уступала по элегантности дамам в Ленинграде. Сразу же разобралась в последних модных веяниях, накупила и заказала себе у портних новые наряды. Так приятно было прогуляться в красивом платье по Невскому под руку с видным, высоким мужем.

Наталья Бехтерева, знаменитый нейрофизиолог и коренная жительница Петербурга живо вспоминает ту эпоху: «А выйдешь на улицу... Ну как описать, как передать красоту Невского в 30-е годы! Проспект купался в свете. Едва ли вечером темнее, чем днём. А потому так важно, чтобы прогуливающиеся пары были и в деталях «отделаны». Где в те годы покупались красивые туфли, чулки, шарфы и платья? У тех, кто приезжал из официальных странствий, – моряков, главным образом. Это вначале. А затем открылись магазины-«люкс». Сохранились еще – подпольно – настоящие сапожники, портные, меховщики. И даже потрепанные, старые меха перешивались, перекраивались, не говоря уж о новых и хорошо сохранных старых».

Село Глазок было забыто, как далёкий сон. Там остались простые, «деревенские», а Вася с Груней стали непростыми, «городскими». Кстати, Глазок – довольно известное село

Василий Иванович (слева), Агрипина Николаевна и её родной брат Иван.
В центре – пятилетняя Люся, 1938 г. Дядю Ваню Люся называла «генералом», хотя он, скорее всего, был офицером Красной Армии.

с населением полторы тысячи человек. Там находится старейшая в стране школа, которая активно участвует в разных проектах, а также одна из лучших больниц в районе, клуб, театр и библиотека. В 2018 году местные школьники создали образцовый сайт, чтобы все могли посмотреть на их родное село «хоть одним глазком». Сайт сразу стал сенсацией в Рунете, набрав миллионы просмотров.

Люся всю жизнь считала своей родиной Ленинград, потому что попала туда ещё в младенчестве. Она гордилась своим городом и при любой возможности стремилась туда вернуться. Ребёнком она была своеобразным, таких называют «не от мира сего». Смешная, с удивлёнными круглыми глазами и растерянной улыбкой. С раннего детства у Люси было хобби – она обожала мыть полы. Довольно необычное увлечение для маленькой девочки. Люся мыла полы в любую свободную минуту, особенно по вечерам, когда ей никто не мешал. Эта страсть к мытью полов сохранилась на всю жизнь.

Близкие не всегда понимали эту Люсину любовь. Однажды, году в 1938, семья собралась

отдыхать на юге. Отец куда-то ушёл и задержался. Мама уложила вещи и оставила чемоданы в комнате. Тут Люсе пришла в голову блестящая идея помыть полы. Чего время-то зря терять? Она вылила пару вёдер воды на пол и принялась энергично елозить тряпкой, барахтаясь в луже. Вошла мама, начала ругаться. Чемоданы были парусиновые, и все вещи в них промокли! Вернулся отец, нахмурился, взялся за ремень... Так они и поехали на вокзал – с мокрым ревущим ребёнком и мокрыми чемоданами.

Своей фамилии и деревенского происхождения бабушка Люся (мамина мама) стеснялась. Девичья фамилия у неё была Щекочихина. Когда мы об этом узнали, то долго смеялись. Пока не выяснили, что девичья фамилия Люсиной мамы ещё менее благородная – Обьедкова. И вообще на всё село было только три фамилии – Щекочихины, Обьедковы и Скрылёвы. Небогатый выбор. Тогда, отсмеявшись, мы сказали бабушке:

– Повезло тебе, что ты вышла замуж за Соловьёва. Это такая красивая фамилия!

Тут бабушка Люся согласилась, потому что только в этом ей и повезло.

ГЛАВА 3

Июль – сентябрь 1941

«Ленинград должен вымереть от голода».

Гитлер

3 июля 1941 Агрипина родила девочку. Назвали её Римма. Был такой древний христианский мученик Римма, которого языческий правитель заморил холодом и голодом. Его память совершается дважды в год – 3 июля и 2 февраля.

Война уже вовсю полыхала на территории СССР. К 10 июля враги захватили Белоруссию, Прибалтику и приблизились к Смоленску. Василия Щекочихина призвали в ряды Красной Армии. Агрипина оставалась одна с двумя детьми. Она ужасно боялась, что фашисты

Отец Василий Иванович, 1940 г.

Агриппина, 1940 г. Люся всю жизнь бережно хранила эту маленькую фотокарточку

возьмут Ленинград, и хотела ехать к родственникам в деревню. Но Василий Иванович, уходя на фронт, строго-настрого наказал жене оставаться в городе. В те годы был закон, что, если человек отсутствовал по месту жительства более шести месяцев, то терял жильё – его просто выписывали. Где это видано – потерять отдельную квартиру на Невском? Василий Иванович был непреклонен.

И Груня осталась, не посмела перечить мужу. А тут ещё из Глазка в Ленинград приехала жена брата. Грунин младший брат Иван Николаевич был офицером советской армии. Он воевал на западном фронте, где наша армия в первые месяцы войны стремительно отступала. Дядя Ваня обожал свою смешную племянницу Люську. Тем более, что все говорили, как она на него похожа, а своих детей у него ещё не было. Ваня попросил Груню приютить у себя молодую жену, а сам ушёл воевать и снова появился в городе только в мае 1942. Груня даже обрадовалась, что живёт теперь не одна – всё-таки помощь по хозяйству, и вдвоём не так страшно.

Но становилось всё страшнее. Первая атака на Ленинград произошла в середине июля. Тогда вражеские войска остановились в ста километрах от города. Со второй половины августа начались артиллерийские обстрелы. Бомбили заводы, школы, больницы, жилые кварталы. Тогда же прервались попытки эвакуировать местных жителей. 30 августа германские войска захватили железнодорожную станцию Мга и отрезали Ленинград от всей страны.

Ситуация осложнялась тем, что в августе в Ленинград прибыли 300 тысяч беженцев из Прибалтики и соседних областей, увеличив народонаселение города.

Бомбёжек сначала пугались, бегали в убежище, но постепенно привыкли и оставались

в квартирах. Только с продовольствием становилось всё хуже. 12 сентября бомба попала в Бадаевский универсам, где был самый большой склад продовольствия. Тогда же по карточкам стали выдавать меньше продуктов, но люди не посчитали это чем-то особенным. Война как-никак, приходится ограничивать себя.

Фашистские войска продвигались всё ближе и 19 сентября остановились в десяти километрах от города. 22 сентября 1941 года Гитлер заявил: «Санкт-Петербург должен быть стёрт с лица Земли. Мы не заинтересованы сохранять жизнь гражданскому населению».

ГЛАВА 4

Октябрь 1941 – январь 1942

В октябре жители уже почувствовали острую нехватку продуктов питания, а в ноябре начался настоящий голод. Первые обмороки, первые смерти от истощения, первые случаи людоедства.

В ноябре у Агриппины пропало молоко. Люсе ещё можно было дать кусочек мокрого хлеба с добавлением целлюлозы и опилок, жмых или даже обойный клей, если как следует вымочить его в воде. Она неподвижно сидела в углу и жевала какие-то крошки. Но чем кормить грудного младенца? Невозможно описать словами отчаяние матери. А тут ещё бомбёжки, погода ужасная, и с каждым днём всё холодней. Пока не выпал снег, можно было ездить на поля, собирать свекольную ботву или гнилую картошку. Вскоре не стало и этого. В домах сначала отключили электричество, потом воду. За водой приходилось ходить на Неву. Это было невыносимым мучением.

За весь световой день Агриппина успевала сделать два дела: отстоять в многочасовой очереди за кусочками хлеба по карточкам и сходить на Неву за водой. Каждый раз она боялась,

что не вернётся, и её девочки останутся одни. Вернее, с этой непонятной женщиной, Ваниной женой. Помощи от неё было немного, а моральной поддержки – вообще никакой.

Каменная лестница, засыпанная снегом и многократно политая водой, превратилась в ледяной скат трёхметровой вышины, отполированный, гладкий, наклоненный под углом в сорок пять градусов. Даже здоровому человеку одолеть его было бы не просто. Женщины, еле живые от многомесячной голодовки, карабкались по нему с тяжёлыми ведрами, полными воды, карабкались, держась друг за дружку, ползли по нему на коленях, на четвереньках, проливали воду, скатывались вниз и снова ползли. Это была нескончаемая битва за воду, битва с множеством жертв. Похожие на безобразные кучи тряпок, внизу лежали вмёрзшие в лёд трупы тех, кому так и не удалось подняться.

Так описывает этот ежедневный кошмар жителей осажденного города Николай Чуковский в знаменитом романе «Балтийское небо».

Пролить драгоценную воду можно было на любом отрезке пути – на улице, потому что они не убирались, перед подъездом, споткнувшись о чей-то труп, или на лестнице, уронив от слабости ведро.

Жители передвигались по городу, еле волоча ноги от смертельной усталости. Мимо проезжали пятитонки с грудями мёртвых тел. Они были уложены, как дрова. Чтобы влезло больше, по бокам их ставили прямо. И голод, голод, непрерывный голод, от которого было никуда не спрятаться и который нельзя было забыть ни на секунду. Юрий Яковлев в рассказе «Девочки с Васильевского острова» говорит о блокадном голоде: *«Девочка умерла от голода... Не все ли равно отчего умирать – от голода или от пули. Может быть, от голода ещё больнее... Если просто хочешь есть, это не голод – поешь часом позже. Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод – когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце – всё, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает».*

В январе морозы доходили до минус 30 градусов. Особенно низкая температура была на Люсин день рождения 13 января – минус 35. В квартире было ненамного теплее. Улицы словно вымерли. То тут, то там высились сугробы, огромные, словно айсберги.

Римма ничего не ела уже три месяца – а всё жила. Мне скажут: это невозможно, так не бывает. Я знаю. Но почему-то мне кажется, что во время блокады ещё много случалось такого, чего «не бывает».

Римма жила вопреки законам смерти. Изо дня в день, из недели в неделю. Это была удивительно хорошенькая девочка, худенькая-худенькая, беленькая, с огромными голубыми, как у матери, глазами. За всё время она ни разу

Агриппина, Ленинград, декабрь 1941 г.
Мы смерти смотрели в лицо...

не закричала и не заплакала. Она тихо лежала в своей кровати и всегда улыбалась, когда видела склонившееся над ней лицо матери или сестрёнки. Глядя на её нежное личико и кроткую улыбку, мама с Люсей начинали реветь, как белуги. Они могли так часами стоять возле кровати и рыдать от бессилия.

Но Римма жила. И, пока она была жива, у матери еще теплилась слабая надежда на что-то.

Февраль – май 1942

Римма умерла в день своих именин 2 февраля. От дня ангела до дня ангела – вот её коротенькая светлая жизнь, и вся она пришлась на войну и блокаду. Мать с Люсей завернули Римму в одеяльце и отнесли в красный уголок, который находился в полуподвале дома. До войны там проводили собрания, посиделки и праздники, а во время блокады устроили склад трупов. Когда помещение достаточно заполнялось умершими, дворник вызывал грузовик, чтобы отвезти их на Пискаревское кладбище и закопать в братской могиле.

Римму аккуратно положили с краю и оставили до утра. Утром мама с Люсей пришли её проведать, но на том месте лежали одни пинетки, а Риммы не было. Причём, трупы ещё не вывозили. Возможно, младенца украл кто-то из соседей и съел – тогда это было распространено. Мать вдруг безумно захохотала и захлопала в ладоши – помешалась с горя.

Жена брата быстро смекнула, как надо действовать дальше. Куда-то сходила, с кем-то договорилась – и Агриппину в тот же день увезли в психбольницу. Девочка Люся осталась в квартире одна с чужой женщиной. Та деловито присвоила себе материны хлебные карточки и принялась с наслаждением рыться в её вещах.

Тут я всегда вспоминаю Таню Савичеву и её знаменитый дневник. Таня была старше Люси на три года. Они не могли быть знакомы, потому что Люся жила на Невском, а Таня на Васильевском острове. Но они жили в Ленинграде в одно время, а Таня ещё и вела дневник. Вот он:

*Женя умерла 28 дек в 12 00 час утра 1941 г
Бабушка умерла 25 янв 3 ч. дня 1942 г
Лека умер 17 марта 05 час утр 1942 г.
Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г
Дядя Леша 10 мая в 4 ч дня 1942
Мама в 13 мая в 7 30 час утра 1942 г
Савичевы умерли
Умерли все
Осталась одна Таня.*

Вся танина семья умерла с декабря 1941 по май 1942. Сама Таня скончалась в эвакуации в 1944 от дистрофии, цинги и туберкулёза. Перед смертью она ослепла. Тане посвящено несколько книг, фильмов, песен и стихотворений. Её именем названа планета. В школе, где она училась, работает музей её имени. На её доме висит мемориальная доска. Особенно впечатляет рассказ Юрия Яковлева «Девочки с Васильевского острова» о дружбе Тани с девочкой Валеёй, которая жила в том же доме несколько десятилетий спустя. Получается, что и «так бывает» – дружба с человеком из другой эпохи.

*Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своем времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.
А дружат ведь только с живыми.*

Среди тех мальчишек и девчонок выжила в блокадном Ленинграде и девочка Люся. Она тоже осталась совсем одна. Только Люсины мама умерла не от голода. С ней случилось кое-что пострашнее.

Три месяца спустя, в мае, Агриппину привезли из психбольницы. Сказали, что кормить её нечем, да и лечить тоже некому. Мать настолько ослабела, что только лежала и стонала. Но даже в таком состоянии пыталась навести какой-то порядок и позаботиться о дочке. К великому неудовольствию злой тётки, которая вообразила себя хозяйкой квартиры.

Первым делом, мама попросила Люсю заглянуть в буфет: «Есть там наши хлебные карточки?» Люся посмотрела и неосторожно ляпнула: «Нет, мама, исчезли». Тут матери стало совсем плохо, и она больше ничего не спрашивала.

Неожиданно в квартиру вошёл брат, Иван Николаевич. Он был в ужасе от разрушенного города, истощённых жителей. Увидев умирающую сестру и Люсю-дистрофика, понял, что надо срочно устраивать их в эвакуацию и поспешно убежал, оставив кое-какие продукты.

Тётка поняла, что времени терять нельзя. Она сказала Люсе: «Чего пялишься? Сходи во двор, нарви крапивы, будем щи варить». Крапива той весной была в огромном дефиците, из-за неё даже дрались. Люся послушно спустилась вниз, нарвала, что смогла, и быстро вернулась обратно. Вошла в комнату. Тётка стояла, склонившись над матерью и плотно прижимая подушку к её лицу. Почувствовав, что на неё смотрят, женщина отняла подушку,

медленно повернулась и произнесла: «Твоя мама умерла».

Но было поздно – Люся всё поняла. Она закричала и заплакала. Тётка взъярилась, вцепилась в девочку когтями и зашипела, как гадюка: «Молчи, дура, молчи, не смей!» Неизвестно, что стало бы с Люсей. Возможно, убийца матери прикончила бы и её – зачем ей свидетель?

На счастье, вскоре снова появился Иван. Теперь он увидел, что сестра уже мертва, а племянница ревет горючими слезами. Он, видимо, о чём-то догадался, потому что сильно разъярился на жену. Схватил её за плечи, встряхнул, закричал: «Чтоб ты ребёнка довезла!» Потом добавил с угрозой: «А с тобой я ещё разберусь!»

Перед поездкой тётка навязала огромные узлы с вещами Агриппины – всё, что могла утащить. И они с Люсей поехали. Пока плыли по Ладожскому озеру, бомбёжек не было. Но когда пересели на грузовики, начали бомбить. Позже Люся вспоминала: «Нас бомбят, грузовик перевернулся, все бегут, прячутся, а я стою посреди дороги и смеюсь».

Когда ехали на поезде, тётка коротко сошлась с какой-то бабой в купе. Они нарезали салца, огурчиков, хлебушка, налили водочки. Увидев, что Люся на них пристально смотрит, тётка кинула на пол корку хлеба: «Жри, корова, может, подавишься», – и захохотала пьяным смехом.

Таким образом, добрались до Глазка, где злая тётка оставила ребёнка у первой же избы. Добрые соседи довели Люсю до дома её тётки Александры (Сани), родной сестры матери. Та потом вспоминала: «Рано утром постучали в окно. Выглядываю – стоит дитёнок, совсем седая».

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Красноармиец Щекочин
Василий Иванович

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Ленинграда»
вручена *д. 11.01.43.* 1943 г.
№ И 07610

Председатель Исполнительного Комитета
Ленинградского городского Совета Депутатов Трудящихся

Секретарь Исполнительного Комитета
Ленинградского городского Совета Депутатов Трудящихся

Тонков
А. Буслов

Василий Иванович участвовал в боях за Ленинград, где в это время умирали его жена и две дочери

Май 1942 – май 1945

Василий Иванович –
третий справа в верх-
нем ряду

В центре
в верхнем ряду

Перепуганная тётя Саня выбежала, схватила Люсю, втащила в дом, начала снимать одежду. Но Люся серьёзно сказала: «Ты меня не трогай, я вся вшивая». Пришла бабушка Марфа, мамина мама. Узнав от Люси жуткие подробности гибели дочери и внучки, надела всё чёрное и пошла с плачем по деревне. Траур по Агриппине и Римме бабушка не снимала до конца жизни. Люсю Марфа взяла к себе. Помимо дистрофии и вшей, Люся переболела тифом, и ей нужна была срочная врачебная помощь.

Понятно, что никаких медиков в деревне в 1942 году не было, и Марфа ухаживала за внучкой, как умела, полагаясь на подручные средства и здравый смысл. Люсины седые волосы пришлось остричь наголо. Благодаря бабушкиным стараниям, через несколько месяцев внучка выздоровела, начала вставать. А волосы отросли и стали, как прежде, густые, вьющиеся, тёмно-каштановые.

Прапрабабушка Марфа Матвеевна была необыкновенной женщиной. Мудрой, строгой, доброй. О таких подвижницах теперь можно только в книжках прочитать. Храм в селе был закрыт, в округе церквей не осталось на много километров. Марфа молилась и читала церковные книги дома. Прожила она долго – 96 лет. Умерла в 1961 году. Перед смертью сказала: «Что моя жизнь? Дверь открылась – и закрылась».

После выздоровления Люся перешла к тётя Сане, которую ласково звала «мамания». С детьми

тётя Сани жить веселей – к своим двоюродным сёстрам Лиде и Тамаре относилась, как к родным. А маманию Люся горячо любила всю жизнь, говорила: «Ты одна у меня, мне больше никто не нужен».

Та женщина, убийца, после возвращения в Глазок, поселилась в своём доме. Приобрела корову в обмен на ворованные ценные вещи и зажила припеваючи. Торговля молоком в тяжелое для страны время шла бойко. Пришлось тётя Сане отправлять девочек за молоком к той бабе – больше коров ни у кого не было. Люся сходила пару раз, а потом наотрез отказалась: «Мамания, я туда больше не пойду, там мамини вещи». Александра возмутилась, побежала в сельсовет, рассказала, что да как. Заручилась поддержкой местной власти в лице участкового милиционера. Вместе они пошли к той женщине домой. Несмотря на её протесты, изъяли ворованные вещи и больше к ней за молоком не обращались.

Как-то зимой тётя Саня пошла на пруд стирать белье и увидела её. Вокруг никого не было. И Александре так непреодолимо захотелось утопить ту женщину в проруби, что она вся внутренне напряглась и двинулась в её сторону. В последний момент опомнилась и скорее ушла – от греха подальше.

Но справедливость всё-таки восторжествовала. В мае 1945 вернулся Иван Николаевич. С женой «разобрался», как и обещал: выкинул её из дома в исподнем и в лаптях и прогнал по всей деревне с позором. Через несколько дней

она умерла неизвестно от чего. Может, руки на себя наложила. Имени её никто не запомнил – все называли её «женщина», «тётка», «она». Даже в таких незначительных моментах жизнь всё расставляет по своим местам.

Через несколько лет в доме, где жила та женщина, ремонтировали крышу. Оторвали доски на чердаке и открыли тайник, из которого выпало ещё немало вещей Агриппины.

Село Глазок. Похороны прапрадеда Николая Степановича. 19 февраля 1945 г.

У изголовья стоит его брат Василий – единственный на тот момент мужчина в семье. Слева от него – прапрабабушка Марфа Матвеевна, обнимает 12-летнюю Люсю. Маленькая девочка, рыдающая над дедушкой – пятилетняя Тамара, Люсина двоюродная сестричка. Спустя 76 лет она прислала нам этот уникальный снимок. Марфа и Николай прожили вместе почти 60 лет и вырастили шестерых детей.

Любимые двоюродные сестры: Лида с мужем в 1949 г. ...

...и Тамара в 1963 г.

Люсина родная тётя Александра Николаевна – «мамания»

В Люсиной семье все похожи друг на друга. Люся говорила, что больше всего похожа на «генерала» дядю Ваню, родного брата матери. Того самого, который отправил ее в эвакуацию.

А это Люсин двоюродный брат Володя. Он очень похож на свою родную тётю Агриппину Николаевну. Володя приехал в Калинин (Тверь), часто ходил в гости к сестре Люсе. Он окончил Калининскую Военную академию воздушно-космической обороны им. Г.К. Жукова. С будущей женой познакомился в Калининне – красивая девушка Света была Люсиной соседкой. На момент написания книги пожилые Владимир и Светлана жили в городе Одинцово Московской области.

Май 1945 – вся жизнь

Василий Иванович вернулся с фронта и забрал Люсю из деревни. Во время войны он перенёс два тяжелейших ранения, в голову и область сердца. По году лежал в госпиталях. О смерти жены и дочери узнал после возвращения. Отец почти никогда не говорил с дочерью на эту тему. Он был человеком закрытым и всё глубоко переживал. Квартиру на Невском они, конечно, потеряли. Взамен им выделили комнату в коммуналке в Конюшенном переулке недалеко от Эрмитажа. В квартире было еще десять хозяев.

Отца Люся уважала и любила безмерно. Когда мы пытались намекнуть, что он косвенно виновен в гибели жены и дочери, бабушка волновалась: «Нет, он всё правильно делал. Он был очень хороший, справедливый!»

В 1946 Василий Иванович женился на Елене Ахремчик. Елена была вдовой, лет на десять старше Василия. Её муж погиб во время блокады, а сын умер от сердечного приступа после войны. Осталась одна взрослая дочь, которая вышла замуж в Запорожье.

Тётя Лена была прекрасной, доброй женщиной. Она хорошо относилась к Люсе. Но девочка всё равно переживала из-за женитьбы отца. Она постоянно всем рассказывала, что не хочет жить с мачехой. Елена пыталась найти с Люсей общий язык, даже прибегала к хитростям. Заметив, что приёмная дочь никак к ней не обращается и даже «тётей» не называет, Елена как-то раз спрятала всю Люсину одежду. Люся проснулась с утра – одежды нет. Лежала-лежала, молчала, а потом крикнула: «Тётя Лена, где

мои вещи?» Прибежала обрадованная мачеха: «Люсенька, милая, сейчас всё принесу».

В 1950 Люся закончила вечернюю школу, а потом поступила в фабрично-заводское училище на специальность швеи. К тому моменту она стала совсем взрослой, миловидной девушкой, серьёзной и застенчивой.

В 1956 году подруга Люси познакомила её с Борисом Соловьёвым из Калинин (теперь – Тверь). Боря был поэт и бунтарь. Он влюбился в неё с первого взгляда и через две недели позвал замуж. Писал ей: «Если не согласишься выйти за меня, всё равно приеду и тебя увезу». Но Люся, конечно, согласилась – куда ей было деваться? В сентябре 1956 они поженились,

Люсе тринадцать лет, 1946 г.
В том году ее отец женился на тёте Лене.

Люся в вечерней школе (стоит вторая слева).

и Люся переехала к мужу в Тверь. Так началась её самостоятельная жизнь, не связанная с Ленинградом. Но блокадные дни она не забывала никогда и пронесла их через всю жизнь. Все соседи знали, что наша бабушка – блокадница. Во дворе у нас даже прозвище было – ленинградки. Стоило нам выйти на улицу, старушки на скамейках показывали: «Глянь, ленинградки пошли».

Благодаря нашей самоотверженной бабушке, мы осознаём свою причастность к великому братству детей блокады. Она длилась 872 дня и унесла жизни 600 тысяч или 1,5 миллиона человек. Почему такие разные данные? 600 тысяч – это те, кто умер непосредственно

в осаждённом городе, а в полтора миллиона включают тех, кто умер от её последствий, в эвакуации или после освобождения. Получается, выжили другие 1,5 миллиона – половина города. Но все жители, подобно Тане Савичевой или девочке Люсе, так или иначе донесли до нас свои воспоминания о тех страшных днях. Ведь там, в 1942 году, навсегда остались вся Танина семья, Люсины 30-летняя мама и маленькая Римма. Там остались тысячи мальчиков и девочек, которые не повзрослеют, и женщин, которые не постареют. Они там, мы их помним, любим и дружим с ними.

А дружат только с живыми...

Люся с подругой Риммой, 1952 г.

Люся с Риммой и её мамой

Люся, 1952 г.

Ленинград, 1954 г. Благодаря полезной профессии швеи, Люся всегда была модно одета

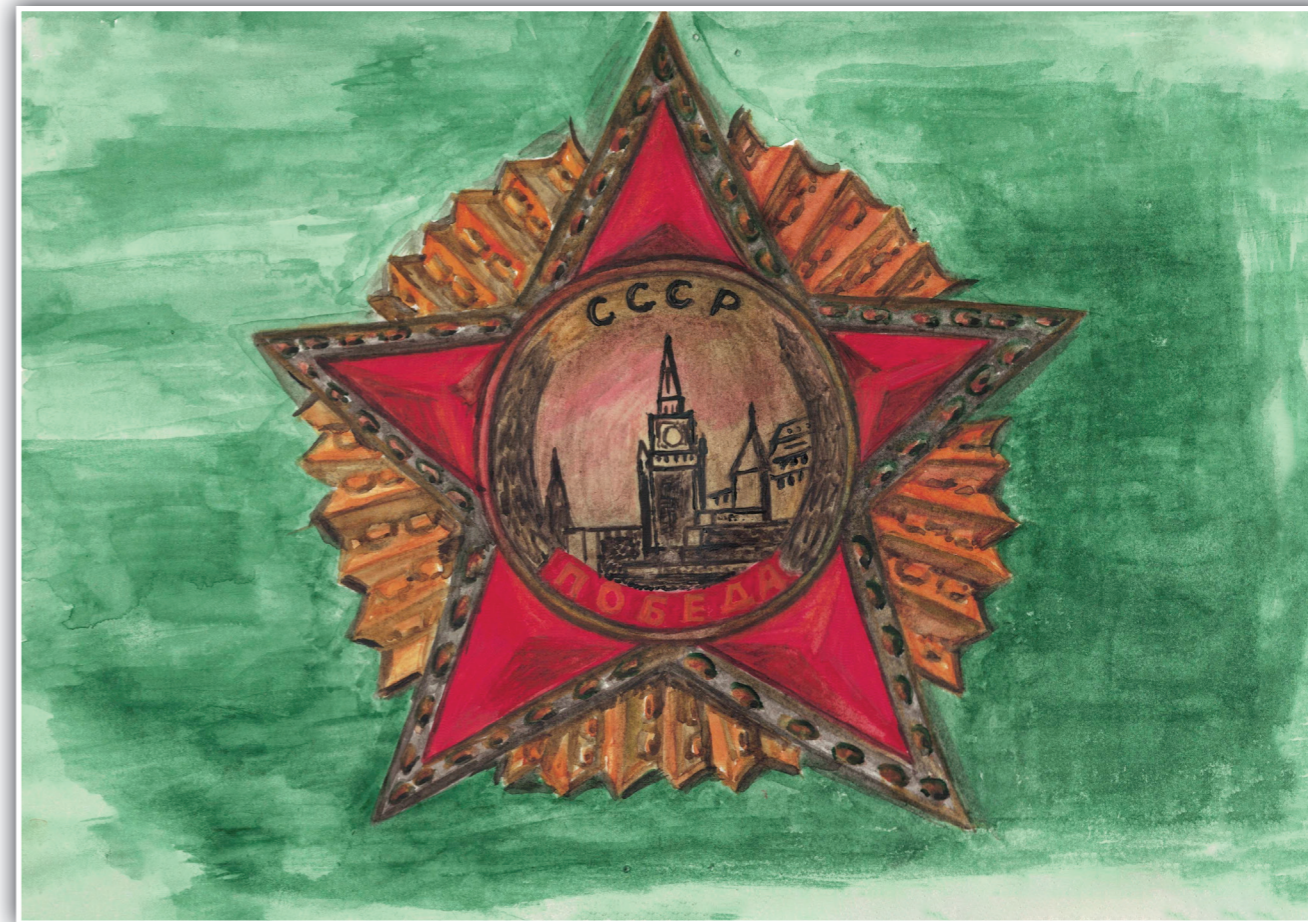

В окружении родственников, г. Ленинград, 1965 г.
Елена Ахремчик была старше Василия Ивановича на десять лет и умерла на десять лет раньше. Здесь она сидит слева, Василий Иванович стоит второй слева.

Прадедушки Василия Ивановича не стало в июле 1976 года. Из коммуналки в центре Ленинграда его переселили на окраину города, в квартирку, где не было телефона. Как-то раз Люся приехала проведать отца и обнаружила, что он уже неделю не встаёт. Она отвезла его в больницу, где его положили в коридоре – не было мест. Мимо шел преподаватель с группой студентов-медиков. Остановившись возле кровати Василия Ивановича, преподаватель спросил, обращаясь к студентам: «Вы чувствуете запах фосфора? Этот человек сейчас умрет». Группа ушла. Люся сидела у постели отца и ждала, что будет. Вдруг Василий Иванович очнулся, приподнялся на локтях и, обрадованно глядя куда-то в пространство, начал быстро что-то говорить. Лицо его стало счастливым, просветлённым. Через несколько секунд он умер с тем же умиротворенным выражением на лице.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Жизнь в СССР

Борис Соловьёв был хулиганом из благополучной семьи. Вернее, он не хулиганил, а бунтовал против всего мещанского, заурядного

Боре Соловьёву пять лет, 1933 г.

и консервативного. Внешне он напоминал то ли Пастернака, то ли Блока. Гордо вздёрнутая голова, прямой нос с горбинкой, отстраненный вид и небрежный взгляд. Поэтическая натура, которая пыталась развернуться, да не хватило упорства.

С детства Боря мечтал создать машину времени. Он даже почти придумал, как это сделать, да не хватило энергии. Мечтал пойти в лётное училище, но его не приняли из-за слабого сердца. И даже хулиган из него вышел посредственный. Пришлось забыть бунтарское прошлое, окончить институт и жениться на хорошей девушке Люсе.

Учился, работал, жил, как все, ничем не выделяясь. Больше всего Борис мечтал быть не похожим на своих добропорядочных родителей. А, между прочим, его отец был самым настоящим путешественником во времени. Только Боря им никогда не интересовался, а зря.

Мой прадед, Соловьёв Алексей Сергеевич, родился в 1894 году в старинном городе Бежецке Тверской губернии. Родители – из мещанского сословия. Кроме Алексея, в семье была ещё дочь, которая вышла замуж и навсегда уехала в Киев.

Во время Первой мировой войны Алёша был мобилизован в царскую армию. Командование сразу обратило внимание на одарённого юношу. Помимо ясного ума и очевидных способностей к математике, у него был каллиграфический почерк, что особенно ценилось в те времена, когда все документы писались от руки.

В армии. Боря Соловьёв – стоит второй справа, 1946 г.

Алёшу переводили из одной военной канцелярии в другую, пока не назначили в Петроград, в Главный штаб. Канцелярия, где служил Алексей, располагалась в здании слева от знаменитой арки, ведущей на Дворцовую площадь.

Ночь с 25 на 26 октября (7 ноября) 1917 года он запомнил на всю жизнь. Вместе с коллегами видел в окно, как сквозь арку на штурм Зимнего дворца шли и шли отряды рабочих и солдат. Покинуть Главный штаб уже не было никакой возможности, да и куда пойдешь, когда под окном такое творится!

Перед самым наступлением к служащим Главного штаба пришли красногвардейцы. Сурово глядя на испуганных писарчуков, сказали: «Вас мы не тронем. Только сидите тихо, не высывайтесь». Всю ночь Алексей и его сослуживцы провели на полу в своих кабинетах, пытаясь сохранять спокойствие. Один все-таки не выдержал: из любопытства выглянул в окно – и тут же получил пулю в лоб. Некоторые историки утверждают, что штурм Зимнего был бескровным. Видимо, в голову несчастному была выпущена единственная пуля в ту историческую ночь.

Борис Соловьев был красивым, но очень своенравным молодым человеком. Возможно, он не стал примерным мужем и отцом, но как дед нас вполне устраивал. Ему можно было рассказать что угодно, а он слушал с неподдельным интересом и никогда не говорил, что это детские глупости. Покупал нам вездеходы и машинки. Сестре дарил краски и карандаши. Не мог равнодушно пройти мимо раненого или бездомного животного. Однажды принес мне ворону со сломанным крылом, которая кричала и всех клевала. Это одно из самых ярких воспоминаний детства.

Прадедушка Алексей Сергеевич здесь совсем молодой. Стоит в верхнем ряду в центре. Начало 1920-х гг.

Алексей Сергеевич, человек молодой, но консервативный, был смущён революционными событиями. Он ходил по Петрограду сам не свой. Слушал речи большевиков на митингах, смотрел, наблюдал, думал, но окончательной

уверенности, что всё правильно, не было. Наконец, произошло событие, которое перевернуло всю его внутреннюю жизнь и заставило посмотреть на революцию новым взглядом.

С коллегами. Алексей Соловьев стоит крайний справа. 1930-е гг. Даже в такие тяжелые времена женщины пытались модно одеваться, как, например, дама крайняя слева.

Шли первые дни нового 1918 года. Алексей случайно оказался в многолюдной толпе возле бывшего особняка балерины Матильды Кшесинской. «Царица русского балета» ещё в июле сбежала в Кисловодск, а оттуда во Францию. В здании тогда работал Владимир Ильич Ленин. С балкона особняка вождь революции произносил пламенные речи. В перерывах между работой, разумеется. Он и сейчас вышел выступать. Заговорил – толпа замерла. Алексей слушал, как зачарованный. Вот оно – свершилось! Революция происходила сейчас – в его душе, сердце, разуме. Он потом много раз вспоминал тот момент, как один из самых ярких в жизни: «Я сразу ему поверил. И верю до сих пор».

Так Алексей Сергеевич Соловьёв, умный, кристально честный, чистый молодой человек навсегда стал коммунистом и атеистом. Правда, только в душе, потому что в партию никогда не вступал и в откровенного безбожника не превратился. Но это громогласное «верю!», образ Ленина и внезапное перерождение души он запомнил навсегда, до конца своей долгой жизни.

Алексей Сергеевич, 1940-е гг.

ГЛАВА 2

Дебет – кредит

После судьбоносной встречи с Лениным для 23-летнего Алёши не оставалось сомнений, как действовать дальше. Конечно, учиться, учиться и учиться! Он поступил на высшие бухгалтерские курсы в Петрограде, которые окончил с отличием. Выбор профессии оказался правильным: мой

прадедуська успешно работал бухгалтером всю жизнь, даже во время войны, построил блестящую карьеру, получил от государства отличную квартиру, почёт и уважение от коллег и знакомых. Самое главное, благодаря работе он встретил свою любовь. Одну – и на всю жизнь.

Произошло это в 1927 в родном Бежецке, где он работал бухгалтером-ревизором. Алексею было уже 33 года (по тем временам солидный возраст), но ни невесты, ни подружки у него никогда не было. Он был исключительно порядочным и не умел легко завязывать знакомства с девушками.

Однажды Алексей Сергеевич пришёл в какую-то контору с ревизией. Бухгалтером там работала 21-летняя Маруся Смирнова. Несмотря на полноту, она слыла красавицей. Это сейчас ей бы предложили отправиться в фитнес-центр, сесть на безглютеновую диету

Молодожёны Алексей и Мария Соловьёвы, 1927 г.

и сбросить пару десятков килограммов. А в те годы у кустодиевской девушки от ухажёров отбоя не было. Понятно, что все отношения оставались на уровне прогулок в парке, потому что Маруся была очень строга. В день ревизии она с трудом сдерживала слёзы: накануне рассталась с очередным поклонником, который пытался «качать права». Ревизор показался ей довольно старым, не особо привлекательным, но, в целом, приятным мужчиной. Поэтому, когда он, забыв про дебиты-кредиты, неожиданно предложил ей выйти замуж, Маруся, ни секунды не сомневаясь, ответила: «Да!»

Наверное, в тот день они побили мировой рекорд: между знакомством, предложением руки и согласием прошло несколько минут. Алексей был покорён Марусей с первого взгляда, а вот ей понадобилось время, чтобы привыкнуть к «немолодому» мужу. На свадьбе она даже всплакнула, хотя больше по традиции, чем от огорчения.

Брак оказался удивительно счастливым. Мария Алексеевна не уставала повторять: «Лучше моего мужа никого нет». Он делал для неё всё, кроме того, что на руках не носил, но это было невозможно по объективным причинам. Например, обежит все магазины, притащит сумки продуктов, а бабушка ему: «Лёня, ты спички забыл». И он беспрекословно идёт обратно в магазин за спичками. Вот она – любовь!

Своей привлекательности Мария Алексеевна не утратила даже в старости. Следила за модой, заказывала у портних платья и костюмы. С возрастом у неё появилась царственная осанка и походка, как у павы. Фигурой и наклоном головы она напоминала Екатерину Вторую. Правда, моральный облик у нашей прабабушки, в отличие от императрицы, был

Двадцать лет спустя, 1947 г.

безупречен. Ни на кого, кроме своего супруга, она не глядела и с возмущением пресекала любые попытки флирта.

Каждый вечер, особенно летом в хорошую погоду, супруги отправлялись на прогулку. Алексей Сергеевич собственноручно гладил жене платье, себе – брюки, а затем с гордым видом под ручку выходил с ней из дома.

Прабабушка и прадедушка прожили вместе всю жизнь до её смерти в 1983 году. Однажды ночью у него случился инсульт, она побежала вызывать скорую, упала в темноте, сломала бедро и умерла в больнице от воспаления лёгких. Он прожил после этого больше года полностью парализованный. Все думали, что он ничего не понимает. А он постоянно что-то силился спросить, с отчаянием указывая на то место, где раньше стояла её кровать.

Маруся (справа) с подругой, 1930-е гг.

Алексей Сергеевич (в центре) в доме отдыха в 1949 г.

ГЛАВА 3

Розовые брёвна

Маруся, Мария Алексеевна Смирнова, происходила из замечательной семьи. Её отец был богатым крестьянином в деревне Сонково Бежецкого уезда. Семья была самой богатой и уважаемой во всей округе, и даже местный помещик был в приятельских отношениях с умным, основательным Алексеем Смирновым.

Маруся в детстве дружила с барскими детьми и часто ходила к ним домой играть.

Детей у Смирновых было восемь. Все здоровые, красивые, трудолюбивые. Отец всегда внушал детям мысль, что богатство появляется не само по себе, а благодаря неустанному труду. «Кто не работает, тот не ест», – повторял он

известную поговорку. В качестве доказательства он приводил примеры деревенских лентяев и лоботрясов, которые регулярно приходили к Смирновым побираться, а сами и пальцем не хотели шевельнуть.

В семье работали все – отец, мать и шестеро старших детей. Их отдавали на два-три года в церковно-приходскую школу, а потом отправляли «в поля». В результате, семья богатели год от года, что ещё больше подтверждало теорию отца. Младших детей – Марусю и Васю – работать не заставляли. Отец решил, что надо в семье кому-то быть по-настоящему образованным, и отдал их в гимназию в Бежецке.

Интересно, что в 1920-х годах в школах Бежецка учился Лев, сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Он с благодарностью вспоминал библиотеку в маленьком городе, которая позволила ему познакомиться с Майн Ридом, Стивенсоном, Вальтером Скоттом, Дюма и Шекспиром.

Во время Первой мировой у Смирновых жил пленный венгр, вроде как помощник по хозяйству. Его тоже пытались приучить к труду, правда, безуспешно. Летом его будили каждый день в четыре часа утра и вежливо приглашали работать в поле. Он в ответ бормотал что-то по-венгерски, поворачивался на другой бок и продолжал спать. Потом ему надоела такая «тяжелая» трудовая жизнь, и он уехал на историческую родину.

После революции всё встало с ног на голову: первые бездельники на деревне превратились в комсомольских активистов и затеяли борьбу с «богатеем» Смирновым. Они врываются в дом, всё потрошили, тыкали штыками в стога сена – искали спрятанное продовольствие. Отец переживал, но продолжал трудиться дальше в новых – невыносимых – условиях.

Пожалуй, самое яркое описание жизни Бежецкого уезда 1920-х годов оставил известный театральный художник Александр Васильев³:

Но самым мощным воспоминанием тех лет осталась поездка студенческой агитбригады в деревню в помощь организации колхозов. Нас послали в Бежецкий уезд Тверской губернии зимой, очевидно, в каникулярное время... Уже поездом доехали до провинциальнейшего, глубинного, архирусского города Бежецка и оказались на классическом постоялом дворе, находившемся вблизи пожарной каланчи... Нам подали санный обозик в четыре-пять лошадей... и [мы] поехали в село по названию Моркины горы.

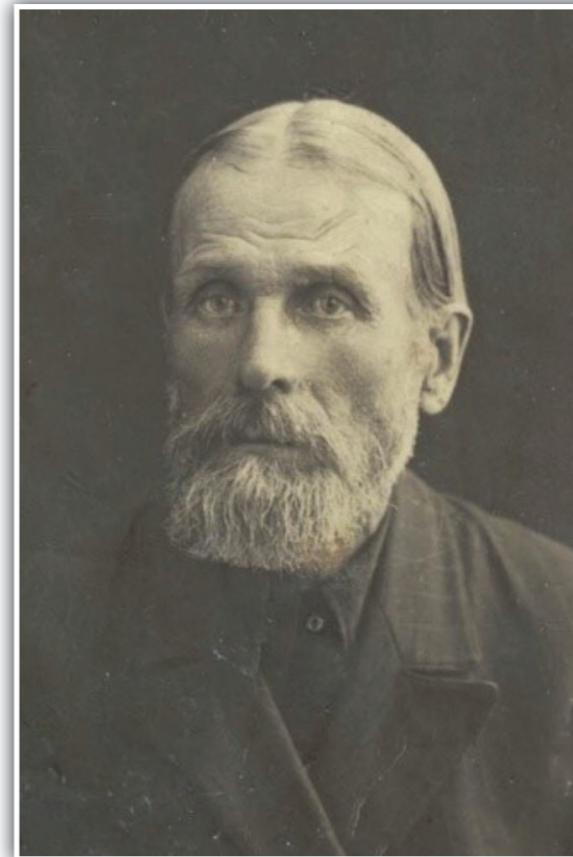
Ехали в синий солнечный день по едва заметной, с отполированной полозьями колеей дороге, вьющейся меж белоснежными, чистейшими снегами. На облучках сидели, правя лошадыми, ладные молодухи в черных романовских или рыжих полушубках, цветных шалях, бахромой осыпающих полспины, и белых валенках с малиновым орнаментом. Помню и разговорчивых мужичков в армяках, а бывало, и в овчинных тулупах до пят с гигантскими воротниками шалью, спасающих от любой метели.

... Нас разместили всех в тёплой, большой, со светлыми стенами избе. Брёвна избы каждый год к Пасхе мылись известью с золой, и избы становились по цвету словно только что построенными, немного розоватыми, что ли. Известно, что слова описать цвет не могут, иначе не было бы живописи. Поэтому я привез в Москву на память об этом цвете щепку, отколотую от такой светлой стены.

Такой же чистый, добротный, просторный дом с розоватыми стенами был у Смирновых. И сами они были хорошие, честные люди.

Дореволюционная деревня, в которой прекрасно жилось тем, кто много работал, исчезла бесследно, как будто никогда не существовала.

К началу 1930-х раскулачивание и раскрестьянивание в СССР усилились. Первым «кулаком» и «врагом народа» в Сонково оказался 60-летний Алексей Смирнов. Его посадили в тюрьму и держали в ужасных условиях несколько месяцев. По возвращении, это был глубокий старик. Он заболел раком и быстро умер. На память о прапрадеде ничего не осталось, даже щепки от его сказочной избы необыкновенного розового оттенка.

Прапрадед Алексей Васильевич Смирнов, 1920-е гг.

Марусе Смирновой 18 лет, 1924 г.

³ Отец историка моды и телеведущего Первого канала Александра Васильева.

История одной старушки

До войны Алексей Сергеевич с женой Марусей жили и работали в Бежецке. Маруся тоже была бухгалтером. Правда, в отличие от мужа, выбрала эту профессию не по призванию, а по необходимости. В 1924 году, после окончания гимназии, честолюбивая Маруся поехала в Петроград поступать на геолого-разведывательное отделение института. В тот год умер Ленин и, по странному стечению обстоятельств, набора студентов не было. Марусе пришлось поступить на высшие бухгалтерские курсы, которые за шесть лет до этого окончил её будущий муж.

Потом она вернулась в Бежецк, устроилась на работу, удачно вышла замуж. В ноябре 1928 года на свет появился Боренька, очень похожий на мать. Мария Алексеевна сына не просто обожала – боготворила. Через пять лет у Соловьёвых снова должно было случиться прибавление. Марусю положили в роддом, где во время родов она заразилась тифом. Пришлось отнять у неё младенца и изолировать в боксе.

Алексей Сергеевич пришёл в роддом забирать жену, но на встречу ему вышла то ли медсестра, то ли санитарка. Тоном, не терпящим возражений, она сообщила: «У вашей жены тиф. Совсем плоха. Помрёт, наверное. А эта вот – ваша, нате, держите. У неё дистрофия. Она точно помрёт», – и вручила ошеломленному папаше тряпичный свёрток. Внутри был младенец, не подающий признаков жизни. Отец не придумал ничего лучше, как отвезти

новорожденную дочку в деревню к Марусиной матери, которую звали Марья. Для удобства я буду называть прабабушку Марусей, а её маму (прапрабабушку) – Марьей. Тем более, что отчества её уже никто не помнит.

Марья времени не теряла: сразу понесла внучку в ближайший незакрытый храм, где её крестили с именем Лариса. Потом вернулась домой и выходила малышку самостоятельно. Вскоре Маруся оправилась от тифа, вернулась домой и наконец-то впервые увидела свою маленькую дочку.

Прапрабабушка Марья – удивительно добрая, самоотверженная женщина. Вся её жизнь была подвигом во имя детей и внуков. О себе она никогда не думала и на свою – чрезвычайно тяжелую – жизнь не жаловалась. Она пережила Первую мировую войну, революцию, раскулачивание, смерть мужа, нищету, голод, но не утратила ни доброты, ни сострадания.

Уже лет в 60 Марья была совсем древней. Маленькая, сухонькая, востроносая, беззубая, с пронзительными голубыми глазами. Всегда одетая в длинное тёмное платье и платок, который она завязывала под подбородком. Все её восемь детей были честными, воспитанными, интеллигентными людьми. О таких говорит Дмитрий Сергеевич Лихачев в «Письмах о добром и прекрасном»: «Я знал на русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. Они соблюдали удивительную чистоту в своих домах, умели ценить хорошие песни, умели рассказывать «бывальщину» (то

В центре этой фотографии – девочка Лида Горячёва, внучка прапрабабушки Марьи (справа). Слева её мама Татьяна Алексеевна, стоят – две старшие сестры. На момент написания книги Лиде было более 90 лет, и она жила в Санкт-Петербурге. Она с любовью вспоминала свою добрую, ласковую бабушку. Бабушка жила в четырёх километрах от дочерей Раисы и Татьяны. Детей у них было много, и бабушка всегда охотно им помогала. Приходила к дочкам, собирала всех внуков, человек 10–15, и вела их через лес в свой домик. Летом всегда ходила босиком, обувь надевала только с приходом холодов.

есть то, что произошло с ними или другими), жили упорядоченным бытом, были гостеприимны и приветливы, с пониманием относились и к чужому горю, и к чужой радости».

Во время войны старушка Марья жила в деревне, а дети и внуки – в Бежецке. С удовольствием в городе было совсем туго, но в селе ещё можно было что-то раздобыть. Каждую неделю она умудрялась где-то находить

муку, из которой пекла в печи лепёшки. Потом заворачивала лепёшки в салфетку и несла из Сонкова в Бежецк. Пешком, потому что никакой транспорт не ходил. В любую погоду, потому что детям надо было есть. Путь длиной 32 километра она проделывала за десять часов.

Умерла бабушка Марья в 1943 году. Возможно, самым жестоким ударом для неё стала смерть старшего сына Ивана. Он работал

Детский сад в г. Бежецке. Боря Соловьев – крайний слева в белой рубашке, сидит на отдельном стульчике, 1932 г.

Марья с дочкой Марусей и внуком Борей, 1933 г.

в Ленинграде, пережил блокаду. Смог эвакуироваться в 1942, приехал в родное село истощенным до крайней степени. Увидев куриные яйца, Иван словно обезумел. Он схватил яйцо, пожарил, съел. Потом следующее, потом ещё и ещё. Сёстры собрались вокруг него, уговаривали, плакали: «Ваня, перестань, тебе нельзя». Но он был, как одержимый. Вдруг, после очередной порции, он упал и умер в страшных мучениях.

Бабушке Марье было всего 72 года, а выглядела она перед смертью на все сто. Она спасла жизнь внучке Ларисе, но так и не увидела, как та выросла и превратилась в яркую, бойкую девушку.

Вся жизнь Ларисы, которую все звали просто Ляля, была наполнена флиртом и развлечениями. Она поступила в медицинский институт, стала акушером-гинекологом, но

Маруся с сыном Борей, 1929 г.

Маруся с дочкой Лялей, 1937 г.

и во время учёбы, и на работе продолжала веселиться. Вечеринки, праздники, застолья. Шампанское рекой, дым коромыслом, танцы до упаду. Под стать ей был и красавец-супруг Владимир (Вова), который полностью разделял неуёмную страсть к тусовкам. Они жили весело, ссорились редко. Но, когда случались размолвки, Вова со словами «У меня баб полно!» уходил на улицу, гулял минут двадцать, а потом звонил из автомата:

– Скажи, что любишь меня!

Ляля гордо отвечала:

– Пошёл к чёрту!

Здесь Вова с досадой кидал трубку на рычаг но, вместо того, чтобы идти к одной из многочисленных «баб», часами дремал на лавочке под окнами, прикрывшись газетой. Всё это – к великому восторгу детей, которые наблюдали за ним с балкона.

Свою природную красоту Ляля так умело подчёркивала с помощью косметики, что

Последние беззаботные дни. Крым, Феодосия. Маруся (слева) с коллегой. Июнь 1941 г.

становилась похожей на эпатажную американскую диву Мэй Уэст. Не забывала она и поговорку: «Ничто так не красит женщину, как перекинь водорода». На её голове в любом возрасте игриво развевались белокурые локоны. Из обуви признавала только шпильки – зимой и летом, в любую погоду.

Ларису Алексеевну мы всегда звали «тётей», хотя она нам двоюродная бабушка. Разве повернется язык назвать «бабушкой» светскую

Был в семье Соловьёвых ещё один случай, когда Маруся могла погибнуть. Впервые в жизни она получила от работы путевку на Чёрное море. Её отдых пришелся на июнь 1941 года. Вместе с коллегами она взяла обратные билеты на 21 число. Рано утром 22-го поезд должен был проходить через Киев, но вдруг остановился на какой-то станции и долго не трогался. Через несколько часов он поехал другим путем – тогда это было ещё возможно. Только по приезде в Москву пассажиры узнали страшную вест: в то утро бомбили Киев, началась война.

даму при полном макияже, увешанную украшениями и с сигареткой, изящно зажатой в намяниженных пальцах? В возрасте четырех лет я сделала важное открытие: наша тетя Ляля – это певица Алла Пугачёва. Тёти-лялин гомерический хохот и фамильярные интонации были неподражаемы. Одним словом – примадонна!

Только после смерти мужа в 2015 году тётя Ляля стала задумываться над вопросами вечности. Когда ей исполнилось 87 лет, она вспомнила добрейшую бабушку Марью, рассказала о её подвижнической жизни и заключила: «Теперь я верую». Понадобилось почти 90 лет, чтобы потомки узнали историю скромной маленькой старушки.

Ляля, студентка мединститута...
1952 г.

... и в полной боевой раскраске с бровями, как у Мэй Уэст.

Ляля с мужем Володией
и родителями

Ляля (стоит слева) с семьей мужа: отцом, матерью, сестрой Валеё (стоит справа), сестренкой Олей (держит букет) и годовалой дочкой Ирочкой.

Мешочек золота

В 1918 году прапрадед Алексей Васильевич Смирнов ездил на ярмарку продавать коровье масло. Вернулся довольный и привёз увесистый мешочек с золотыми изделиями. Украшения раздал всем дочерям, кроме Маруси. Ей тогда было 12 лет, и замуж она пока не собиралась, но всё-таки немного обиделась: «Ничего-то мне не досталось», – с грустью вспоминала она.

Больше всего золота отец подарил 18-летней Ксении, которая в том же году должна была выходить замуж. У Смирновых все дочери были красавицы, но Ксюша выделялась даже среди сестёр. Стройная, с прекрасным светлым лицом, благородными чертами, ясными глазами. Вдобавок ко всему добрая, работающая, послушная. За Ксению сватались многие, но она согласилась выйти за парня с золотым характером, такого же милого и скромного, как она сама.

Свадьба, несмотря на трудные времена, была богатая. Вся округа съехалась к церкви, где проходило венчание: хотелось хоть одним глазком посмотреть на невесту, о красоте которой ходили легенды. На выходе из храма молодожёнов встречала любопытствующая толпа. Все переговаривались, обсуждали, какая счастливая будет молодая жена.

С мужем Ксения жила, и правда, хорошо. Он был добрым, внимательным, покладистым, но не отличался крепким здоровьем – имел слабые лёгкие. Семья мужа приняла красавицу Ксению враждебно. Некрасивые злые сёстры сразу её возненавидели и с первого дня досаждали, как

могли. На Ксюшу взвалили всю чёрную работу: заставляли колоть дрова, готовить, стирать, убирать. Ругали её за любую мелочь, доброго слова она не слышала. Она вытирала пыль, а следом шла золовка и проводила пальцем – проверяла, хорошо ли вытерто. И такие придирки касались всего. Не важно, как она себя чувствовала, болела ли, ждала ребёнка – она одна делала всё. Муж пытался заступаться, но его никто не слушал.

За годы семейной жизни у них с мужем родились трое детей – два мальчика (Василий, Владимир) и девочка Валентина. Ксения была беременна четвёртым, когда у мужа обострилась болезнь. Внезапно он умер. Золовки сразу подняли крик: «Это ты его свела в могилу! Твой ребёнок во всём виноват!» Не понятно, какое отношение ко всему имел ещё не родившийся ребенок, но у мужниных сестёр были обо всём свои представления. Когда младенец появился на свет, они схватили его и умертвили на глазах у матери.

Ксения вернулась с тремя детьми обратно к родителям. Она была всё такая же незлобивая, трудолюбивая, никому не говорила слова поперёк. Дети выросли, стали помогать. Когда началась война, сыновей призвали на фронт. Дочери Валентине было всего 17 лет, но и она тоже решила бороться с врагами – ушла в партизаны. В партизанском отряде забеременела, сделала криминальный аборт и умерла от заражения крови.

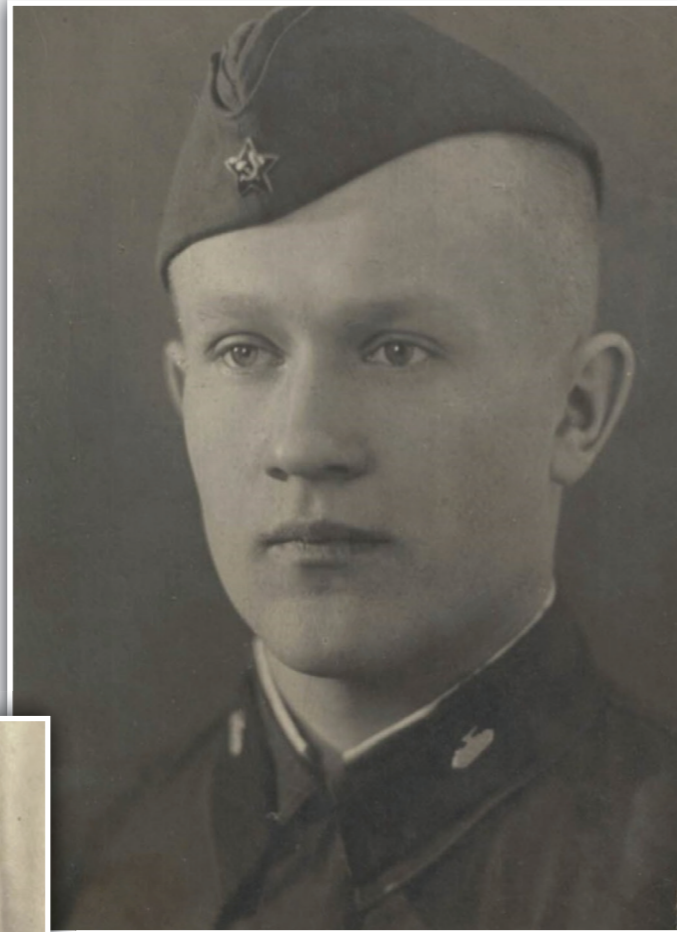
Василий и Владимир служили в разных войсках, и оба почти одновременно попали

Ксения с детьми и своей матерью Марьей (см. главу «История одной старушки»), 1931 г.

в плен к фашистам. Какова же была их радость, когда они встретились в плену! Братья решили бежать, и их план побега удался. Они вернулись на родину и снова пошли воевать. Василий стал танкистом. Он погиб в горящем танке во время сражения. Владимир после победы вернулся в родное село.

Остался у Ксении Алексеевны только один сын. Владимир был человеком добрым, оптимистичным, положительным, внешне и по характеру похожим на мать. Он доучился, начал работать, женился. Когда мать не смогла больше жить одна, Володя взял её к себе, заботился. Правда, его жена невзлюбила кроткую старушку. И снова, как в молодости, Ксения терпела насмешки и придирки от чужой, недоброй женщины.

Старший сын тётки Ксюши Василий, 1941 г. Артист Игорь Ильинский пишет в своих воспоминаниях о войне: «В овраге я вижу наш искорканный обгоревший танк. Он уже несколько дней стоит здесь. Я заглядываю внутрь и вижу обгорелый и обуглившийся труп, слившийся с рулевым управлением. Безвестный танкист, сгоревший вместе со своей машиной, не изгладится из моей памяти на всю жизнь. Так же, как и образ его матери, возникший в моем воображении». Для нас образы погибшего танкиста и его матери вполне определенные: это Василий и тётка Ксюша.

Младший сын Володя с женой Валентиной

Ксения Алексеевна (тётка Ксюша) в старости много и тяжело болела, но никогда ни на что не жаловалась. По характеру это была настоящая христианская подвижница, кроткая, как ангел. Она и внешне напоминала святую с иконы. После 60 лет страдала

сильнейшим остеопорозом, ходила согнутая до земли. Чужие дети смеялись над ней, а она в ответ только улыбалась. Умерла тётка Ксюша в 1972 году от рака желудка, оставив после себя светлую память самой золотой из всех сестёр.

Тётка Ксюша с внуками Шуриком и Юриком, 1959 г.

Гадалка

Удивительная судьба у младшего сына Алексея Смирнова – Василия. Он родился в 1908 году и был последним ребёнком в семье. Маруся (моя прабабушка) была старше его на два года. Отец решил, что в семье должны быть образованные люди и отправил младших детей учиться в гимназию. Вася с детства проявлял незаурядные способности, отлично успевал, особенно по точным предметам. После окон-

чания гимназии в 1926 году поехал в Петроград, где поступил в Горный институт – один из престижнейших технических вузов страны.

В том же году Вася познакомился с очаровательной Лизой Дуплицкой, юной барышней из обедневшей дворянской семьи. Отец Лизы, Владимир Нилович Дуплицкий, потомственный дворянин, был полностью на стороне большевиков и революцию принял всем сердцем и душой.

Василий и Елизавета Смирновы сразу после бракосочетания. Ленинград, декабрь 1931 г.

Сын Алёша и первая дочка Танечка (умерла в младенчестве) с бабушкой Марьей (см. главу «История одной старушки»).

Как-то раз в выходной день Вася и Лиза, взявшись за руки, гуляли в Летнем саду. Настроение было радужное. Навстречу им попала странная женщина, по виду цыганка. Она пристально посмотрела на Васю, но юную пару это ничуть не смутило. Они не удивились, даже когда женщина внезапно подошла и заговорила с Василием. В тот момент им всё казалось весёлым, развлекательным. Женщина с таинственным видом сообщила, что профессионально занимается гаданием и предложила Васе погадать. Это вызвало у молодых людей взрыв смеха, но ради забавы они согласились.

Гадалка, сверкая глазами, сказала, что Василий будет большим начальником, но умрёт

Василий Алексеевич, начальник золотых приисков в г. Якутске.

Самая младшая дочь Таня стала техническим переводчиком с английского.

Сын Алёша стал инженером. Много лет работал директором хладокомбината в Ленинграде.

в возрасте 48 лет, то есть ровно через 30 лет. И даже это потрясающее откровение показалось восемнадцатилетним Васе и Лизе смешным: «Подумаешь, через тридцать лет! Мы тогда, наверное, будем совсем старыми!»

После института Василий Алексеевич сделал блестящую карьеру. Его распределили в город Якутск, где он быстро проявил свои замечательные способности и уже в молодом возрасте стал начальником золотых приисков.

Последний отпуск вместе. Василий Алексеевич и Елизавета Владимировна. Сочи, 1955 г.

Нина Сентябрёва

Елизавета Владимировна с сыном Алексеем и племянницей Лялей.
Ленинград, 1953 г.

Высокая зарплата, шикарная квартира, отдых на курортах – в семье было всё. У пары родился сын Алёша, умный, симпатичный мальчик, и дочь Таня. К сожалению, Танечка заболела и умерла в раннем возрасте. Позже в семье родилась ещё одна девочка, её тоже назвали Таней.

В 1955 году, когда Василию Алексеевичу было 47 лет, случилась беда. Он вёз по тайге группу заключённых, чтобы доставить их к месту работы на золотых приисках. Внезапно, как это бывает в тайге, началась пурга. Все заключенные разбежались, Василий остался один. Десять дней бродил он по тайге, а на

одиннадцатый пришёл в какое-то селение. Его отвезли в больницу, пытались лечить. Но нервное потрясение было слишком велико. Началась лейкемия. Василия Алексеевича отправили самолётом в Москву, в лучший НИИ. Он скончался в больнице в 1956 году в возрасте 48 лет.

Жена и дети вернулись в Ленинград, где им дали комнату в коммуналке. В предпенсионном возрасте Елизавете Владимировне впервые пришлось пойти работать. Она устроилась смотрителем в Эрмитаж, ведь ни образования, ни опыта у неё не было. Заканчивая свою печальную историю, тётя Лиза вздыхала: «Как же быстро пролетели эти тридцать лет».

Произошла эта история в 1950 году. К тому времени Алексей Сергеевич получил должность главного бухгалтера по строительству только что открывшегося предприятия «Химволокно» в Калининне – областном центре. Семья переехала в двухкомнатную квартиру на окра-

ине города в дом без фундамента. Но и такое скромное жилище казалось им прекрасным.

Однажды утром Мария Алексеевна пришла, как обычно, на работу. В вестибюле увидела странную картину: на одном из кресел лежал и вопил изо всех сил малюсенький грудной

Мария Алексеевна с сестрой Ксенией (слева), Алексеем Сергеевичем, внуком Сережей и слоником. Калинин, 1964 г.

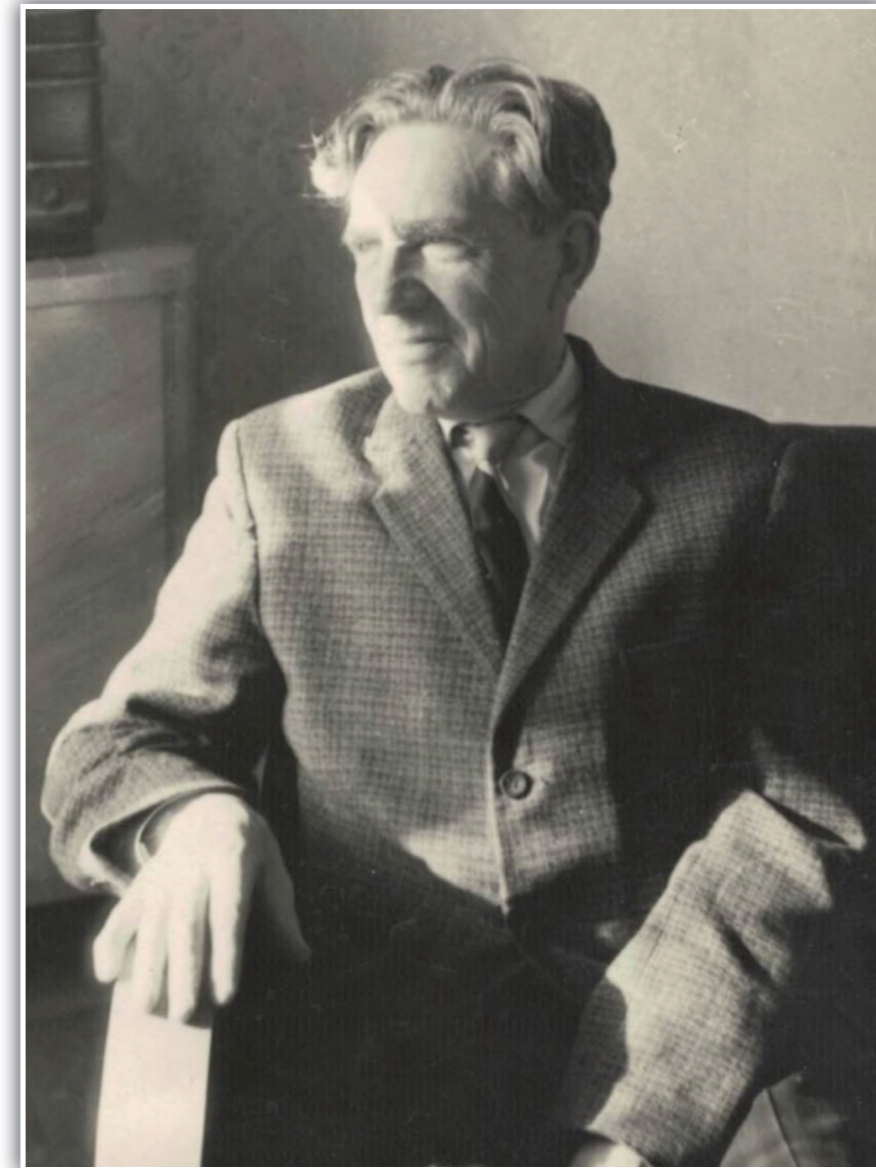
Мария Алексеевна с внучкой Мариной. Январь, 1963 г.

младенец. Вокруг столпились люди, которые наперебой решали, что делать с брошенным ребёнком. Обратиться в администрацию? Позвонить в милицию? В дом малютки? Параллельно обсуждалась и осуждалась мать-кукушка, а также современные мамы, в общем и целом.

Вдруг в толпу ворвалась бледная молодая женщина с криком: «Это мой ребёнок! Мой!» Схватила ребёнка на руки и принялась укачивать. Зеваки вскоре разошлись, потеряв интерес к происходящему. Остались только молодая мать, которая успокаивала плачущего малыша: («Игорёк, ну тихо, тихо») и Мария Алексеевна.

Молодая женщина ей сразу понравилась. Она не была похожа на легкомысленную или безответственную особу. Здесь было что-то серьёзное. Мария начала расспрашивать её и поняла, что первое впечатление её не обмануло.

Женщину звали Нина Сентярёва. Помимо Игорька, который родился месяц назад, у неё была еще трёхлетняя дочка Верочка. Муж бросил их незадолго до рождения сына, и она осталась одна с двумя детьми без средств к существованию. Родных и близких – никого. В детский сад детей не брали. Пришлось выйти на работу сразу после родов, даже не оправившись как следует. Игорька она брала с собой

Прадедушка Алексей Сергеевич Соловьёв, 1964 г. Обладал замечательным здоровьем и до старости был в прекрасной физической форме. В 80 лет одним махом взбегал на третий этаж. Самостоятельно обрабатывал большой дачный участок. Собирал несколько ведер клубники, а потом ехал на автобусе на рынок и продавал. И всё это – ради удовольствия.

на работу и кормила в перерывах, а Верочка оставалась в комнате общежития одна. На днях случилось несчастье: в комнату ворвался пьяный сосед и напугал Верочку до смерти. Она окосела. Неизвестно, временно или навсегда. И теперь девочка тряслась от страха, оставаясь одна в запертой комнате. Нина понимала, что долго так продолжаться не может. Она была на грани нервного срыва.

Тогда Мария Алексеевна твёрдо сказала: «Нина, пойдешь жить к нам». Она знала, что муж её полностью поддержит. В тот же день Нина с детьми перебралась к Соловьёвым. Ей помогли перевезти вещи, устроиться, купить необходимое. Жили дружно, весело, вели совместное хозяйство. Год спустя Нина получила отдельную квартиру. Дети подросли и уже ходили в садик.

А Соловьёвы в 1953 году получили новую квартиру в самом центре города, в роскошной «сталинке», построенной пленными немцами. Это был знаменитый дом 7 по улице Правды (теперь – Новоторжская). К зданию пристроили драмтеатр и филармонию, под окнами разбили сквер. Через дорогу находились городской сад и кинотеатр «Звезда», спустя год открылась областная библиотека. В народе дом номер семь сразу начали называть «дворянское гнездо». В нём жили четыре поколения нашей семьи. На сайте «Тверские своды» о доме написано так: *«Интереснейший памятник советского неоклассицизма в Твери, хорошо сохранивший черты помпезного послевоенного стиля. Построен в 1950–1953 гг.»*

Квартиры в новом доме получили, в первую очередь, партийные и номенклатурные работники области и города. В квартирах были все необходимые удобства, канализация, централизованное водоснабжение, свой достаточно

обширный двор. Придомовая территория была закрытой. В первом этаже разместились магазины, в том числе знаменитый в Калининне «Детский мир» (позже «Молодежный»).

Здание является важнейшей доминантой современной Тверской площади и одним из значительнейших советских памятников Твери.

Памятники, подобные этому, не охраняются законодательно и числятся в лучшем случае лишь как выявленные объекты культурного наследия. Между тем архитектурные достоинства здания несомненны. Оно заняло один из важнейших в городе участков и фактически до сих пор продолжает держать площадь, застроенную зданиями разного времени и стиля, где в последние годы, к сожалению, не наблюдается построек, качеством проекта хотя бы приблизительно равных ему».

Соловьёвых привели в великолепный новый дом и предложили взять в нём любую квартиру. Они выбрали трёхкомнатную с двумя балконами, но она казалась им такой огромной, что они бесплатно пустили туда жильцов – семейную пару. К сожалению, те оказались вовсе не такими порядочными, как Нина. Мужчина прельстился красотой Марии Алексеевны, но получил возмущенный отпор. Вскоре жильцы съехали.

Нина Сентябрёва окончила институт, вступила в партию. Она всегда много работала, была серьёзной, ответственной, организованной. Всю свою жизнь посвятила детям и работе, а о замужестве больше никогда не помышляла.

Через несколько лет Нину Георгиевну назначили директором швейной фабрики в Бежецке, выделили благоустроенную квартиру. Дети выросли, уехали учиться в Ленинград. Верочка стала экономистом, а Игорь инженером.

Косоглазие у Верочки осталось навсегда. Мать возила её по всей стране ко многим врачам, но ей никто не смог помочь, даже знаменитый профессор Филатов из Одессы. Несмотря на косоглазие, поклонников было много. Вера была худенькая, маленькая, симпатичная. Её звали «Хаврошечка». Она вышла замуж за коренного ленинградца. Сын Игорь женился.

Когда Нина Георгиевна вышла на пенсию, она обменяла свою квартиру на комнату в Ленинграде, чтобы быть рядом с детьми и внуками. Она прожила долгую, счастливую жизнь и никогда не забывала свою любимую подругу – Марусю. Они считали друг друга родными, постоянно переписывались и ездили в гости. Их крепкая дружба продолжалась до самой смерти Марии Алексеевны.

Алексей Сергеевич у своего подъезда дома номер 7 по улице Правды, 1964 г. Он был отличным работником, а потом так называемым «персональным пенсионером» (Персональная пенсия в СССР предоставлялась людям, имеющим особые заслуги в области государственной, общественной и хозяйственной деятельности или за выдающиеся заслуги в области культуры, науки и техники). В нашем подъезде располагался Красный уголок, где мы как-то раз весело отмечали Новый год всем нашим пятым классом.

История в фотографиях

Демонстрация 1 мая 1979 года.
На заднем плане портреты Маркса, Энгельса и Ленина.

Особенно привлекает на этом фото разнообразие головных уборов. На демонстрации ходили всем коллективом...

...И, конечно же, брали детей, 1986 г.

Советский человек даже в санатории не должен был чувствовать себя одиноким, оторванным от коллектива.

Каждый год в день рождения В.И. Ленина (22 апреля) на центральных площадях городов и городков проходила торжественная церемония приема в пионерскую организацию.

Без пяти минут пионеры,
1967 г.

Уже пионеры.

Необычный урок химии в школе под девизом «Советские люди повсюду творят чудеса», 1969 г.
Мальчик, переодетый стариком Хоттабычем, только что продемонстрировал «чудо» – превратил воду в огонь. В результате, поджёг свою накладную бороду, а также капроновые колготки учительницы химии – в ажиотаже бросил горящую бороду ей на колени. Учительница долго возмущалась: капроновые колготки в те годы были страшным дефицитом и стоили немалых денег.

Школьная экскурсия в Москву, 1969 г.

Классная хоккейная команда, 1970 г.

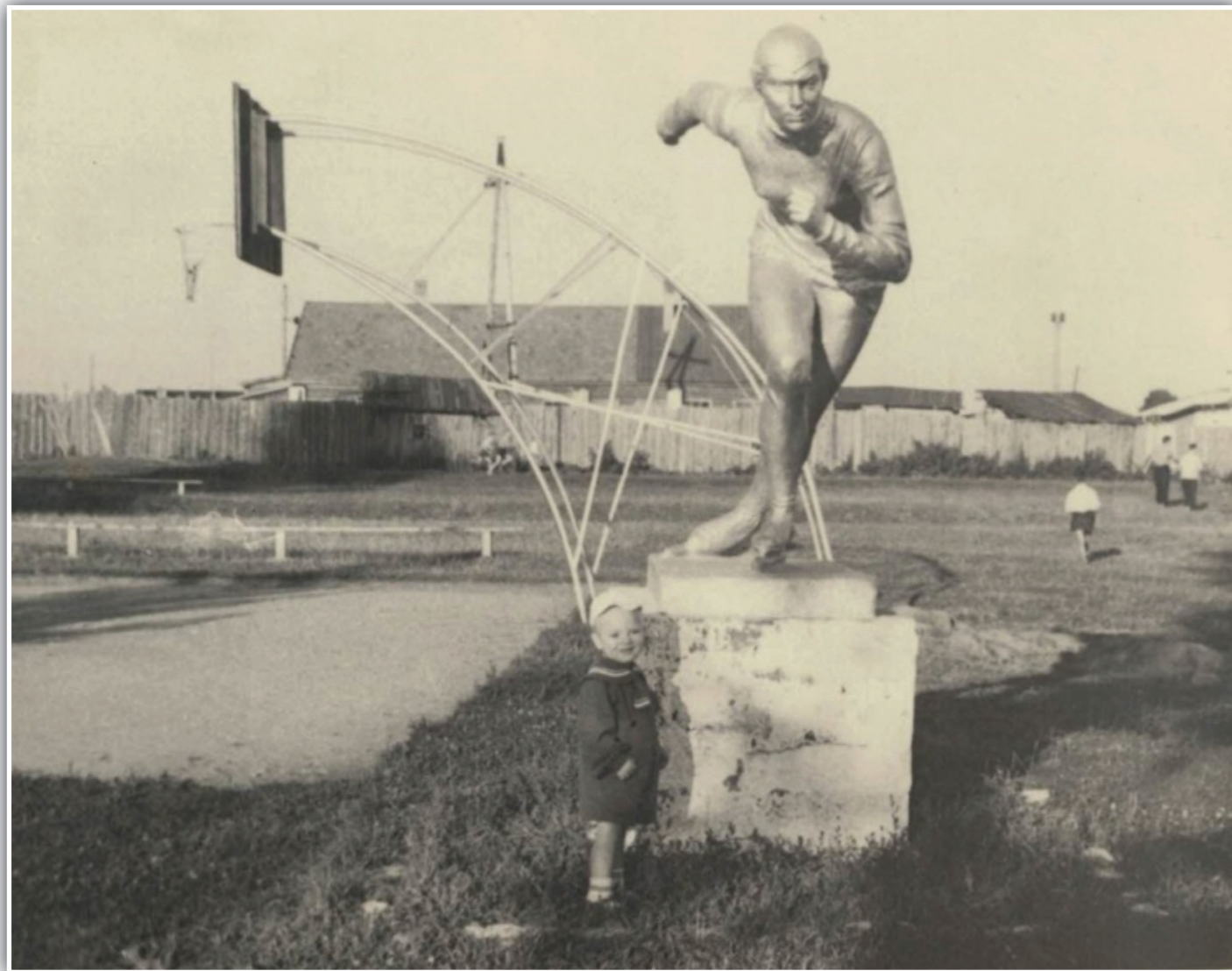
Общение соседей у подъезда. Ленинград, 1974 г.

В детском саду, 1966 г.

Игры и игрушки, 1968 г.

Статуя спортсмена на стадионе в советском духе, 1959 г.

В советское время люди тоже делали селфи, только с большей элегантностью и выдумкой. Это фото сделано в зеркальную витрину на Невском проспекте в 1966 году.

Даже в холодную погоду модные дамы гуляют по Ленинграду в лёгких туфельках, 1966 г.

Провинциальная свадьба.
Самодельное платье и фата
из занавески, 1965 г.

Студенты Ленинградского
медицинского института,
1953 г.

Девочка, хочешь фотографироваться?
Нет, я бегу смотреть фильм «Королевство кривых зеркал»!
1963 г.

На картошке, 1973 г. В советское время работники всех организаций обязаны были выезжать в колхозы и помогать с уборкой урожая.

Новогодний маскарад в школе, 1966 г.

Художественная самодеятельность в институте, 1979 г.

Советская молодежь тех лет изо всех сил старалась подражать Западу в моде и в музыке.

Студенты Калининского Политеха на военных сборах, 1979 г.

Студенческая весна-1977.

Советские солдаты в Дрездене, 1976 г.

После войны Германия была разделена на две части – восточную и западную. В восточной части – ГДР (Германская Демократическая Республика) было почти как в СССР. В 1961 году была построена Берлинская стена, чтобы граждане ГДР не стремились на запад. В 1989 году, в результате мирной революции, стена рухнула, и Германия вновь объединилась.

Открытка от друга, который служил в Дрездене.
Любая заграничная вещь, будь то даже такая открытка,
казалась чем-то экзотичным.

Модные чепчики, 1978 г.

Победители соц. соревнования
в честь 110ой годовщины
со дня рождения В. И. Ленина.

Московский район.
г. Калинин.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ В ПИОНЕРЫ
В МУЗЕЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ СЛАВЫ
ИМЕНИ Е.ЧАЙКИНОЙ-1990 ГОД.

Нас тоже принимали в пионеры. Теперь это уже история. Спустя год и четыре месяца страна под названием Советский Союз перестала существовать.

Заключение

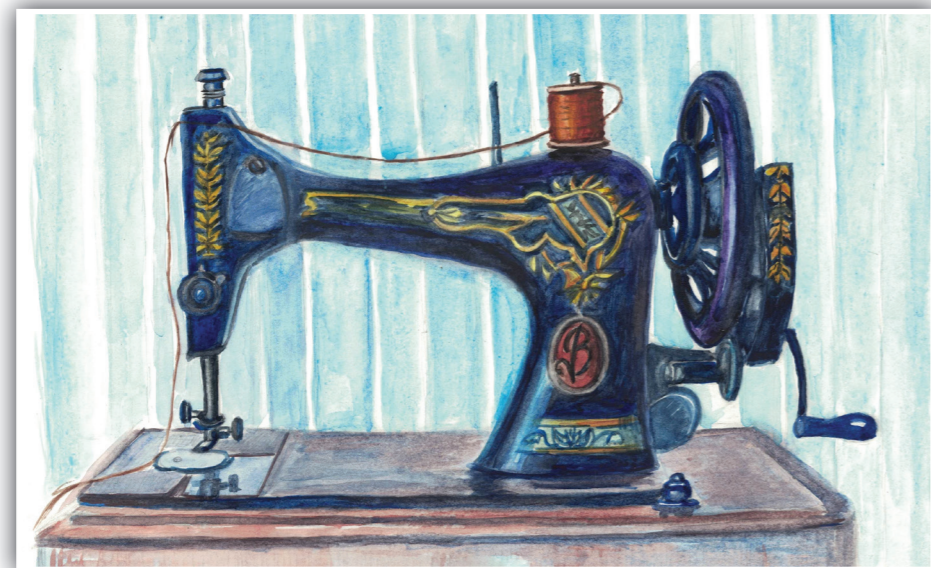
Во время работы над этой книгой я руководствовалась словами Фёдора Михайловича Достоевского: «Запомните мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что даёт сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает вам того, что даёт иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь, уважайте жизнь!»

Удивительно, как много незаурядных личностей может быть в самой обыкновенной семье. Мне ничего не пришлось выдумывать или сочинять: большинство историй я слышала с детства и записала почти так же, как их мне рассказывали. О некоторых людях и событиях мы узнали недавно. Кто-то сообщил новые подробности или историю отдельных фотографий. Часто мне казалось, что мои

предки меня поддерживают, желая напомнить о себе.

Буду очень рада, если эта книга вдохновит читателей на поиск сведений о своей семье. Или заставит задуматься о том, что простые, ничем не выдающиеся люди могут быть необыкновенными и великими, совершать подвиги, находясь в сложных обстоятельствах. Или сможет доказать, что испытания, которые мы переносим в данный момент – просто пылинка по сравнению с тем, что выпало на долю предыдущих поколений.

Возможно, наши потомки тоже о нас когда-нибудь напишут. Если будет, что вспомнить, и жизнь окажется прожитой не зря. Но пока мы ещё маленькие, мы рядом не стоим с величием тех, о ком здесь рассказывается. Мы до них ещё не доросли.

ХУДОЖНИК

С детства занималась рисованием под руководством художников Владимира Душаткина и Шуры Журавлёвой. Окончила лечебный факультет Тверского медицинского университета и отделение иностранных языков Тверского госуниверситета по специальности «Переводчик в сфере профессиональных коммуникаций» (английский язык). В настоящее время ведёт курс медицинского английского для врачей и студентов-медиков.

АВТОР

Родилась в Твери. Окончила английскую гимназию и отделение межкультурной коммуникации Тверского государственного университета (английский, немецкий языки). Затем окончила факультет международной экономики университета Сорбонна в Париже со степенью магистра. Работала журналистом, затем специалистом по связям с общественностью в Париже, Страсбурге и Москве. Сейчас преподаёт английский, французский и немецкий языки.

ИСТОЧНИКИ

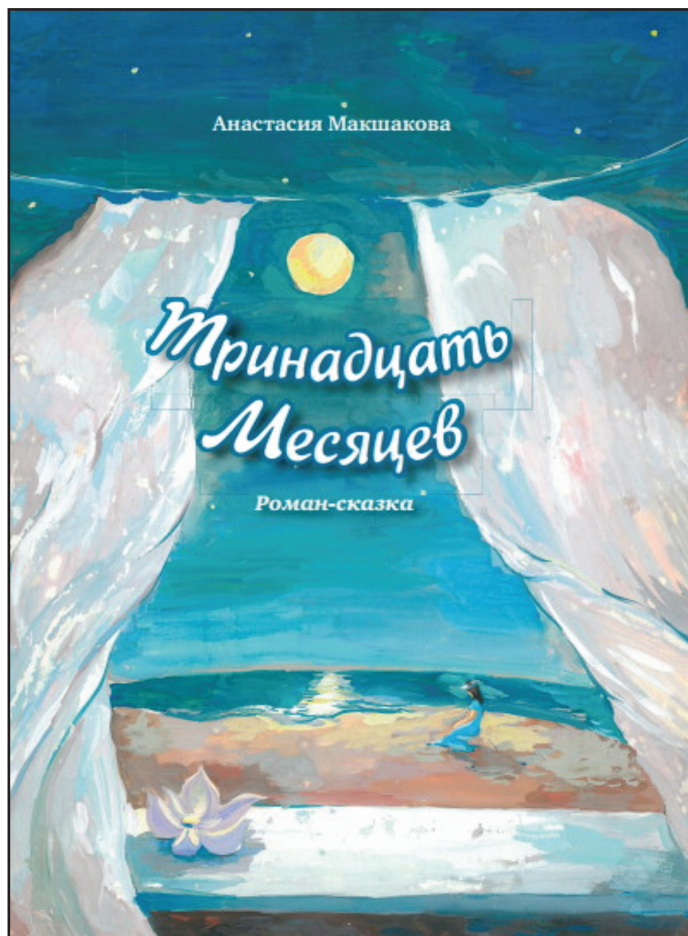
1. *Noroc Mihaela*. The Atlas of Beauty. Women of the World in 500 Portraits. – London: Particular Books, 2017
2. *Бикбулатов Тимур*. Новомученик Андрей (Гиляревский). Рыбинская среда, 15 декабря 2009
3. *Василевский Константин*. Посидим, поразмышляем. – Рыбинск: Молога, память и боль. Молога, Литературно-исторический сборник, выпуск 4, 1999
4. *Васильев А.А.* Фамильные ценности. Книга обретенных мемуаров. – М.: Издательство АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2019
5. *Вовк Алексей*. Репатриация из Франции. Из воспоминаний русских эмигрантов. 23 сентября 2015. Мемориально-просветительский и историко-культурный центр «Белое дело»
6. *Данилов Георгий, игумен*. Житие и служение святителя Тихона, Патриарха Московского. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2008
7. *Гиляревский Борис*. Древо. – Владимир, 2014
8. *Гиляревский Борис*. Память о прошлом. – Владимир, 2016
9. *Гиляревский Борис*. Связь родов и поколений. – Владимир: Калейдоскоп, 2011
10. *Гиляревский Борис*. Старые письма. – Владимир, 2018
11. *Иванов Павел*. Новоторжская ул., дом № 7. Жилой дом для партийных и советских работников (1950–1953). Тверские своды. Общественный мониторинг архитектурных, исторических и природных памятников Верхневолжья <http://www.tversvod.ru/page261/?full=1>
12. *Ильинский Игорь*. Сам о себе. – М.: «Искусство», 1973
13. *Костырева О.В.* Поэтика заглавия рассказов Н.А. Тэффи в контексте прозы журнала «Сатирикон» (1908–1913 гг.) Специальная тема, 2013
14. *Куликова С.С.* Епископ Арсений (Крылов) (1879–1962). «Московский Журнал», 1997 г., № 6, стр. 36–41
15. *Левитин А., Шавров В.* Очерки истории русской церковной смуты. – М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1996.
16. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. – М.: Издательство АСТ. 2020
17. *Локалов Артем, Давыдов Игорь*. Не в бровь, а в Глазок. Как школьники из тамбовского села сделали его самым известным в стране – Российская газета, 1 апреля 2018
18. *Митчелл Маргарет*. Унесённые ветром. – Минск: Мастацкая літаратура, 1991
19. *Молоховец Елена*. Подарок молодым хозяйкам. – Санкт-Петербург: Типография Н.Н. Клобукова, 1901
20. *Мясников Александр*. Мрачные тени на погосте под Судогдой, Ключ-Медиа, 26 января 2018
21. *Несветеева Галина*. Подарок потомкам от правнучки Виноградова. Хронометр-Владимир (Владимирская еженедельная газета). 3 сентября 2008
22. *Павлова Ирина*. Мои воспоминания. – Владимир: Калейдоскоп. ФГУП Владимирская областная научная библиотека, 2011
23. Радиостанция «Эхо Москвы», передача «Непрошедшее время», интервью с Александром Александровичем Ляпиным, внуком художника Поленова. <http://www.echo.msk.ru/programs/time/532977-echo/>
24. *Ратников Вячеслав*. Снимал ли Прокудин-Горский царскую семью в Скерневицах? – Блог проекта «Наследие С.М. Прокудин-Горского», 19 марта 2020 <https://oldcolor.livejournal.com/609000.html>
25. Сайт Свято-Троицкого храма в г. Ванв (Франция) <http://eglise-orthodoxe-vanves.org/>
26. Сайт Вознесенского Оршина женского монастыря <https://orshin.ru/>
27. Сайт села Глазок <https://seloglazok.ru/>
28. *Сбитнева Инна*. Владимир и Владимирский край 100 лет назад. войны, революции, военный коммунизм – Владимир: Транзит-ИКС, 2016
29. Сквозь волшебное кольцо. Британские легенды и сказки. – М.: Издательство «Правда», 1987
30. *Степанов В.* Работа по отрыву от церкви. – Мирт: газета. – 2009. – № 1 (66).
31. *Стефан (Светозаров Леонид Михайлович)* Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. (с) ПСТГУ, ПСТБИ (с) Братство во Имя Всемилолюбивого Спаса
32. Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии: 1750–1900 / сост. Н. Малицкий. – Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. – 336 с.: ил.
33. *Танеева (Вырубова) Анна*. Страницы моей жизни – Спб.: «Царское дело», 2015
34. *Фролов Николай*. Загадка монастырского клада. Газета «Призыв» (Владимир и Владимирская область), 21 сентября 2011
35. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2009
36. Церковь Святого пророка Ильи в селе Селихово. – Тверь: Издательство «Алексей Ушаков и Ко», 1995
37. *Чехов А.П.* Календарь «Будильника» за 1882 год. МАРТ. – Островок, 2000 <https://ostrovok.de/old/classics/chekhov/story134.htm>
38. *Чехов А.П.* Повести и рассказы. – М.: «Детская литература», 1979
39. *Чуковский Николай*. Балтийское небо. К 75-летию полного снятия блокады Ленинграда. – Москва: Эксмо, 2019
40. *Шолохов М.А.* Письмо к Сталину от 4.04.1933 // Впервые: «Правда», 1963. – 10 марта (в извлечениях, в речи Н.С. Хрущева на встрече с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г.); полностью – «Родина», 1992. – № 11/12. – С. 51–57, повторно – «Вопросы истории», 1994. – № 3. – С. 7–18.
41. *Яковлев Юрий*. Рассказы и повести. – М.: «Детская литература», 2010

БЛАГОДАРНОСТИ

Борис и Валентина Гиляревские
Тамара Персианова
Татьяна Васильева и Светлана Блинова
Вячеслав Ратников (Блог проекта «Наследие С.М. Прокудина-Горского»)
Наталья Мозохина (Русский музей)
Emilie van Taask (Свято-Троицкий храм в г. Ванв, Франция)
Монахини Антония и Михаила (Оршин Вознесенский женский монастырь)

ДРУГИЕ КНИГИ ЭТОГО АВТОРА

«Тринадцать Месяцев» Роман-сказка
Красногорская типография, 2017 год

«Репетиторство без границ»
Типография OneBook, 2020

Иллюстрации и оформление *Ксения Макшакова*
Издательство *Анастасия Макшакова*
Компьютерная вёрстка и дизайн обложки *Александр Кузнецов*

Подписано в печать 21.06.2021 г. Формат 60×90/8
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,5. Заказ № 100353

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист». 129090 г. Москва, Протопоповский пер., 6
www.onebook.ru